

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 11

Москва
2000

ББК 81
Я410

Электронная версия сборника, изданного в 2000 году.

В электронной версии исправлены замеченные опечатки. Расположение текста на некоторых страницах электронной версии по техническим причинам может не совпадать с расположением того же текста на страницах книжного издания.

При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. –
Вып. 11. – 140 с.

ISBN 5-89209-544-4

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-89209-544-4

© Авторы статей, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

<i>Сорокин Ю. А., Цзян Ямин (КНР)</i> Составляющие образа мира: современные русские и китайцы	5
<i>Базылев В. Н.</i> Когнитивная структура эмоций: русско-японские параллели.....	9
<i>Мягкова Е. Ю.</i> Проблемы и перспективы исследования эмоционального значения	20
<i>Перфильева С. Ю.</i> Употребление слов — эмонемов в тексте. Попытка интерпретации эксперимента.....	24
<i>Клюканов И. Э.</i> Семиоперевод и маркированность межкультурного общения	30
<i>Гудков Д. Б.</i> Прецедентная ситуация и способы ее актуализации	40

ЛИНГВИСТИКА

<i>Красных В. В.</i> Новый тип текста: миф или реальность? (размышления на досуге)	47
<i>Прохорова Т. В.</i> О системе значений обстоятельств образа действия в подязыке естественных наук.....	51
<i>Сазонова Т. Ю.</i> Интеграция опор в процессе идентификации слова	66
<i>Ильинская Н. Г.</i> Общерусский глагол ПРАВИТЬ в архангельских говорах.....	70
<i>Ксензенко О. А.</i> Роль парентетических внесений в рекламных текстах.....	78
<i>Эстрина И. Л.</i> Темп и паузация как способы просодического оформления комических, лирических и драматических ситуаций в сказочном повествовании	87

ЛИНГВОПОЭТИКА

Ким Ын Чжун (Корея) Специфика эстетики “Стихов о Прекрасной
Даме” А. Блока и ее восприятие в корейской аудитории96

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Филиппова М. М. Когнитивные аспекты иронии и сарказма в
преподавании английского языка107

Изотова А. А. Изучение некоторых сложных разделов
идиоматики английского языка: варианты заданий129

Изотов А. А. Морфология чешского языка:
программа лекционного курса136

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

Составляющие образа мира: современные русские и китайцы

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин,
кандидат филологических наук Цзян Ямин (КНР), 2000

С точки зрения этнопсихолингвистики культура рассматривается как форма ментальных и нементальных поступков, связанных с определенным этническим сообществом. В нем существуют специфически структурированные стереотипы, или, иначе говоря, единицы ментально-лингвального комплекса, реализующиеся в стандартных ситуациях общения / деятельности и являющиеся по сути дела маркированными локальными ситуациями. Иными словами, стереотипы — это или речевые клише, или невербализованные штампы сознания [Прохоров, 1996: 100]. Опираясь на эти соображения, будем считать, что этническое сознание есть совокупность таких маркированных локальных ассоциаций, изучение которых помогает вскрыть особенности образа мира, характерного для представителей того или иного лингвокультурального сообщества.

Общеизвестно, что с одним и тем же объектом увязывается в различных этносах разное содержание, формируемое нетождественностью вербального и невербального опыта и фиксируемое языками, “живущими” в несовпадающих типологических координатах. И жизнь в таких координатах скорее правило, чем исключение.

В последние годы в России для изучения такого рода несовпадений широко используется ассоциативный эксперимент, в ходе которого от информантов получают целенаправленные или свободные ответы — реакции на предложенные стимулы.

Понятие ассоциации можно рассматривать как в широком, так и в узком значении этого слова. В широком смысле это не что иное, как минимизированное представление об окружающем мире и оценка этого мира (или его фрагмента) человеком, в узком смысле — это связь между отдельными лексемами (клишированными дейксисами).

По мнению Н. В. Уфимцевой, в центре образа мира современных русских находится человек, с которым совмещены такие ценности-понятия, как *дом, жизнь, друг, деньги, радость, дело, день, лес, любовь, работа, стол, дорога, разговор*. Для русских наиболее значимы сле-

дующие качества: *большой, хороший, плохой, старый*. Они предпочитают также использовать, прежде всего, оценки *хорошо, плохо, много, быстро, далеко*. Для русских типично *думать, говорить, жить, идти, сделать* [Уфимцева, 1996: 145, 146-159]. Помимо этого, русский человек — “это человек родовой. Он хороший... добрый... разумный... умный... мудрый... Он гордый... красивый... смелый... надежный... сердечный... хотя может быть плохим... странным... трудным... и упрямым... Это человек дела... слова... долга... труда... чести... хотя последние три понятия в русском языковом сознании слабо связаны с понятием “человека”. Актуальной в сознании является связь таких понятий, как человек — зверь... животное... обезьяна... с одной стороны, и человек — друг... брат... товарищ... хотя последний ряд и менее актуален. Достаточно редко человек воспринимается русскими как гражданин... и личность... И, наконец, человек — это мужчина и очень редко женщина... Присущая русскому менталитету своеобразная планетарность мышления выражается в том, что человек соотносится с такими понятиями, как земля... космос... вселенная... И лишь однажды человек соотносится с Богом... Человеком можно быть... стать... остаться... и родиться... и человеку надо дать... жить... помочь... и сказать” [Уфимцева, 1996: 145]¹.

Эти утверждения важны не только для расширения рефлексивного поля носителей русского языка, но и для тех, кто изучает русский язык (и русскую культуру) как некоторое инобытие, поскольку фиксируют внимание на такой с м ы с л о ф о р м е , которая свидетельствует о сингулярности русской аксиологии.

Является ли столь же специфической и китайская смыслоформа? Есть ли различия между ней и русской?

Пытаясь получить ответы на эти вопросы, мы опросили студентов одного из китайских университетов (всего 66 человек в возрасте от 18 до 24 лет), а также преподавателей этого университета (всего 20 человек в возрасте от 30 до 60 лет), прося указать на 1) самые важные, по их мнению, составляющие китайского образа мира и 2) перечислить “поступки”, наиболее поощряемые в рамках этого образа.

Ответы наших испытуемых значительно отличаются от ответов русских. Типичными фрагментами китайского образа мира оказались *семья, работа, дружба (друг), здоровье* и *хобби*, а типичными / поощряемыми поступками в нем — *учиться, жить, работать, наслаждаться (играть) и думать*.

В отличие от русских, у которых в центре образа мира находится человек, у большинства опрошенных китайцев центром образа мира является *семья*. Она должна быть *счастливой, прочной, приятной, весе-*

¹ Критику этих утверждений см. в [Dorodnych, 1999].

лой. Семья — это *дом, мать и отец, муж и жена, дети*, а также *вкусная еда, отдых и обязанности*. Семью следует *любить и беречь*. В ней можно *жить, отдыхать, веселиться и плакать*.

Вторым важным компонентом китайского образа мира является *работа*, т. е. *дело, профессия, средство выживания*. Она может быть разной: *престижной, хорошей, легкой, тяжелой и трудной*. Цель работы — *жить, получать деньги, образование, приобрести машину, купить дом*. *Интерес к работе — маловажен*.

Третьим компонентом является *здоровье*, которое рассматривается в качестве *капитала человеческой жизни*. Чтобы иметь хорошее здоровье, следует *быть “экологом”, заниматься спортом, разумно питаться и всегда быть в хорошем настроении*.

Четвертый компонент — *хобби* — также не является периферийным. Хобби — это что-то *интересное, увлекательное и доставляющее людям удовольствие*, это *путешествия, коллекционирование, чтение, спорт, музыка, красивая одежда*.

Если русские предпочитают *думать*, то большинство опрошенных китайцев признает, что самое главное для них — *учиться и прежде всего — получить образование*.

Учиться — это значит *получать новые знания, уметь пользоваться компьютером, уметь водить машину, знать иностранный язык (особенно английский)*. Учиться надо *хорошо, быстро, старательно, усердно* для того, чтобы *жить хорошо, найти хорошую работу, побольше зарабатывать денег, улучшить свою жизнь и совершенствовать себя*.

Таким образом, мы можем, по-видимому, сделать следующий вывод: китайская смыслоформа сингулярна в той же мере, что и русская. Главное различие между ними заключается в характере аранжирования “центра внимания”: у русских в этом центре находится *человек*, у китайцев — *семья*. Формирование такой установки неслучайно: в Китае все виды и формы общения строились на основе конфуцианских постулатов, подчеркивавших, что почтительность к родителям предопределяет стабильность общества (и семейной ячейки как его части) (см. в связи с этим [Васильев, 1979]). И эта установка сохраняется до сих пор. Но она, естественно, размывается. Современные китайцы стали больше заботиться о себе, *своей личной жизни и реализации своих планов*. В этом отношении взгляды русских и китайцев сходны. У тех и у других одинаковое отношение и к работе: она — *средство выживания и способ сделать карьеру*. Короче говоря, если раньше китайцев беспокоило, как *наестся досыта*, то сейчас — как *поесть вкусно*².

² О русских это вряд ли можно сказать.

Если русские юноши и девушки больше *думают*, то китайские — больше *слушают* и *делают*, считая, что самим думать не нужно, так как все продумано и спланировано их родителями. Правда, и они внушают своим детям, что думать, конечно, надо, но все-таки в ограниченно-разрешенных рамках.

Русские (но не китайцы) стремятся к жизни идеальной в духовном и материальном отношении. И в то же время стараются быть логичными и рациональными (китайский традиционализм несовместим с этими качествами), свидетельствуя, тем самым, что они живут в промежуточном мире — между Востоком и Западом.

Л и т е р а т у р а

1. *Васильев Л. С.* Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность. М., 1979. С. 52-62.
2. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
3. *Уфимцева Н. В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этно-культурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 139-162.
4. *Dorodnych A.* National Mentality Through Language: Uncertain Ground // Slupskie Prace Humanistyczne, "Neofilologia", Slupsk, 18a, 1999. Pp. 65-71.

Когнитивная структура эмоций: русско-японские параллели

© доктор филологических наук В. Н. Базылев, 2000

1. Вместо введения: несколько слов об этнографии общения

Современные теории познания могут сказать сравнительно мало относительно аффектов и эмоций.

Вполне возможно, что основная причина расхождений между теориями познания и теориями эмоций заключается в том, что акцент делается на метафору 'обработки информации человеком'. Так же как лишь немногие из теорий познания хоть что-нибудь говорят об эмоциях, так и теории эмоций, как правило, неприемлемы в силу нечеткого решения вопроса о роли когнитивных факторов для эмоций.

Принимая точку зрения эмпирической психологии и когнитивной науки, мы постулируем, что эмоции определяются способом, каким лицо, испытывающее их, воспринимает ситуации, которые порождают эти эмоции. Мы пытаемся исчислить ситуации, вызывающие эмоции, а также определить структуру эмоции в терминах личностного и межличностного описания ситуаций. Эмоции возникают в результате некоторых форм когнитивной деятельности: следовательно, интерес представляет исследование того, что представляют собой эти формы.

Обратимся к проблеме связи языка и мировоззрения — к влиянию языка на формирование мировоззрения. Проблема влияния языка на мышление, на развитие познания широко обсуждается на уровне психолингвистики. Влияние языка на когнитивное развитие ребенка признается здесь или в большей степени, например, Брунером и Бернстайном, или в меньшей степени, например, Фуртом и Пиаже, утверждавших примат когнитивного развития под воздействием аспектов жизненного опыта. Но так или иначе это влияние признается.

Национальность как психологическое качество индивидуума представляет специфический признак — уважение к человеку и народу своей национальности. В мере нравственного качества одного без другого (общего без специфического) не бывает. Отрыв одного от другого и наоборот, абсолютизация дают два противоположных "изма". Враждебное отношение к чужим эмоциям, собственный холодный, бесцветный, скучный от претенциозных логических фиоритур язык, требование к оппонентам не быть эмоциональными — это лингвистический признак рационалистического мировоззрения. Ведь что же это такое как не

способность к когнитивным чувствам и боязнь их у своих оппонентов. Умный рационалист хоть и называет их животными эмоциями, но сам инстинктивно сознает, что это не слепые эмоции, а гносеологические состояния, знающие истину.

Этнография общения заняла в конце XX века свое место в парадигме лингвистики. Опираясь на понятия этнокультура, языковая картина мира, стереотипы речевого поведения, она способствует раскрытию особенностей мировосприятия этносов, их менталитета, роли языка в процессе познания мира и сохранения этнокультурных ценностей. Будучи несомненно проявлением антропоцентричности современной науки, постулаты этнографии общения могут стать ведущим лингвометодическим принципом как при обучении языку как специальности, так и в теоретическом курсе лингвистических университетов. Этнография общения — это область изучения моделей коммуникативного поведения как систем культуры, которая должна привести к пониманию когнитивной роли языка в контексте социальной жизни.

Отечественная и западная этнография общения развивались по своим особым моделям, отражая разные задачи исследования, разное социальное задание, но в любом случае ориентиром и целью оставалось моделирование речевого поведения в терминах структур знания — этносемантики, коммуникативных действий, стратегий и стереотипов как фрагментов языковой картины мира. Этнография общения призвана интерпретировать связь между особенностями речевого поведения языковых коллективов, их этнопсихологией и собственно языковыми способами вербализации смысла. Выявляемые на этом уровне речемыслительные стереотипы (конвенциональные способы вербализации) могут ассоциироваться с когнитивными процессами и отражать сознательные этнокультурные стратегии поведения, могут представлять собой когнитивные подсознательные культурные ритуалы или, в конечном счете, неосознаваемое носителями языка следование структурно-семантическим стереотипам языка. Такой взгляд на речевое поведение помогает избежать этноцентрических интерпретаций "чужих" национальных характеров, показывает, что в самом феномене вербализации нет ничего оценочного.

Таким образом, проблематика этнографии общения охватывает важнейшие вопросы лингвокультурного мировоззренческого характера: в какой мере культурные ценности конституируются лингвистической реальностью и, наоборот, правомерность приписывания языкам некоторых принципов — центральных характеристик, контролирующего социальное поведение. В лингвометодическом плане актуальны также этнолингвистические взгляды на динамику ролевых отношений в обще-

стве и возможности лингвосомиотических движений (типа лингвистического феминизма).

Этнография общения — междисциплинарная, сопоставительная, речеповеденческая, когнитивно ориентированная дисциплина, рассматривающая язык (коммуникативное поведение) в качестве посредника социокультурного процесса — важнейшее средство воспитания широкого культурологического взгляда на поведение человека.

2. "Гнев" в русском и японском языке и культуре

Семантический аспект

С точки зрения семантики "Словарь синонимов русского языка" указывает на семантическую общность понятия "гнев" и "ярость", "раздражение", "бешенство". Различия между синонимами следует искать в направленности и интенсивности действия:

'Гнев' — состояние и чувство сильнее негодования и возмущения, вызванных кем-либо или чем-либо; 'Ярость' — сильнейший гнев, крайняя степень негодования; 'Раздражение' — состояние недовольства и возмущения; 'Бешенство' — сильнейший гнев, проявляющийся с необузданной силой.

"Русско-японский словарь" С. Ф. Зарубина и А. М. Рожецкина дает следующий перевод русского слова "гнев": икари, фундо/фунну, гекидо, риппуку.

Кроме вышеперечисленных, следует указать и такие слова, как: фунгай, синъи, икодори. "Большой японско-русский словарь" под редакцией Н. И. Конрада переводит эти слова соответственно как: икари — гнев, ярость, негодование, возмущение; фундо — гнев, ярость, глубокое возмущение; гл.: быть разгневанным, прийти в ярость (в "Русско-японском словаре" указано также на русский стимул "бешенство"); гекидо — сильный гнев, ярость; гл.: быть вне себя от гнева, бушевать, разъяриться; риппуку — гнев, ярость; гл.: сердиться, негодовать, придти в ярость; фунгай — возмущение, негодование; гл.: возмущаться, негодовать; синъи — кн. гнев, негодование; икидори — гнев, ярость, негодование, возмущение.

Все слова, кроме "икари" и "икидори" принадлежат к так называемым "канго", т.е. японским словам из корней китайского происхождения, поэтому глаголы от этих слов образуются путем добавления вспомогательного глагола "суру" — делать (напр., фундо суру). В связи с этим кажется целесообразным привести также переводы глагольных вариантов этих слов.

"Большой словарь японского языка" дает следующие их значения: икари — (по отношению к собеседнику) негодование, вызванное силь-

ным недовольством; чувство негодования; гнев; фундо/фунну — кн. сильный гнев, ярость; гекидо — сильный гнев; риппуку — негодование; злоба; фунгай — сильный гнев как реакция на непристойное поведение; возмущение плачевным положением дел; патриотическое негодование; синъи — 1. кн. (сильное) негодование, ярость; икидори — (с критической позиции) негодование; горькое сожаление о ч.-л.; ярость, гнев.

Можно здесь особо отметить слово "кэгай" — патриотическое негодование, патриотическая скорбь, гражданский гнев. Интересно, что японцы выделяют патриотическое негодование в особый вид гнева.

Исходя из словарных статей, наибольшую семантическую близость с русским словом "гнев", по всей видимости, имеют японские слова "фунгай", "икари", "икидори".

Этимологический аспект

С этимологической точки зрения, наиболее вероятно, что русское слово "гнев" происходит от "гниль, гнилой, яд" (Макс Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*). *"Историко-этимологический словарь современного русского языка"* П. Я. Черных дает следующее устаревшее значение этого слова: "состояние больного, покрытого струпами, гноящимися ранами". Здесь же "гнев" определяется как "чувство сильного возмущения, негодования, граничащее с утратой самообладания".

Для того, чтобы понять этимологию японских эквивалентов русского слова "гнев", необходимо прежде всего обратиться к написанию и составу черт иероглифов, из которых они состоят:

фунгай

1) фун / икидо(-ру) — возмущаться, негодовать;

икидо(-ри) — гнев, ярость, негодование, возмущение.

Состав черт: сердце, душа, разум □ обида, изливаться, извергать; высказывать.

Этимология: "негодование, возмущение, чувство обиды".

2) гай / нагэ(-ку) — скорбеть, печалиться, оплакивать, убиваться;

кагэ(-кавасий) — печальный, прискорбный.

Состав черт: душа, разум, давно.

Этимология: "воспоминания о прошлом".

фундо

1) фун / икидо(-ру) — возмущаться, негодовать;

икидо(-ри) — гнев, ярость, негодование, возмущение.

Состав черт: сердце, душа, разум □ обида, изливаться, извергать; высказывать.

Этимология: "негодование, возмущение, чувство обиды".

2) икари — до, ну /

ика(-ру) — сердиться, раздражаться, гневаться, бушевать;

око(-ру) — обижаться, сердиться, злиться, ругать, бранить;

ика(-ри) — гнев, ярость, негодование.

Состав черт: раб, сердце, разум, душа □ обида.

Этимология: "негодование в сердце раба".

икидори

икари — до, ну /

ика(-ру) — сердиться, раздражаться, гневаться, бушевать;

око(-ру) — обижаться, сердиться, злиться, ругать, бранить;

ика(-ри) — гнев, ярость, негодование.

Состав черт: раб, сердце, разум, душа □ обида.

Этимология: "негодование в сердце раба".

синьи

1) син /ика(-ру) — гневаться, сердиться, раздражаться.

Состав черт: свирепо смотреть, очень.

Этимология: "злиться, быть возбужденным, чувствовать обиду".

2) и / ика(-ру) — гневаться, сердиться, раздражаться.

Состав черт: угловатый (не гладкий, не ровный), разум, сердце.

Этимология: "гнев, раздражение".

Физиологический аспект

В область физиологии нас выводит этимология русского слова "гнев": с физиологической точки зрения, гнев — состояние болезненное и патологическое:

русс.: Сашка [молодой рабочий-наборщик] возмущен, у него даже руки дрожат, а глаза гневно потемнели (М. Горький. Легкий человек).

Подобное представление о гневе мы встречаем и в японской культуре:

яп.: Во гневе ее красная ткань стала казаться мне кровавым потоком (Н. Кодзима. Винтовка).

Интересно здесь отметить представление о физиологической локализации чувства гнева, об источнике подобных эмоций в русской и японской культуре.

У русского человека это представление связано с сердцем. В русской культуре сердце вообще считается "местом обитания души", а следовательно, всех чувств и эмоций. Один из синонимов на глагол "гне-

ваться" — "серчать" указывает на прямую связь между сердцем и гневом в представлении носителей русского языка.

Японцы, как и другие народы Востока,местилищем души считают живот. Идеального человека Востока японцы всегда представляли тучным, так как верили, что интуитивное понимание сути вещей возможно только через брюшную полость. Постигание буддийских истин тоже возможно только через живот, поэтому японские учителя буддизма советовали своим ученикам "удерживать" буддийские притчи-коаны не в голове, а в животе. Живот в японской культуре связывается с эмоциями: одно из японских слов, передающих значение гнева, ярости (риппуку) содержит в себе два иероглифа, один из которых (фуку/хара) имеет среди своих основных значений непосредственно "живот" и "желудок".

Можно также отметить, что с гневом как аффектом и в представлении японцев, и в представлении русских, по-видимому, связывается образ огня (яп.: синъи-но хомура-о моясу — досл. зажечь огонь гнева; русс.: вспышка гнева), а также, в русской культуре, с кипящей водой (русс.: кипеть гневом).

Мифологический аспект

С мифологической точки зрения представление о (праведном) гнев в древнерусской языческой культуре, очевидно, связывалось с высшим божеством Киевской Руси — Перуном. Перуна, бога грозы, считали покровителем военной дружины и изображали немолодым мужем с золотыми усами, серебряной сединой и сдвинутыми бровями. Он послужил прообразом Ильи Муромца и, возможно, Архангела Михаила, так как первоначально представлялся в образе всадника, поражающего своим оружием (стрелы, топоры и камни) змеевидного врага. У балтийских славян существовал несколько измененный вариант древнерусского бога Перуна — Прове, что в переводе на русский означает непосредственно "правый". Позднее, с принятием христианства, подобное представление о высшем гнев было перенесено на образ Бога Отца, а также на образ Иисуса Христа в Судный день (День гнева — Dies irae — икари но хи); заступницей же перед ними Богоматерь, которая в русской традиции особенно почитается. Интересно отметить, что в русском языке существует устойчивое выражение: "что бога гневить, нечего бога гневить", которое означает: "не следует, нельзя жаловаться; грешно, несправедливо обижаться":

Ну и Пятачкову нечего Бога гневить, сыт был, ведь он как курочка, так себе, по зернышку поклевал да домик о пяти окошках и наклевал в три года с половиной (Печер. Именины Елп.Перф.).

В Японии гнев считается одним из смертных грехов. "Большой словарь японского языка" в качестве второго значения слова "синъи" (гнев, негодование) указывает следующее: 2. буд один из "Трех зол" и "Десяти великих грехов". (К "Трем злам" относятся жадность, гнев и глупость. "Десять великих грехов" подразделяются на три группы: грехи телесные: убийство, воровство, прелюбодеяние; грехи словесные: ложь, лесть, двуязычие, злоязычие; грехи душевные: жадность, гнев, ропот).

С религиозной точки зрения вообще, представление о Высшем гнев у японцев, по-видимому, связано с богами-стражами храмов (Годай мёо, Хатидай мёо), статуи которых обычно стоят у ворот. Эти боги призваны изгонять злых духов (акума), заблуждения и страдания (бонн□), а также грехи (дзайсё), в том числе "Три зла" прихожан. Они сориентированы на четыре (восемь) сторон света, имеют восемь рук и четыре (три) лица. Главный бог Годай мёо — бог огня Фудо мёо (ср.: Перун — бог грозы и молнии). Фудо мёо всегда изображается с гневным лицом, в правой руке он держит меч, а в левой веревку, на плечах его полыхает пламя.

Поведенческий аспект

(1) в поведении и физиологии: способность к разрушительным действиям:

русс.: По большой, светлой комнате редакции "N-ской Газеты" нервно бегал взволнованный, гневный редактор и, тиская в руках свежий номер, отрывисто кричал и ругался (М. Горький. Озорник);

яп.: "Ну, давай еще, еще! Побольше ярости (гнева)! Давай за мной!" — скрежетал зубами демон, кружась в злобной пляске (Кода. Пятаярусная пагода).

(2) в подверженности психосоматической патологии: подверженность болезненным состояниям:

русс.: Малыта видел, как дрожат руки царя, как помутился его взгляд. Приготовился к взрыву царского гнева (Костыл. Ив. Грозный);

яп.: Я возмущался, расстраивался и злился на них за то, что не предупредили меня, так, что потом уже не мог даже подняться на ноги (К. Серидзава. Любовь и книга смерти);

яп.: Сдерживаемый до сих пор гнев, внезапно вырвался наружу (К. Хироцу. Эпоха нервных стрессов).

(3) в эмоциях: гнев:

русс.: Э, черт, говори ясней, чего тебе надобно? — вскричал, наконец, гневно Иван Федорович, со смирения переходя на грубость (Дост., Бр. Карамаз.);

яп.: "Мой ребенок не попрошайка!" — бросила она учителю гневно (С. Ямамото. Путь истины).

(4) в контроле над окружающим миром: неконтролируемость своих действий, склонность к саморазрушению:

русс.: А что такое Багратионов гнев, знали все, — он вспыхивал, как молния, и гремел с бешеной силой мгновенно налетевшей грозы (Голобов. Багратион);

яп.: Не в силах сдержать гнев, она вспылила (Сиси. Суматоха...).

(5) в буквальности понимания сказанного: искажение информации, излишняя подозрительность:

русс.: Фабий остался дома и, до возвращения жены, побродил по саду, стараясь понять, что происходит с нею, — и чувствуя постоянный страх и гнев, и боль неопределенных подозрений (Тург. Песнь торж любви);

яп.: "Ах, вот как это было!" — понимал он, и в душе его закипала ярость (гнев) (К. Одзаки. Золотой демон).

(6) в отношении к правде: явная, разрушительная ложь:

русс.: Один маляр гневается на суждение знатока или любителя; истинный талант не боится критики (Батюшк. Прог. в Акад. Худ.);

яп.: Пожалуй, верно говорят: "Ничто так не искажает суждения человека, как гнев" (Мики. Рассуждения о жизни человеческой).

(7) в обращении с людьми: угрозы, наказания, ложные сообщения об опасности для того, чтобы господствовать над людьми:

русс.: Ведь мне только рассердиться стоит да уйти от вас, так вы после слезу-то кулаком станете утирать. Не вводите меня в гнев! (А. Остр. Не все коту...);

яп. Отца в гнев вводить — для его здоровья самое вредное!

(8) в этическом плане: аморальность:

русс.: Этот добрый, благодетельный и даже снисходительный человек [Степан Михайлович] омрачался иногда такими вспышками гнева, которые искажали в нем образ человеческий и делали его способным на ту пору к жестоким, отвратительным поступкам (С. Акс. Сем. хр.);

яп.: Он испытывал чувство горечи от расставания, но поначалу в душе его не было низкого чувства гнева и ревности (Т. Сатоми. Много чувств...).

(9) В настойчивости достижения цели: постепенная потеря активности в достижении разрушительных целей.

Гнев, будучи эмоцией чрезвычайно интенсивной, непродолжителен по времени. На это указывает не только психологическое определение гнева как аффекта, но и данные "Русского ассоциативного словаря".

Такие слова и словосочетания как милость, на милость, радость, прошел, утих" встречаются довольно часто в прямых ассоциациях на русский стимул "гнев". Можно утверждать, что в гневе как ментальном состоянии перемежаются оба типа сознания: обыденное и измененное. Гнев как пограничное психосоматическое состояние стремится вырваться в социально приемлемое обыденное:

русс.: [Вспышкин:] А! Фатюгов! вы еще здесь? Простите меня, что я давеча с вами погорячился. [Фатюев:] Безделица! Так вы больше не гневаетесь? (Крыл. Пирог).

(10) В уровне смелости: безрассудная храбрость, обычно себе во вред:

русс.: Полный ярости, скрипя зубами от злости, он вплотную приближается к немцам и открывает такой сумасшедший огонь из автоматов, точно стреляет последний раз в жизни (Павенко. Сыны Кавказа);

яп.: Соберите воедино все чувства своей жизни и почувствуйте гнев (ярость) и ненависть! (Т. Кобояси. Жизнь для партии).

Языковой материал "Русского ассоциативного словаря" дает представление о внутрикультурном оценочном отношении носителей русского языка к рассматриваемому психосоматическому феномену "гнев". Среди прямых ассоциаций, относительно часто возникающих у носителей русского языка на стимул "гнев", можно найти следующие слова: праведный — 21, божий — 14, справедливый — 12, отца — 9, богов — 5, народа — 4, преподавателя — 3. Реже можно встретить и такие ассоциации: благородный — 2, Господень — 2, друга — 2, людской — 2, матери — 2, родителей — 2, царя — 2, директора — 1, декана — 1, Ивана Грозного — 1, жены — 1, заслуженный — 1, вождя — 1, начальника — 1, Тараса Бульбы — 1.

Можно заметить, что чувство гнева в русской культуре часто приписывается страшим по возрасту или положению, способным проконтролировать и наказать виновных:

русс.: Здесь видел я царя, Усталого от гневных дум и казней (Пушк. Борис Год.);

русс.: Ах! от господ подалей; у них беды себе на каждый час готовь, Минуй нас пуще всех печалей И барский гнев и барская любовь (Гриб. Горе от ума).

Гнев тесно связан поэтому с понятием совести и раскаяния:

русс.: — Что? — сказала испуганная Наташа, — я бредила Валерианом? Батюшка слышал, батюшка гневается! — То-то и беда, — отвечала карлица (Пушкин, Арап Петра Великого);

русс.: Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только (Гог. Ревизор).

Можно сделать предположение, что гнев в сознании русского человека — эмоция оправданная, как бы заслуженная кара за недостойное поведение:

русс.: [Царь:] Они меня злодеем называют, Мучителем. Я каюсь перед всеми: Я зол, гневлив! Да на кого я зол? Я зол на злых (А. Островский. Вас.Мел.).

К сожалению, в нашем распоряжении нет японских ассоциативных словарей, однако языковые примеры словоупотребления показывают, что в понимании японцев, по всей видимости, гнев в своем высшем проявлении, как и в представлении русских, оправдан:

яп.: Испытывать чувство гнева на несправедливость этой жизни (пример словоупотребления из словаря "Гэнсэн");

яп.: Американцы озлоблены (гневаются) на японцев за то, что вместе с подписанием мирного договора, они совсем потеряли свое лицо (Дзю Осараги. Воздушный шар);

яп.: Я был очень зол на отца и сводную сестру за то, что они не сказали мне (о болезни матери) раньше (К. Сэридзава. Любовь и книга смерти);

яп.: Возмущаться (гневаться на) бесчинства террористов (К. Сэридзава. Любовь и книга смерти);

яп.: Возмущаться (гневаться на) его безответственным поведением (пример словоупотребления из словаря "Гэнсэн").

Таким образом, обобщая, можно констатировать, что когнитивное психосоматическое (эмоциональное) состояние, определяемое в русском языке как "гнев", в японском — как "фунгай", "икидори", "икари", согласно различным языковым источникам дает следующую палитру форм когнитивной деятельности — поведенческих стереотипов индивида: способность к разрушительным действиям; подвержен болезненным состояниям; неконтролируемость своих действий; склонность к саморазрушению; разрушение этических норм; аморальность; искажение сообщений; склонность к излишней подозрительности; использование угроз, наказания и ложных сообщений об опасности для осуществления господства над людьми; постепенная потеря активности в достижении разрушительных целей. Кроме того, гнев в его высшем проявлении и в русской и в японской языковых культурах приписывается оценочная характеристика оправданности и целесообразности. Также нужно отметить, что данные "Словаря современного русского литературного языка" и "Русского ассоциативного словаря" указывают на тот факт, что в представлении носителей русского языка гнев свойственен лицам, занимающим более высокое положение в данном культурном контексте.

С п и с о к с л о в а р е й

1. *Зарубин С. Ф., Рожецкий А. М.* Русско-японский словарь. М., 1964.
2. Большой японско-русский словарь / Под ред. *Конрада Н. И.* М., 1970.
3. *Макс Фасмер.* Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. М., 1964.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т. 2. М.-Л., 1965.
5. Русский ассоциативный словарь: В 4 кн. М., 1994-97.
6. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Л., 1970.
7. *Ю. Миямото.* Японский иероглифический словарь "New Kanji Dictionary". Токио: Сэмпацу инсацу кайся, 1984.
8. *Х. Канэдайти, Я. Икэда.* Большой словарь японского "Кокуго дайджитэн". Токио: Гакусю кэнкюся, 1978.
9. Большой японский толковый словарь "Гэнсэн". Токио: Сёгакукан, 1988.
10. *С. Ооно, А. Сатакэ, К. Маэда.* Словарь архаизмов. Токио: Иваками, 1991.

Проблемы и перспективы исследования эмоционального значения

© Е. Ю. Мяжкова, 2000

Для выяснения вопроса о том, как представлены эмоции в структуре значения слова как единицы индивидуального лексикона, необходимо, прежде всего, определить, что собственно мы собираемся исследовать. С этой целью придется еще раз обратиться к психологическим исследованиям эмоций. Прежде всего, следует согласиться с тем, что, говоря об эмоциях, мы имеем в виду исключительно сложный феномен, не поддающийся непосредственному наблюдению. Отличительной чертой всех явлений, связанных с аффективной стороной психики человека, является то, что задействованные в ней процессы осуществляются на разных уровнях осознания [Хомская, Батова 1998]. Кроме того, и именно в силу этого, очень трудно в каждом конкретном случае разделить, например, аффективную и когнитивную стороны деятельности, поскольку «сами эмоции человека представляют единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального» [Рубинштейн 1989 б: 141]. Говоря об эмоциональных характеристиках слова как единицы лексикона, следует иметь в виду, что как средство доступа к единому информационному тезаурусу [Залевская 1990] слово задействует разнообразные психические процессы и результаты этих процессов, в которых эмоциональное и интеллектуальное представляют неразделимое целое.

Для того, чтобы представить, что составляет основу эмоциональности слова, полезно обратиться к понятию переживания, обсуждаемому в теории деятельности, которая разрабатывается в отечественной психологии. В концепции С. Л. Рубинштейна переживание, существующее в единстве и взаимопроникновении со знанием, всегда представлено в любом психическом факте [Рубинштейн 1989 а: 3]. Следует подчеркнуть, что противопоставление переживания и знания является относительным, поскольку «в целостных психических явлениях эти два полюса всегда выступают в диалектическом единстве формы и содержания» [Вилюнас 1989: 53], причем речь в данном случае идет не только о сознании как высшей форме отражения, но и элементарных психических образованиях [Рубинштейн 1989 а: 13].

Специфика переживания состоит в том, что «пережить — это значит не просто субъективно испытать, а испытать непременно особо, как-

то специфически, и это “как-то” непосредственно схватывается субъектом на изначально ему доступном сложном языке, который только в развитых формах психики становится частично вербализуемым, причем с иллюзией принадлежности вербализованных отстоявшихся форм исключительно полюсу знания и объекта” [Вилюнас 1989: 55]. Именно на основе таких чувств-переживаний и формируются эмоциональные реакции, которые мы привыкли называть собственно эмоциями. Следует обратить особое внимание на то, что сложный язык, изначально доступный субъекту для “схватывания” чувства-переживания является лишь *частично* вербализуемым, а отстраненность вербализованных (отстоявшихся) форм от субъекта – всего лишь *иллюзия*.

Выше уже говорилось о трудности определения самого феномена эмоции. Критикуя существующие определения как недостаточные, Л. М. Веккер считает, что шагом вперед на пути определения сущности эмоциональных явлений будет их определение как “*отражения* отношений субъекта к объектам окружающей реальности” [Веккер 1998: 374]. Именно с представлением об эмоциональных процессах как отражении отношений автор связывает понятие переживания, которое трактуется как “непосредственное отражение самим субъектом своих собственных состояний, а не свойств и отношений внешних объектов, поскольку даже непосредственное психическое отражение свойств и отношений внешних объектов есть знание об этих свойствах и отношениях, а не переживание в собственном смысле этого понятия” [Op. cit.: 381]. Отсюда следует признание двухкомпонентности структурной формулы эмоции: одним из ее членов является психическое отражение объекта эмоции, другим – психическое отражение ее субъекта-носителя. Учет такой двухкомпонентности эмоциональных явлений позволит разрешить многие проблемы, связанные с интерпретацией поведенческих и вербальных коррелятов эмоций, в частности, их амбивалентных характеристик, см. об этом [Мягкова 1990].

Сформулированное В.К. Вилюнасом представление о чувствах-переживаниях хорошо согласуется не только с концепцией Л.М. Веккера, но и с понятием чувственной ткани в модели образа сознания (“психосенсиотическом тетраэдре”) Ф. Е. Василюка [Василюк 1993]. В его концепции содержание образа характеризуется как чувственная ткань, представляющая собой многомерную субстанцию, в достаточной степени дифференцированную, которая “сгущается” вблизи полюсов образа и получает здесь сильные характеристики, специфические для каждого полюса. Вдали от полюсов можно предположить наличие интерференций чувственных тканей, идущих от разных полюсов [Op. cit.: 18]. “Полюсы” образа в обсуждаемой модели представлены предметным содержанием

образа, личностным смыслом (чувственной тканью которого являются эмоции), значением и словом (знаком), причем эти полюсы являются представителями предметного мира, внутреннего мира, мира культуры и мира языка соответственно.

На уровне, исследуемом лингвистикой, в слове фиксируется то, что выводится на уровень сознания через полюс культуры и получило свое название в языке, поскольку именно посредством речи как “специфического интегратора” человеческая психика переводится на уровень сознания [Веккер 1998: 614]. Понятно, что эмоции социально и культурно детерминированы, и именно социальная детерминация объясняет возникновение той или иной эмоции. Культурно-историческая детерминация в значительной степени определяет и формы выражения эмоций [Хомская, Батова 1998: 12]. И хотя считается, что представители разных культур испытывают универсальные эмоции, распределение этих универсальных эмоций, их интенсивность и способы их выражения специфичны для носителей разных языков.

Понятно также, что в поле зрения лингвистики попадает лишь небольшая часть “отстоявшихся” явлений. Тем не менее, говоря о том, что каждое слово отображает переживание, мы должны иметь в виду и “спрятанные”, неосознаваемые эмоции (которые “растворяются” в чувственной ткани). С психолингвистической точки зрения, таким образом, каждое слово “выводит” нас в сложный мир переживаний, которые не всегда могут быть отображены сознанием и дифференцированы. Более того, “не только ребенок, но и взрослый человек многие “житейские” понятия скорее чувствует, чем знает”, поскольку обладает некоторой “обобщенной чувственной инвариантой” [Вилюнас 1989: 56]. Можно предположить, что это утверждение справедливо не только по отношению к “житейским” понятиям, но и к огромному количеству слов другого характера, например, к сложным абстрактным понятиям, заимствованным словам и (как ни странно) научным терминам.

На основании сказанного выше представляется возможным сделать вывод о том, что феномен, обсуждаемый в психолингвистических исследованиях как эмоциональный компонент значения слова как единицы лексикона, представляет собой комплекс связанных со словом переживаний, которые вряд ли могут быть дифференцированы подобно тому, как выделяются эмотивный, оценочный и другие компоненты коннотации в лингвистическом анализе. Специфика этого комплекса будет определяться совокупностью составляющих его элементов, разным уровнем их осознаваемости и социально-культурной опосредованности, а также индивидуальными особенностями репрезентирования информации. В этом комплексе соединяются как сиюминутные субъек-

тивные впечатления, так и опосредованные культурой отношения и эмоции. Тем не менее, можно поставить вопрос о *принципиальной возможности* описания данного феномена.

Попытка ответить на этот вопрос, однако, потребует рассмотрения целого ряда проблем. Первыми в этом ряду стоят проблемы, связанные с процессами формирования единой базы знаний и становления значения слова (что предполагает рассмотрение моделей овладения языком), участием аффекта в процессах категоризации (выборе оснований для формирования категорий). Далее придется уточнить, каким образом связанные со словом переживания могут фиксироваться в индивидуальной картине мира, какие из них будут примерно одинаковыми (общими) для всех (или большинства) носителей данного языка, а какие – индивидуальными. Следует также обратить внимание и на то, каким образом меняется эмоциональный ореол слова в процессе жизни человека и от чего могут зависеть эти изменения. Иначе говоря, необходимо представить, как “встраивается” чувственная ткань в стоящий за словом “образ сознания” [Василюк 1993] и как из этой чувственной ткани “вырастают” описываемые языком эмоции. Для этого, однако, придется использовать специальные методики исследования, выбор которых также представляет довольно сложную проблему.

Л и т е р а т у р а

1. *Василюк Ф. Е.* Структура образа // Вопросы психологии, 1993, № 5. С.5 — 19.
2. *Веккер Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
3. *Вилюнас В. К.* Перспективы развития психологии эмоций // Тенденции развития психологической науки. М., 1989. С. 46-60.
4. *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
5. *Мяжкова Е. Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.
6. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. Т.1. М., 1989 а.
7. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. Т.2. М., 1989 б.
8. *Хомская Е. Д., Батова Н. Я.* Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование. М., 1998.

Употребление слов — эмонимов в тексте. Попытка интерпретации эксперимента

© С. Ю. Перфильева, 2000

Слова — названия эмоций (эмонимы) являются частью лексикона, и они же составляют *эмотивикон* — термин предложен Ю. А. Сорокиным — (который, наряду с грамматиконом, лексиконом, семантиконом, есть составляющая языкового сознания по Ю. Н. Караулову /1/).

Таким образом, знак (само слово «радость, гнев, грусть») и обозначаемое («переживаемое» чувство, эмоция) находятся в разных ипостасях, имеют разный масштаб. Эмоция переживается индиви-дуально, а слово, называющее ее — одно для всех носителей данного языка. По-видимому, это является причиной отсутствия слов — названий эмоций в реальном речевом употреблении и их присутствия номинально только в составе фразеологических единиц. Однако человеку необходима экспликация осознания своих состояний, их объяснение себе и окружающим (объяснение часто через уподобление, следовательно — метафоричность, метонимичность) и отсюда — обилие пословиц, поговорок, устойчивых сравнений и т. п. Эти квазипотребления слов — названий эмоций (эмонимов) представляют собой удобный полигон для исследования национально-культурных стереотипов переживания и восприятия переживания эмоций (см. работы Дж. Лакоффа, З. Ковечеса /напр. 2/ и т. п.). (Фразеология — концентрированная «народная мудрость», общенациональный культурный фон и т. п.). Но такие исследования уводят от собственно эмоций человека к их моделированию в вакууме, без человека, и метафоры, закрепленные фразеологически превращаются — интерпретируются через новые — научные. Это неумолимо приводит к выводу о том, что любые попытки человека осмыслить, проанализировать, «овнешнить» (?) свои эмоции обречены на метафорическую форму. Мышление само по себе метафорический процесс и, одновременно, оно неотделимо от эмоциональных движений — любая мысль вызывает или вызвана ассоциациями, приятными или неприятными на личностном уровне, вызванными из памяти с помощью такого же метафорического, но уже не контролируемого процесса.

Тем не менее, эмонимы остаются интересным и перспективным объектом для исследования мышления человека, его речевой деятельности и т.п.

Представленный ниже эксперимент является попыткой прояснить ситуацию употребления эмонимов в спонтанной речи. В эксперименте

принимали участие студенты 1 и 3 курса ф-та ин. яз. Курского педагогического ун-та. Выбор испытуемых обусловлен формой эксперимента, приближенной к часто используемому на уроках практики речи упражнению «vocabulary tale». Задание было сформулировано так: «Составьте, пожалуйста, связный текст, используя следующие слова – названия эмоций. *Волнение, гнев, гордость, горе, жалость, желание, зависть, любовь, любопытство, ненависть, отвращение, радость, страх, стыд, удивление*».

Устно было замечено, что стиль, жанр, форма могут быть любыми, главное – употребить, по возможности, все данные слова.

Ниже представлены несколько полученных текстов (квазитекстов?). Выборка сделана на основе предварительного анализа и классификации полученных текстов по следующим типам: 1. «сти-шок» (только внешний формальный признак, по содержанию может быть отнесен к «публицистике»), 2. «политика» (признак – объект описания, по содержанию – тоже «публицистика»), 3. «сюжет» (подразделы: гл. герой – «Я» и гл. герой – «он/она»), 4. «публицистика» (подразделы: о любви, о другой эмоции). Эта классификация не окончательна и требует доработки.

Орфография и пунктуация сохранены, читаемые зачеркивания даны в скобках. Т – исходный квазитекст, З – заголовок, комментарии – новый абзац, К – номер анкеты, пол, возраст ии. Цитаты из исходного текста в комментариях выделены курсивом.

Т 1 м 18

Весь человек – конгломерат.
В нем есть эмоции конечно,
Волнение испытав впервые
Он горит желанием, навечно
Покончить с ним, считая
Что болезни все идут только от него
Но я не думаю, что это там
Куда важнее: гнев, любовь и удивление
Ведь гнев, делая человека жалким,
Куда опасней чем все болезни,
В нем перемешаны и горе и ненависть и отвращение
Ведь первоначально человек был наделен лишь только любовью
И жил в раю, и счастлив был.
Но посмотри какое нарушение, шара земного,
Четыре компонента нанесли.
Так будь же человек всецелен.
Гори желанием все знать

Испытывай и страх и стыд,
Ведь смысл этих слов нестрашен,
Страшнее выглядят они когда написаны.
Пусть зависть будет белая твоя.
И радость испытай во всем.
Будь любопытным ,(но не в людях)
И будет гордость у тебя, за существование свое.

К 1 м 18: «стишок», попытка рифмы, ритмичная проза – «*волнение испытал... горит желанием* (устойчивое сочетание) ... *куда важнее* (волнения) *гнев, любовь и удивление*, *Ведь гнев, делая человека жалким, куда опасней, чем все болезни*, *В нем* (гневе) *перемешаны и горе и ненависть и отвращение* (анализ составляющих, классификация-иерархия: что из чего состоит) ... *первоначально человек был наделен лишь только любовью И жил в раю и счастлив был* (идеализация и поэтизация, имплицитное разделение эмоций на положительные и отрицательные, положительное начало в человеке, библейский мотив, использование слова – дериватива от эмонама «счастье», отсутствующего в списке) ... *Гори желанием* (повтор! Устойчивое сочетание гореть желанием), *испытывай и страх и стыд* (испытывать+пара эмонамов в вин. пад.) *смысл этих слов не страшен*, ... *пусть зависть будет белая* (подразумевается наличие черной — классификация) ... *и радость испытай!* Устойчивая конструкция испытывать + эмонам в Вин.пад.) ... *во всем* (неверное управление, следовательно непривычное для речи и мысли или «поэтизм»?) ... *будь любопытным* (отказ от употребления эмонама, замена имени деривативом-признаком, неудобное слово?) ... *но не в людях* — зачеркнуто (сомнения в грамматической правильности управления или недовольство неуклюжестью фразы?) ... *и будет гордость у тебя за существование свое*» (ясно слышимый вздох облегчения – задание выполнено). Повторы: «*горит (гори) желанием, гнев, любовь (наделен) любовью*». Обилие инверсий (даже смещение ударения), что, по-видимому, считается признаком поэзии. Начало медитативно, во второй половине появляется обращение к собеседнику и призывы морализаторского характера.

Т 16 ж 18

Мы живем на стыке 20 и 21 веков. Это тяжелое время. Особенно тяжело переживает этот период Россия, период волнений, горя и страха перед будущим. Я испытываю огромную жалость (за) к Росси(ю)и и людям, живущим в ней, которые не знают что будет с ними завтра, которым остается только завидовать другим народам за их спокойствие. Но на удивление всем, русский народ сохранил еще какую-то радость, любовь и желание жить. Может быть это потому, что у нас есть гор-

дость. Но мы не будем ненавидеть и испытывать чувство гнева и отвращения. И нам не стыдно за нашу Россию. Все еще будет.

К 16 ж 18 «политика». «... *тяжело переживает этот период Россия, период волнений, горя и страха перед будущим* (трио эмономов, все — отрицательные эмоции) ... *я испытываю огромную жалость за* (неверное управление, исправлено — *жалость к* — испытывать + эмоном) ... *остается только завидовать другим ... за их ...* (неверное управление, замена энонома глаголом) ... *на удивление всем* (устойчивый оборот) ... *народ сохранил еще какую-то радость, любовь и желание жить* (трио эмономов, все — положительные эмоции, странное сочетание: *какая-то любовь*)... *у нас есть гордость ... мы не будем ненавидеть и испытывать чувство гнева и отвращения* (глагол от энонома, испытывать + чувство + пара эмономов, все эмоции — отрицательные) ... *нам не стыдно за* (предикат вместо энонома)». Не употребляется слово любопытство из данного списка. Текст носит публицистический характер, написан от 2 лица мн.ч. Можно толковать как самоосвобождение от ответственности и раздражение — тема заезженная.

Т 11 м 18

С волнением я готовился к самому сложному экзамену в сессии. Мои близкие относились ко мне с жалостью, хотя некоторые все же испытывали любопытство по поводу того, как я могу учить эту ерунду. Когда подошел день экзамена я уже начал ненавидеть этот предмет. У меня вызывало отвращение все, что было связано с ним. Я даже позавидовал остальным группам, которые его уже сдали.

И вот все мы в страхе стоим перед аудиторией где профессор принимает экзамен. После того как экзаменатор в гневе выгнал студента, который не знал вообще ничего, у нас появилось желание убраться куда-нибудь подальше оттуда. Студент попытался объяснить профессору, что ему очень стыдно и пусть тот поставит ему жалкую троечку, но грозный старичок и слушать ничего не хотел. Для студента это было, конечно, настоящее горе.

Все были удивлены, когда круглая двоечница вышла из аудитории с пятеркой, посмотрела на всех с радостью и любовью и гордо удалилась. Но все-таки мы сдали этот экзамен, чему по сей день рады.

К 11 м 18 «сюжет». «С волнением ... *относились ко мне с жалостью* (с + эмоном) ... *испытывали любопытство по поводу* (испытывать + эмоном, причина) ... *начал ненавидеть* (замена энонома глаголом)... *у меня вызывало отвращение* (связь эмоций ненависть и отвращение) ... *даже позавидовал* (замена энонома глаголом) ... *мы в страхе стоим ... в гневе выгнал* (эмоция сопровождает действие) *появилось желание уб-*

ратся (отмечен момент возникновения желания, оно несамостоятельно) ... *ему очень стыдно* (замена имени предикатом) ... *жалкую троечку* (эмоциональный признак)... *для студента это было настоящее горе* (эмоном как оценка ситуации) ... *были удивлены* (предикат) ... *посмотрела ... с радостью и любовью* (пара эмонемов, сопровождение действия) и *гордо удалилась* (признак) ... *рады* (предикат)». Текст – описание предположительно-реального эмоционального опыта испытуемого в юмористической форме.

Т 5 ж 22

Вы когда-нибудь задумывались что такое любовь? Для многих это чувство незнакомо, но те, кто это испытал, имеют о нем разное представление. Мне кажется, что это чувство имеет как бы несколько стадий. Естественно, что сначала оно начинается с любопытства. Человек начинает интересоваться тем, в ком он действительно заинтересован, кто его привлекает, и наряду с этим любопытством, он волнуется и в некотором роде его охватывает некий страх: а зачем это надо? Но желание все-таки, наверно, сильнее страха. Так вот, достигнув его апогея, чел-к испытывает радость и, может быть гордость. Но под прессом многих обстоятельств со временем люди разочаровываются и возникает жалость за то, что он потерял, затем на смену жалости приходит отвращение, ненависть, если можно, гнев, ну а в итоге чел-к испытывает стыд за то, что не все всегда гармонично, а это наше с вами горе.

К 5 ж 22 «публицистика». «... *задумывались, что такое любовь?* ... *для многих это чувство незнакомо* (неверное употребление предлога) ... *его* (это чувство) *испытал...* *Это чувство* (далее везде повтор «это чувство» вместо «любовь») *имеет несколько стадий* (далее анализ – раз-вертка во времени) ... *сначала оно начинается* (тавтология) *с любопытства*. *Человек начинает интересоваться тем в ком он ... заинтересован* (тавтология, связь любопытства и интереса) ... *наряду с ... любопытством он волнуется* (замена имени глаголом) и ... *его охватывает страх* (связь волнения и страха) ... *но желание ... сильнее страха* (сравнение силы разных эмоций) ... *достигнув его* (чего? страха или желания?) *апогея, человек испытывает радость и ... гордость* (пара эмонемов, исп.+ эмоном) ... *люди разочаровываются* (глагол обозначает эмоциональное движение, не указанное в списке) и *возникает жалость за то* (неверное управление), *что он потерял ... на смену жалости* (к потерянному? к себе, оттого, что потерял?) *приходит отвращение* (не совсем логично – отвращение к тому, что он потерял?), *ненависть, если можно, гнев* («если можно» здесь совсем некстати, последовательность 4 эмоций крещендо)...*испытывает стыд за то, что не все всегда гармонично* (по-видимому это обобщенный ответ на все мои вопросы) *это*

наше с вами горе» (снова неясно: стыд это горе? Путаная конструкция предложения из-за желания употребить все слова разом: 1-е предложение — 1 эмоном, 2-е — нет, 3-е — нет, 4-е — 1 эмоном, 5-е — 2 эмона, из них 1 повтор и 1 глагольный вариант, 6-е — 2 эмона (оба — повторы), 7-е — 2 эмона, 8-е — 7 эмономов, один повтор. Нет слов: зависть, удивление, хотя в списке слов в верхней части бланка они отмечены как использованные. Текст построен как абстрактное описание объекта: разбивка на некие ступени развития, однако несколько тавтологий и повторов, а так же включение разговорных оборотов «а зачем это надо?» указывают на личностное отношение к описываемому психологическому феномену. Очевидно также желание скорее закончить задание — «свалка» названий (отрицательных!!) эмоций в последнем предложении.

Все представленные выше комментарии не претендуют на статус окончательных или даже законченных, это — промежуточный этап работы. Следует отметить также, что в некоторых анкетах присутствует непосредственное обращение к экспериментатору. Интересным, но и легко объяснимым представляется то, что наибольшую часть ответов представляет массив «сюжет» — больше чем все остальные типы вместе.

В заключение необходимо сказать, что данная форма исследования лексики, являясь искусственной, как любой эксперимент, все же предоставляет исследователю богатые возможности для многоуровневого изучения лексики.

Л и т е р а т у р а

1. *Караулов Ю. Н.* РАС как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // *Русский ассоциативный словарь*. М., 1994, с. 190-218.
2. *Lakoff G., Kovecses Z.* The cognitive model of anger inherent in American English // *D. Holland & N. Quinn (Eds.) Cultural models in language & thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, p. 195 – 222.

Семиоперевод и маркированность межкультурного общения

© кандидат филологических наук И. Э. Клюканов, 2000

Семиозис можно рассматривать как перевод, т.е. как процесс, в котором динамический объект реализуется через серию непосредственных объектов, представленных знаками-телами, получая все большую разработку и наконец “застывая” в виде финальной интерпретанты (Семиозис можно рассматривать как перевод, т.е. как процесс, в котором динамический объект реализуется через серию непосредственных объектов, представленных знаками-телами, получая все большую разработку и наконец “застывая” в виде финальной интерпретанты (контроля над коммуникативным поведением. В этом плане особую значимость приобретает понятие ценности. Как известно, структуралистский подход, основанный на идеях Ф. де Соссюра, рассматривает язык как систему чистых ценностей, т.е. референциальных и сигнификативных знаковых отношений. Семиотический подход, восходящий к идеям Ч. Пирса (Peirce 1980; Liszka 1996) и получивший развитие в трудах Р. Якобсона (Jakobson 1971), имеет коммуникативную направленность, представляя понятие ценности в терминах иерархии знаковых отношений. Более конкретно семиоперевод можно рассматривать как процесс оценивания объектов через степень их маркированности и через ранг их знаковой представленности.

Семиозис не просто объединяет знаки, объекты и интерпретанты в одно целое и не просто устанавливает чистые отношения между знаками, а выходит в коммуникативный универсум, оценивая место объектов на континуальной сетке параметров, определяя степень маркированности данных объектов и ранг задействованных в семиозисе языковых знаков. Можно выделить следующие основные характеристики маркированности (Battistella 1990).

1. Оптимальность, т.е. маркированный член оппозиции является производным от немаркированного.
2. Неопределенность, т.е. немаркированный член всегда обладает большей референтной силой, в то время как маркированный член обладает большей информативностью.
3. Простота, т.е. немаркированный член, как правило, имеет более простое структурное оформление.
4. Неограниченность дистрибуции, т.е. немаркированный член обладает большей свободой сочетания с другими элементами.

С этой точки зрения коммуникативный универсум можно представить как силовое поле, которое характеризуется своеобразным “напряжением” (Л. Н. Гумилев, Ю. А. Сорокин), т.е., по сути, заключается в коммуникативных переговорах, определяющих степень коммуникативной дистрибуции тех или иных знаков, при этом чем больше степень коммуникативной дистрибуции, тем сильнее знак.

Следует иметь в виду, что к знанию не существует непосредственного доступа, который может быть закреплен раз и навсегда; значение можно обнаружить лишь опосредованно, по “следам” (ср. “marks”), которые оставляют знаки. В процессе межкультурного общения (МО) требуется прежде всего установить, существует ли знак, маркированный в одном коммуникативном универсуме, в другом универсуме или нет, т.е. маркирован ли (существует ли) этот знак. Кроме того, необходимо выяснить, так же маркирован этот знак или нет. Если в одном универсуме знак маркирован, а в другом – нет, то речь можно вести о безэквивалентности; если знак в одном универсуме маркирован (приблизительно) так же, как в другом, то речь можно вести о равноэквивалентности; если знаки маркированы по-разному, то речь можно вести о разноэквивалентности.

"Равноэквивалентность"

Коммуникативный универсум как силовое поле характеризуется относительным равновесием, если разница потенциалов между взаимодействующими субъектами незначительная и если коммуникативная дистрибуция задействованных во взаимодействии знаков приблизительно равная. Например, если представитель американской культуры и представитель русской культуры высказываются следующим образом об обеде – “I don't eat dinner every day / Я обедаю не каждый день” – то данный объект (целостная ситуация, описанная предложением-высказыванием) обладает приблизительно одинаковой реферативной силой и информативностью, т.е. получает приблизительно одинаковую оценку субъектами взаимодействующих культур, т.к. речь идет об одном из приемов пищи. В результате данный объект находится приблизительно на одинаковом расстоянии от обеих интерпретант и, следовательно, обладает приблизительно одинаковой коммуникативной силой. Это означает, что коммуникативные переговоры будут довольно успешными, т.е. взаимопонимание будет достигнуто более или менее легко; в терминах Теории Релевантности (Sperber, Wilson 86) на оценивание данного объекта требуется приблизительно одинаковое количество когнитивных (и — добавим — эмоциональных) затрат (первое условие), а также диапазон контекстных эффектов, т.е. диапазон контекстности является приблизительно одинаковым (второе условие).

Для наглядности данное межкультурное взаимодействие можно представить в виде горизонтальных весов-культур А и Б, каждая из которых выступает одновременно и объектом, и интерпретантой. Знаковое действие как таковое находится приблизительно на одинаковом расстоянии от обеих культур, и коммуникативный универсум их пересечения репрезентирует более или менее уравновешенное силовое поле. Разумеется, если уменьшить масштаб анализа и сосредоточить внимание на более специфических характеристиках (ср. ассоциативное поле, внутренняя форма, многозначность, и т.д.), то различия в маркированности коммуникативных взаимодействий приобретут более четкий характер.

"Разноэквивалентность"

Коммуникативный универсум теряет относительное равновесие, как только разница потенциалов между взаимодействующими субъектами и коммуникативная дистрибуция знаков становятся более критическими. Например, если представитель американской культуры поделится с представителем русской культуры следующей информацией – “Last night, we had dinner early, at 6:30 PM / Вчера мы обедали рано, в 6:30 вечера” – то степень маркированности одного и того же знака будет различной в различных коммуникативных универсумах. То, что в американском универсуме является более немаркированным, в русском универсуме будет более маркированным. Следовательно, представителю русской культуры потребуется затратить больше усилий, чтобы маркировать данный знак и строить свое последующее коммуникативное поведение соответствующим образом, скажем, оговаривать время, приглашая своих заокеанских знакомых на обед.

Более сложный пример приводится в работе У. Ли с соавторами (Lee et al. 95, 271). Американский студент по обмену, который живет в китайской семье, жалуется на то, что миссис Май-Линг выводит его из себя, заставляя его все время есть, не оставляя его в покое и т.д. Вывод американского студента: миссис Май-Линг – грубая, невнимательная женщина. Данное коммуникативное поведение, проявляющееся в специальных языковых выражениях (например, эксплицитные директивы во время еды), получает разную оценку в разных культурах: то, что в одной культуре оценивается как проявление заботы, направленное на поддержание теплых отношений, в другой культуре оценивается как посягательство на свободу и проявление грубости. Иными словами, коммуникативное поведение миссис Май-Линг привычно и немаркировано с точки зрения ее культуры, и, наоборот, непривычно и маркировано с точки зрения американского студента. Различные оценки данного поведения проявляются в различной силе знака, т.е. представитель одной

культуры (американский студент) чувствует себя в неравном положении и вынужден менять свою оценку данного объекта, т.е. систему своих ценностей.

Представляя данную ситуацию в виде весов, следует обратить внимание на то, что коммуникативное поведение как таковое находится на разном расстоянии от обоих субъектов (дальше от А — китайской мамы, ближе к Б — американскому студенту), и в результате весы силового поля перевешивают влево; это проявляется в том, что субъект Б чувствует себя в более уязвимом положении и вынужден приложить больше когнитивных затрат для того, чтобы межкультурное взаимодействие стало более или менее равносильным. Если коммуникативные субъекты поменяются местами (китайский студент, американская мама), то силовое поле изменится в пользу американской культуры (своеобразное преимущество “своего коммуникативного поля”).

"Безэквивалентность"

Коммуникативный универсум как силовое поле характеризуется крайней разбалансированностью, когда лишь одна культура может оценить определенный знак, поскольку он отсутствует в другой культуре. Как правило, подобная ситуация обсуждается в терминах “безэквивалентной лексики;” на самом же деле такое явление пронизывает культуру-объект и может проявиться в различных языковых структурах, при этом чем фиксированнее знаки, тем коммуникативная безэквивалентность менее ощутима (ср. фонемы). Коммуникативная дистрибуция данных знаков носит заведомо неравный характер, поскольку любая дистрибуция больше чем ноль, т.е. отсутствие какой бы то ни было жизни знака. Примером такого межкультурного взаимодействия выступают любые знаки, существующие в одной культуре и (пока) не существующие в другой, т.е. новые знаки, заставляющие другую культуру выделить им место и оценить его в коммуникативном универсуме.

Например, если представитель американской культуры приглашает представителя русской культуры на “potluck (dinner),” то данный знак является немаркированным в американском универсуме и не является маркированным (т.е. пока не существующим) в русском универсуме. Следовательно, представитель русского универсума должен проделать определенную работу, чтобы найти доступ к данному значению, скажем, спросить у знакомых, обратиться за помощью к словарю.

Следует подчеркнуть, что такие знаки лишь на первый взгляд относятся к так называемой “безэквивалентной лексике”; на самом деле за ними стоит целостный коммуникативно-культурный универсум, т.е. целостная система употребления данных знаков, включающая нормы

общения, существенные характеристики развертывания и включения подобных знаков в дискурс и т.д. (по сути, речь идет о генеративной силе семиозиса). В этом случае коммуникативные силы знаков особенно различаются, и субъекту Б требуется прикладывать наибольшее количество когнитивных усилий для того, чтобы создать знак и придать ему коммуникативную силу, т.е. увеличить его дистрибуцию, тем самым восстановив коммуникативное равновесие.

Понятие маркированности применительно к взаимодействию культур лишь начинает привлекать внимание исследователей (Hatim, Mason 97); это можно объяснить сложностью моделирования межкультурного взаимодействия, поскольку в отличие от языковых систем как статичных абстракций, где различия в маркированности/немаркированности лежат на поверхности, устанавливая параллели между языковыми знаками и их функционированием гораздо труднее, так как связи между ними гораздо опосредованнее и завуалированнее (нелинейнее). Такие наблюдения, однако, являются чрезвычайно интересными и обладают значительным эвристическим потенциалом. Отмечается, например, что в отличие от английского с немаркированным порядком существительное-глагол-дополнение, в арабском языке немаркированным является порядок глагол-существительное-дополнение, при этом английский язык начинает оказывать влияние на арабский (Farghal 1994). Эти чисто структурные явления связывают с категориями статичности/динамичности, выходя на различные виды дискурса (ср. "бюрократический язык"), как часть коммуникативно-культурного универсума (de Beaugrande 94, 7-8). В некоторых работах синтаксическая сложность отождествляется с "информационной густотой", которая является маркированной для скандинавских культур при взаимодействии с немецкой культурой (Fabricius-Hansen 95).

Можно утверждать, что коммуникативный универсум межкультурного взаимодействия представляет собой своеобразное силовое поле, которое создается в результате различного коммуникативного потенциала знаков, употребляемых и оцениваемых разными культурами. Каждая культура выступает как объект, создающий знаки и раскрывающийся другим культурам в виде динамической системы интерпретант.

В определенном смысле каждая культура выступает как лакунизированный объект, постепенно заполняющийся различными интерпретациями, исходящими от других культур. Ж. Лакан, например, неоднократно отмечал лакунизированный характер субъекта (в его бессознательности) (см.: Lacan 1977; Ruthrof 1997: 80); ср. в этой связи теорию лакун, разрабатываемую Ю. А. Сорокиным и И. А. Марковиной (89). Межкультурное взаимодействие происходит в диапазоне между (почти)

сто процентной лакунизованностью (безэквивалентные знаки) и (почти) сто процентной делакунизованностью (формально-логическая эквивалентность).

В первом случае продолжение семиозиса как перевода обеспечивается за счет обращения к универсальным характеристикам, ср. “семантические примитивы” А. Вежбицкой (Wierzbicka 1994). Во втором случае жизнь коммуникативного универсума поддерживается частными (локальными) характеристиками (ср. индивидуальный смысл). И в том и в другом случае, однако, коммуникативный универсум представляет собой своеобразную геополитическую арену, на которой разыгрываются различные “военные действия”, приводящие к постоянной перестановке коммуникативных сил.

Понятие маркированности является одним из основных при исследовании динамики МО, поскольку с его помощью можно объяснить, как одна культура справляется со знаками другой культуры. Каждая культура стремится установить свое отношение к новому знанию, которое создается в процессе МО, при этом общая картина выводного знания может быть описана следующим образом.

Прежде всего каждая культура стремится выяснить, маркирован ли в ее универсуме определенный знак или нет и если нет – попытаться дать ему самое общее объяснение, т.е. выделить ему какое-нибудь место. Вслед за Ч. Пирсом данный процесс можно представить как абдукцию, т.е. “особый тип вывода, состоящий в выдвижении гипотезы, предназначенной для объяснения каких-либо наблюдаемых фактов” (Мельвил 68, 202). На основании данной гипотезы формируется общее правило о значении и функционировании знака, т.е. осуществляется дедуктивно-формальное закрепление гипотезы. Кроме того, знак подвергается проверке в виде единичных актов коммуникации, ср. индуктивный процесс. Таким образом, маркирование (новых) знаков происходит на основе сложной динамики абдуктивно-дедуктивно-индуктивного процесса (Merrell 97, 285-286).

Если при МО маркирование признается (относительно) равноэквивалентным, то на первый план выходит дедуктивная составляющая, поскольку она подчеркивает общее в значении и функционировании знаков. Если при МО маркирование признается разноэквивалентным, то на первый план выходит индуктивная составляющая, поскольку она подчеркивает определенный специфичный коммуникативный акт, выявляющий новые условия, при которых функционирование знаков выходит за рамки общего значения. И, наконец, если маркирование признается безэквивалентным, то на первый план выходит абдуктивная составляющая, поскольку выдвижение гипотезы о значении и функционировании

нии знака становится первостепенной задачей.

При МО, по сути, требуется установить отношения между знаками различных коммуникативных универсумов. Как было показано выше, при переводе знаков друг в друга взаимодействия между культурными универсумами не могут носить характер эквивалентно-тождественных отношений. В то же время, несмотря на невозможность установления полной эквивалентности, культуры являются принципиально взаимопроницаемыми, и отношения между ними имеют динамический характер. Прежде всего культуры устанавливают – насколько это возможно – отношения похожести между своими знаками, т.е. аналогичные отношения, ср. “dinner-обед” (как прием пищи); данные отношения фокусируются на (относительной) одинаковости знаков. Кроме того, отношения могут носить характер более глубокого сходства, которое подчеркивает различия в значении знаков, ср. “dinner-обед” (как прием пищи вечером или днем); эти отношения являются гомологичными. И, наконец, отношения между культурами могут принимать характер более глубоких – топологичных – отношений, при которых акцент делается не на поверхностной похожести, а на общем родстве знаков, ср. “potluck dinner – еда+люди” (может принять разное речевое выражение). Таким образом, безэквивалентность основывается (в первую очередь) на топологичных, разноэквивалентность – на гомологичных, а равноэквивалентность – на аналогичных отношениях.

В результате действия маркированности создаются базисные категории (значения) коммуникативного универсума. Данные категории, важность которых была показана в работах Б. Берлина (Berlin 74), К. Мервис и Э. Рош (Mervis, Rosch 81), имеют ряд следующих отличительных качеств.

1. Именно на уровне базисных категорий существует образ, представляющий весь объект.
2. Именно на этом уровне существуют сенсомоторные программы, позволяющие представителям универсума взаимодействовать с объектами.
3. Именно на этом уровне организуется большинство наших знаний.

В результате именно на данном уровне люди взаимодействуют наиболее продуктивно с объектами окружающей действительности, при этом под объектами следует понимать, разумеется, не только физические объекты, но любые знаки, которые превращаются (переводятся) в интерпретанты, ср. эмоции, действия и т.д. Одним словом, базисные категории занимают стратегическое положение (в терминах общей теории систем — между суб- и суперординатными категориями), образуя наиболее устойчивую систему значений, которая дает возможность

культуре успешно взаимодействовать с другими культурами (Lakoff, Johnson 99, 27-39).

В терминах пирсовской семиотики динамику категорий можно отождествить с взаимодействием термов, пропозиций и аргументов, при этом в качестве базисных категорий выступают пропозиции. Данное развитие можно проследить на примере более конкретных десяти типов знаков – от квалисайна до аргумента (Merrell 95, 136-137), при этом важно отметить, что в конце своего развития знак возвращается в себя (ср. “коллапс”) и начинает развиваться заново (Merrell 95, 213). Тем самым динамика МО может быть представлена как огромная голограмма, каждый знак которой содержит в себе информацию обо всем коммуникативном универсуме, разумеется с разной степенью четкости в зависимости от уровня знака.

Нельзя отрицать важности субординатных (“субстратных”) категорий (ср. иконические знаки), которые наиболее близко находятся к оригинальным объектам и запускают механизм МО в движение; стоит вспомнить в этой связи, что дегенеративность данных знаков Ч. Пирс ни в коей мере не отождествляет с ущербностью, напротив, подчеркивая их принципиальную важность (Reigse 80). Нельзя также отрицать и важности символических знаков, которые являются истинными знаками и расширяют границы семиозиса МО. Важность базисных категорий, однако, является стратегической и может быть легко забыта именно в силу своей обыденности.

Можно заметить, что базисные категории представляют собой значения, наиболее часто повторяющиеся в процессе МО, т.е. характеризующиеся наибольшим количеством коммуникативных коллизий. Базисные категории являются результатом коммуникативного развития, поскольку они должны быть установлены для того, чтобы впоследствии генерировать значения как вниз, так и вверх. Любая базисная категория является динамической, поскольку, с одной стороны, она является недоопределенной (это могло бы быть другое значение), а, с другой стороны, переопределенной (будущие взаимодействия заключают в себе возможности новых интерпретаций). Базисные категории постоянно существуют как точки напряжения между сферой недоопределенности (Третичности, интерпретанты) и сферой переопределенности (Первичности, объекта).

Таким образом, динамика МО сводится к поискам следа, который оставляет за собой знак. Любой знак (означающее), с одной стороны, превышает свое значение, является переопределенным и заключает в себе больше семиотической свободы, чем требуется для данного функционирования; с другой стороны, знак является недоопределенным, т.е. принципиально открытым для будущих интерпретаций (Merrell 97, 83).

Сферу переопределенности можно отождествить с Первичностью или имплицативным порядком по Д. Бому (Bohm 80), т.е. областью возможностей, которые никогда не будут реализованы полностью, а сферу недоопределенности следует рассматривать как область общих законов, Третичности, на основе чего знаки актуализируются в определенном универсуме; сфера актуализированных знаков является областью Вторичности, непосредственного знания как такового, эксплицативного порядка. Любой актуализированный знак является заведомо недоопределенным, поскольку он мог бы быть реализован иначе, т.е. отличаться от того, чем он является сейчас. Именно в этом смысле переводческую компетенцию следует рассматривать как способность выбирать из множества возможных вариантов, тем самым генерируя значения; при этом необходимо помнить, что можно выбрать лишь одно значение, оставляя дверь открытой для других вариантов маркирования, т.е. для других переводов (Chesterman 97, 119-120).

Итак, маркирование лежит в основе МО, позволяя культурам устанавливать и переоценивать свое отношение к знакам. Основным результатом действия маркированности является создание динамических базисных категорий, которые дают возможность культурам успешно взаимодействовать друг с другом и сохранять свою целостность, свое коммуникативное здоровье.

Пример с взаимодействием представителей американского и русского коммуникативных универсумов, приведенный выше, является общей иллюстрацией маркированности. Разумеется, изменения в данных коммуникативных универсумах, вызванные взаимопереводом знаков “dinner-обед,” имеют довольно частный характер. Можно сменить масштаб исследования, однако, и выделить более глобальные параметры коммуникативного универсума. Это будет сделано в одной из наших следующих публикаций.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Мельвилл Ю.К.* Чарлз Пирс и прагматизм: у истоков американской буржуазной философии XX века. М., 1968.
- [2] *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989.
- [3] *Battistella E.* Markedness: The evaluative superstructure of language. New York, 1990.
- [4] *Bohm D.* Wholeness and the implicate order. London: Routledge & Kegan Paul, 1980.
- [5] *Chesterman A.* Memes of translation: The spread of ideas in translation theory. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1997.
- [6] *de Beaugrande R.* Cognition, communication, translation, instruction: The geopolitics of discourse // R. De Beaugrande et al. (Eds.). Language, discourse and translation in the West and Middle East. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1994. P. 1-22.
- [7] *Fabricus-Hansen C.* Information density: A problem for translation and translation theory //

- Linguistics. 1995. Vol. 34-3 (343). P. 521-565.
- [8] *Farghal M.* Ideational equivalence in translation // R. de Baugrande et al. (Eds.). *Language, discourse and translation in the West and Middle East.* Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1994. P. 55-64. Featherstone, M. et al. (Eds.). *Global modernities.* London etc., 1995. P. 1-24.
 - [9] *Gorlue, D.* Semiotics and the problem of translation. Amsterdam/Atlanta, GA, 1994.
 - [10] *Hatim B., Mason I.* The translator as communicator. London, 1997.
 - [11] *Jakobson R.* Selected writings. Vol. 2. The Hague, 1971.
 - [12] *Lacan J.* The four fundamental concepts of psychoanalysis. New York: W. W. Norton, 1977.
 - [13] *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought. New York: Basic Books, 1999.
 - [14] *Lee W. et al.* A sociohistorical approach to intercultural communication // *The Howard Journal of Communication.* 1995. Vol. 6(4). P. 262-291.
 - [15] *Liszka J.* A general introduction to the semeiotic of Charles Sanders Peirce. Bloomington & Indianapolis, 1996.
 - [16] *Merrell F.* Semiosis in the postmodern age. West Lafayette, IN: Purdue University Press. 1995.
 - [17] *Merrell F.* Peirce, signs, and meaning. Toronto etc., 1997.
 - [18] *Mervis C., Rosch E.* Categorization of natural objects // *Annual Review of Psychology.* 1981. Vol. 32. P. 89-115. (Ed.). *Origins of semiosis: Sign evolution in nature and culture.* Berlin, 1994. P. 37-60.
 - [19] *Peirce Ch. S.* *Collected Papers of Charles Sanders Peirce.* 8 vols., ed. Charles Hartshorne, Paul Weiss and Arthur Burks. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1980.
 - [20] *Rosch E.* Principles of categorization // Rosch E. & Lloyd B. (Eds.). *Cognition categorization.* Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27-48.
 - [21] *Sperber D., Wilson D.* *Relevance: Communication and cognition.* Cambridge, Mass., 1986.
 - [22] *Wierzbicka A.* "Cultural scripts": A new approach to the study of cross-cultural communication // M. Putz (Ed.). *Language contact and language conflict.* Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1994. P. 69-87.

Прецедентная ситуация и способы ее актуализации

© кандидат филологических наук Д. Б. Гудков, 2000

1. Определение термина. Термин “ситуация” обладает большим количеством самых разнообразных толкований в современной лингвистике (детальный обзор см., напр., в [Краевская]). Так, М. В. Всеволодова указывает два значения данного термина [Всеволодова, с.67], Н. Д. Арутюнова выделяет три подхода к его пониманию [Арутюнова, с.9], Е. И. Пассов предлагает список определений ситуации, состоящий из восьми членов [Пассов]. Все названные авторы подчеркивают, что существуют различные понимания рассматриваемого термина в лингводидактике, лингвистике, психологии, и с сожалением отмечают его недифференцированное употребление. Разброс мнений оказывается весьма значителен, даже если рассматривать только собственно лингвистические определения.

Можно выделить две полярные друг другу тенденции в определении термина “ситуация”. В первом понимании, “ситуация есть отрезок, часть отраженной в языке действительности, (...) ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний” [Гак, с.359] и представляет собой “положение дел, событие, отраженное в содержании высказывания и непосредственно с речевым поведением коммуникантов не связанное” [Всеволодова, с.67]. Во втором понимании, отраженная в высказывании действительность, не включается в понятие ситуации, последним термином именуется “релевантные экстра-текстуальные языковые и внеязыковые обстоятельства” [Gregory, Carol, с.4], “совокупность реальных условий протекания коммуникации” [Колшанский, с.73]. Мы не отрицаем ни один из данных подходов и ни одно из приведенных определений, считая, что каждое из них может “работать” при решении различных исследовательских задач, но сами рассматриваем ситуацию как составляющую термина “прецедентная ситуация” в несколько ином аспекте.

Мы не связываем ситуацию с высказыванием и с условиями протекания коммуникации и называем этим термином некоторое динамическое событие, т.е. не некий статичный отрезок действительности, застывшее положение дел, но именно изменение этого положения, событие, приведшее к изменению изначального положения, которое существовало до того, как оно произошло, поэтому некоторое действие обязательно является составляющей той ситуации, которая характеризуется нами как прецедентная.

Прецедентной же ситуацией (ПС) мы называем некоторую реальную единичную ситуацию¹, минимизированный инвариант восприятия которой, включающий представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценку, входит в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и знаком практически всем социализированным представителям этого сообщества.

Актуализация ПС происходит при ее сопоставлении с той или иной ситуацией речи. Ситуацией речи мы называем как ту ситуацию, которая описывается в речи одного из коммуникантов (например, кто-либо рассказывает о сложном походе, который сам говорящий или его слушатели характеризуют как *переход Суворова через Альпы*), так и ту ситуацию, в которой протекает коммуникация (например, отец, недовольный тем, как разговаривает с ним его сын, может обратиться к нему со словами: *“Я тебя породил — я тебя и убью”*, актуализируя известную ПС).

ПС принадлежит когнитивному сознанию и выводится на языковой уровень с помощью различных средств вербальной актуализации. Ниже мы обратимся к их рассмотрению.

2. Способы актуализации ПС. Некоторые ПС оказываются поименованы, на них указывают определенные прецедентные имена (*Ходынка, Цусима, Чернобыль* и др.). Соответственно, такие ПС, как правило, актуализируются с помощью употребления прецедентного имени. Приведем примеры подобной актуализации.

“100 дней” окончилась для Явлинского позорным экономическим Ватерлоо (Завтра, №10/99).

Должны ответить те, кто устроил Чернобыль в финансах (АиФ, № 36/98).

Мы должны думать и о политической и о военной помощи Югославию, но при этом мы всегда должны помнить о Цусиме (Завтра, № 17/99).

Именованные некоторые ПС происходят при помощи четко фиксированных дескрипций, которые оказываются по своему функционированию близки к прецедентным именам. Например:

Триумфальная ратификация этого договора есть дешевый фарс, а уж если быть точным – Мюнхенский сговор номер два (НГ, 26.01. 99).

¹ Мы в данном случае не разделяем те события, которые происходили в действительном или в возможном мире, реальной ситуацией мы называем как, например, переход Суворова через Альпы, так и убийство Тарасом Бульбой своего сына.

День получения пенсии для наших стариков — почти как день Бородина. Сначала экспедиция на почту. Это же переход через Альпы! (МК, 23.04.99)

Но конкретными названиями обладает меньшинство ПС. Поэтому приведенный способ актуализации является не столь частым. ПС может быть жестко связана с прецедентным именем (ПИ), указывающим на то или иное лицо, в минимизированное представление, стоящее за этим именем, обязательно включается представление о ситуации в которой это лицо действует, соответственно, при употреблении ПИ этого типа актуализируется и соответствующая ПС. Рассмотрим следующие примеры:

С тех пор все в судьбе этого форварда чудесным образом изменилось, словно в сказке о Золушке (Спорт-экспресс, 6.02.99);

Этот орган намерен призвать к ответу тех, кто завел СМИ в столь кризисную ситуацию. Сусаниных — к ответу! (МК, 26.09.98);

Отелло Саранского уезда (заголовок статьи, рассказывающей об убийстве из ревности юношей своей невесты) (АиФ, №3/99).

Весьма распространенным актуализатором ПС является прецедентное высказывание, о чем уже говорилось в предыдущем параграфе. Ограничимся здесь лишь двумя примерами.

Велика Россия, а бежать некуда. Позади Китай (из статьи о китайских уйгурах, пытающихся бежать в Россию) (Новые Изв., 05.06.98).

Некто Лебедев и Раков забрались в чужую квартиру и так долго спорили, какие вещи лучше взять, что громкими голосами привлекли внимание соседей. Когда в товарищах согласья нет... (МК, 12.09.98)

Некоторые ПС могут актуализироваться при упоминании прецедентного текста, в котором они нашли свое воплощение. Например:

Тот кавалерийский задор, с которым Генпрокуратура и ФСБ нажились именно на Березовского, свидетельствует: за главного политического интригана взяли всерьез. Отрадно сознавать, что мышкой (см. русскую народную сказку “Репка”) выступила наша газета (МК, 5.02.99).

Таким образом, можно заметить, что актуализация одного из прецедентных феноменов (в данном случае – ПС) происходит при помощи обращения к другим прецедентным феноменам, связанным с ним. Но ПС может актуализироваться через описание, через обращение к реалиям, которые вряд ли могут быть названными прецедентными в собственном смысле этого слова, но фигурируют именно как фрагменты ПС, неся прецедентность не сами по себе, но именно как атрибуты соответствующей ситуации. Подтвердим сказанное следующими примерами:

Даже типовое строительство не смогло порвать связь времен. Готовясь к реванишу, русское зодчество, как Боброк, ждало лишь ветра в спину (Завтра, № 1/99);

Как только девушка в приемном окошке возьмет у меня конверт, то корабли будут сожжены. Непрядва перейдена, и для меня начнется неведомая жизнь с неведомыми последствиями (Завтра, № 9/99).

Относительно последних двух примеров заметим, что для текстов того печатного издания, откуда они заимствованы (газета “Завтра”), весьма характерно обращение к реалиям и персонажам Куликовской битвы, что позволяет создавать как бы двойную метафору: ситуация речи сопоставляется с ПС, а также глобальная ситуация Куликовской битвы (победа русского воинства над терзавшими страну иноземными оккупантами) сопоставляется с актуальной ситуацией в нашей стране, причем, какую позицию в этой ситуации занимает сама упомянутая газета, совершенно очевидно (в скобках заметим, что автор последнего из приведенных нами в качестве примера высказываний, не использует клишированную актуализацию “иностранной” ПС *перейти Рубикон*, но говорит о переходе русской Непрядвы, хотя *Непрядва* в русском ЛКС обладает, вероятно, не столь высоким “индексом” прецедентности, как *Рубикон*).

3. Структура и функционирование ПС. Практически все приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что ПС выступает вторым членом часто довольно сложной метафоры, реальная ситуация речи сопоставляется с ПС, которая выступает как образец подобных ситуаций вообще. Нужно сказать, что обращение к ПС в этом отношении оказывается подобно обращению к тому “культурному предмету”, на который указывает прецедентное имя. Последнее также активно участвует в механизме метафоры, о чем подробно будет сказано ниже. Как и при любой метафоре, уподобление может происходить как по некоторым существенным признакам (вспомним пример с *Отелло* из Саранска), так и по периферийным характеристикам, не служащим для сигнификации той

или иной ситуации (см. примеры со сказкой о репке или с Непрядвой). Уподобление одной ситуации другой может обладать разной “интенсивностью”, варьироваться от “отождествления” до “некоторого подобия”, часто реальная ситуация и ПС занимают противоположное положение на оси “высокое – низкое”, выступая в этом отношении как антонимы, служат для создания комического эффекта бурлеска и травестики. Рассмотрим следующий пример.

Все началось с того, что Тихонов прибил к воротам Елисейковского сельсовета свои четырнадцать тезисов. Вернее, не прибил их к воротам, а написал на заборе мелом, и это скорее были слова, а не тезисы, четкие и лапидарные слова, а не тезисы, и было их всего два, а не четырнадцать, – но, как бы то ни было, с этого все началось.

Вен. Ерофеев. Москва-Петушки.

Описываемая ситуация пародийно сопоставляется автором с ПС, связанной с поступком Мартина Лютера в Виттенберге, который положил начало Реформации, но, естественно, что как историческое значение описываемых ситуаций, так и их “семантическое наполнение”, оказываются несопоставимыми, ситуации эти, выступая как синонимы, оказываются антонимичными.

На наш взгляд, имеет смысл различать ПС, связанные с некоторым прецедентным текстом, в котором они находят свое образцовое выражение, и ПС, такой связи не имеющие. Они будут несколько различаться по своему функционированию и по способам их актуализации.

Прокомментируем этот тезис, обратившись к конкретным примерам. В первом случае говорящий, сопоставляя ПС с реальной ситуацией, употребляет в своей речи актуализатор ПС как знак соответствующей ПС. Например:

“Россия тронулась вслед за Домоносовым (Пока автостопом путешествуют только студенты и пенсионеры)” (МК, 20.09.95).

Реципиент же, воспринимая в реальной ситуации речи актуализатор ПС (в данном случае – прецедентное имя), который в его сознании прочно связано с прецедентной ситуацией, сопоставляет последнюю с реальной ситуацией речи.

Во втором случае указанный механизм полностью сохраняется с той лишь разницей, что соответствующая ПС находит свое “эталонное” отражение в определенном прецедентном тексте. Например:

Но Григорий Александрович (Явлинский — Д.Г.) предпочел бросить свой “фрукт” на чашу весов так, чтобы они склонились в пользу сил, жаждущих вернуть нас в счастливое социалистическое прошлое. Умыв руки подобно Понтию Пилату, он уклонился от участия в голосовании (МК, 21.01.96).

На функционирование и способы актуализации прецедентных ситуаций во многом влияют различия в их структуре. Одни ПС могут быть условно названы “ролевыми”, другие — “общефактическими”. “Общефактические” ПС — ситуации, содержащие некоторое событие вообще, минимизированное представление этой ситуации не включает в себя отдельных позиций ее участников, так, если обратиться к уже приводимым выше примерам, *Чернобыль* – катастрофа вообще (не только ядерная или экологическая), *Ватерлоо* – крупное поражение (не только военное), *Ходынка* – страшная давка и т. д. От этих ситуаций отличаются ПС, которые мы называем “ролевыми”, т. к. они включают некоторые обязательные роли, позиции, образуют структуру, включающую в себя определенные элементы и обязательную связь между ними. Эти позиции или роли могут быть обязательными и факультативными. Так, в ситуации “Отелло – Дездемона” обязательными являются позиции “пылкий ревнивец” и “объект его страсти” (при этом возлюбленная ревнивца может не обладать никакими качествами Дездемоны, например, вовсе не быть невиновной или юной и т. д., сопоставление с ней строится не на общности некоторых дифференциальных признаков, но на общей позиции в структуре ситуации, воспринимающейся как подобная прецедентной), обязательная связь этих объектов – “агрессивные действия со стороны ревнивца по отношению к своей возлюбленной” (вовсе не обязательно эти действия должны быть столь же жесткими, как в соответствующем прецедентном тексте), факультативная позиция — “Яго”, “коварный интриган”, с которым связана факультативная функция (действие) – “строить козни, разрушающие союз “Отелло” и “Дездемоны”. В ПС “Стенька Разин – персидская княжна” существуют позиции, которые мы включили в номинацию ситуации, эти объекты связаны функцией “выталкивание (выбрасывание) из безопасного пространства”.

Легко заметить, что “общефактические” ситуации могут прямо обозначаться тем или иным именем, которое становится прецедентным, и, соответственно, актуализироваться при употреблении этого имени. “Ролевые” ПС на это не способны, их номинация оказывается более сложной и развернутой и, как правило, требует упоминания обязательных ролей, актуализация их также происходит через указание на обязательные позиции. Рассмотрим только один пример.

Тут подал голос и другой дедуля: “Заслужил ты (Е. Гайдар — Д.Г.), позорник, чтобы я тебя, как Тарас Бульба — предателя сына...” (Завтра, № 7/99)

Упоминание позиций “отца” и “сына” и указание на карающие действие первого по отношению ко второму являются обязательными при актуализации и/или описании соответствующей ПС.

Подобные различия в структуре ПС должны учитываться при презентации ПС инофону в процессе обучения его межкультурной коммуникации на русском языке и при словарном описании “ядерных” ПС русской когнитивной базы. Необходимость и актуальность подобного описания, следует из того, что инварианты восприятий ПС, хранящиеся в когнитивной базе “аккумулируют не только знания о данной конкретной ситуации, но и весь предшествующий опыт национально-лингвокультурного сообщества, представленный в виде уже существующих знаний и представлений и определенной системы оценок” [Красных, с.54]. Выявление “списка” “ядерных” ПС, сопровождающих их оценок и сопутствующих коннотаций позволит на конкретном материале исследовать специфику восприятия и оценки членами русского ЛКС явлений окружающей действительности (реальной и виртуальной), ценностную шкалу, существующую в данном сообществе.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова – Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
2. Всеволодова – Всеволодова М.В. Коммуникативные механизмы синонимии // РЯЗР. 1989. №4.
3. Гак – Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М., 1973.
4. Колшанский – Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М., 1980.
5. Краевская – Краевская Н.М. Ситуация как фактор дифференциации типов устной речи // Лингвистические особенности научного текста. – М., 1981.
6. Красных – Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М., 1998.
7. Пассов – Пассов Е.И. Ситуация, тема, социальный контекст // ИЯШ. 1975. № 5.
8. Gregory, Caroll — Gregory M., Caroll S. Language and situation. Languages and their social context. London. 1978.

ЛИНГВИСТИКА

Новый тип текста: миф или реальность? (размышления на досуге)

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2000

Совсем недавно информационная волна докатилась до России, и лавина информации, передаваемой по многим каналам радио и телевидения, публикуемой в мелких и крупных, более или менее периодических изданиях, накрыла нас с головой. И это только начало, ибо развитие информационной компьютерной сети, к которой может подключиться практически любой желающий, все большее распространение факсов и средств электронной почты в повседневной работе приводит к еще большему объему информации, которую необходимо перерабатывать нашему еще не привыкшему к таким скоростям и объемам сознанию.

Чем интересно такое положение вещей для лингвиста? Прежде всего тем, что, хотим мы того или не хотим, но все мы вынуждены адаптироваться к новым условиям, принимать условия современной игры и — менять тип текстов, которыми мы обмениваемся.

Из целого ряда новых типов текста, которые, безусловно, появились в последнее время, мы остановимся на том, который представляется нам наиболее показательным и получающим все большее и большее распространение. Речь идет об “информационном” тексте (примем это название в качестве рабочего).

Итак, что отличает тип информационного текста? Во-первых, минимальный объем при максимальной информационной насыщенности. Во-вторых, унификация, определенная его структурированность. В-третьих, четкая разграниченность текстов сугубо “информационных” и текстов иного содержания (разумеется, с оговоркой, что любой текст несет определенную информацию, но может выполнять — в качестве основной — иную функцию).

Наиболее яркими примерами информационного текста можно признать, например, тексты (кратких) сообщений, посылаемых с помощью современных средств связи при обмене информацией. Нельзя не отметить, что развитие факсимильной связи и электронной почты способствует быстрому распространению такого типа текстов, направленных на

то, чтобы передать запрос и получить в короткий срок нужную информацию, передать информацию и получить быстрый ответ на нее. Этим в первую очередь и объясняется все большее распространение и более активное использование современных средств связи и именно в этом, очевидно, основная причина их постоянно растущей популярности.

Но оговоримся сразу, что, разумеется, далеко не все то, что передается, например, по факсу или по E-mail'у, оформляется в виде информационного текста: часто факс используется для передачи самых разных посланий, например, деловых бумаг, коммерческих предложений или текстов рекламного характера, которые построены по законам определенного стиля и строго выдержаны в рамках "своего" жанра, факс же в данном случае выполняет лишь функцию более удобного, быстрого и надежного средства связи, нежели обычная почта. То же справедливо и в отношении электронной почты: личные письма, отправленные таким образом, могут оформляться по законам эпистолярного жанра (что, как правило, и имеет место, однако данный вопрос требует, на наш взгляд, безусловно, самостоятельного и серьезного исследования).

Что же характерно для данного типа текста? С точки зрения стилистической принадлежности, такие тексты весьма любопытны, ибо являются собой некую контаминацию разных стилей: во-первых, яркие черты того стиля / жанра, в рамках которого они созданы; во-вторых, стремление максимально "ужать" объем текста порождает черты "телеграфного стиля" (в данном случае слово "стиль" используется не как термин, но лишь как составная часть широко используемого клише); в-третьих, иллюзия непосредственного общения (вопрос — ответ; запрос информации или сообщение — реакция адресата) зачастую привносит в подобные тексты элементы разговорной речи (по Земской)¹.

Далее, поскольку цель использования факсимильной и электронной связи — быстрый обмен информацией, то, следовательно, чем точнее адресант поставит вопрос или сформулирует свою мысль, тем больше шансов у него получить максимально точный и адекватный ответ, отклик адресата в короткий срок. Чтобы такое стало возможным, текст адресанта должен соответствовать тем параметрам, которые мы выделили для информационного текста: 1) максимальная информативность при возможно минимальном объеме и 2) структурированность текста. Под структурированностью в данном случае мы понимаем следующее: 1) тезисное, максимально четкое изложение наиболее важного материала (будь то перечисление фактов или однозначно сформулированный

¹ Можно соглашаться или не соглашаться с концепцией Е. А. Земской, но в данном случае мы апеллируем именно к ней, дабы не вдаваться в подробности, которые давно и хорошо описаны в литературе.

запрос информации и т. д.); 2) определенное расположение частей текста (диктуется законами конкретного жанра: сообщение информации, запрос информации, обмен информацией и т. д.).

Еще один достаточно яркий пример информационного текста может быть обнаружен в СМИ, которые (печать в первую очередь), как кажется, уже давно почувствовали необходимость в такого рода текстах. Если мы проанализируем содержание ведущих (по тиражу) газет (например, “Аргументы и факты”, “Московский комсомолец”), то мы увидим, что большая часть информации излагается именно в таких текстах. Часто журналисты прибегают к очень удобному для читателя приему: большую статью (как правило, аналитического характера) предваряет “вводная часть”, являющая собой именно информационный текст, или на первой полосе излагаются факты, подробный анализ которых помещен внутри издания. Тот же прием в настоящее время используется в радио- и теленовостях. Не думаю, что это просто дань моде. В наше время человек должен сам отбирать ту информацию, которая ему интересна и полезна, а остальное “пропускать мимо ушей”, ибо все узнать все равно невозможно.

Что же характерно для таких текстов? Все та же максимальная информационная насыщенность при минимальных объемах сообщений, а также структурированность, которая в данном случае носит несколько иной характер: на первый план выдвигается наиболее “выигрышное” расположение информации — в начале текста сообщается самое главное, “смысловое ядро”, сопровождаемое упоминанием некоторых, самых важных, ярких, “говорящих” деталей; в ряде случаев подобное сообщение может завершаться “эмоциональным всплеском”, т. е. насколько возможно сконцентрированной (вплоть до одного слова) эмоциональной оценкой.

Обыденное сознание современного человека представляется достаточно конкретным. Мы вынуждены обрабатывать огромный объем поступающей информации и быстро реагировать на нее. Иначе мы не сможем жить и работать в современном мире (больше всего с этим сталкиваются, очевидно, люди, занятые в сфере бизнеса, где быстрая реакция на происходящие события является составной частью успеха). Следовательно, все больше и больше будут расходиться тексты “информационные”, в максимально сжатой форме излагающие факты, понятные “с первого взгляда”, и тексты аналитического, например, характера, подробно излагающие все *pro* и *contra*, аргументирующие и иллюстрирующие каждое положение, каждый тезис и т. д. Что вполне естественно и закономерно, поскольку задачи у этих текстов значительно разнятся: информационный текст должен “спровоцировать” быструю реакцию,

аналитический текст предназначен для того, чтобы предоставить максимально полную информацию для размышления.

В заключение заметим, что в настоящей статье изложены лишь некоторые наблюдения и размышления “на досуге”. Вполне отдаем себе отчет, что они, возможно, носят провокационный характер. Но мы считали возможным задать следующие вопросы: 1) действительно ли наше новое время породило не только “новых русских”, но и новые типы текстов; 2) если да, то можно ли говорить о том, что в определенных сферах деятельности они доминируют и замещают существовавшие до этого типы или же старые и новые типы сосуществуют; 3) можно ли говорить о том, что развитие новых средств связи ведет не только к появлению новых типов текста, но и к “реанимации” старых, как, например, текстов эпистолярного жанра (идея была впервые высказана Г. Е. Кедровой во время личной беседы о развитии E-mail’a), привнося, разумеется, в них некоторые трансформации: например, возможность получения мгновенной реакции собеседника, безусловно, придает подобным текстам (если рассматривать их как единый текст, порожденный в диалоговом режиме) вид скрипта непосредственной беседы, опять-таки со своими специфическими чертами, которые еще только предстоит описать и исследовать; 4) и наконец, насколько серьезно влияние новых средств связи (и в первую очередь Internet’a и электронной почты) на обыденное сознание. Все эти вопросы заслуживают, на наш взгляд, дальнейшего и весьма серьезного обсуждения.

О системе значений обстоятельств образа действия в подъязыке естественных наук

© Т. В. Прохорова, 2000

Как показали исследования категорий места, времени, причины [Всеволодова, Владимирский 1982; Всеволодова 1975; Всеволодова, Яценко 1988], подобные категории в каждом языке определенным образом структурированы, что позволяет каждый случай употребления рассматривать не как отдельное явление, а как компонент целостной системы значений (СЗ). Объект нашего анализа — не описанные до сих пор обстоятельства образа действия (ООД), в первую очередь, в языке научной и публицистической литературы.

СЗ формируются средствами, представленными явлениями одного ранга, уровня, т.е. это могут быть СЗ, сформированные: а) формами имен существительных, б) наречиями или фразеологическими оборотами, в) формами глаголов и т.п. Конкретным предметом нашего внимания является СЗ, сформированная предложно-падежными и беспредложными формами имен существительных, в дальнейшем — именными обстоятельственными группами (ИОГ)¹: *электролизом, методом нагревания, путем рассуждений, подстановкой в формулу* и т.д.

Функционально-коммуникативный подход в синтаксисе показал, что формальная устроенность предложения не так жестко связана с его содержанием, как это предполагалось в рамках формальной грамматики. На позицию того или иного члена предложения может встать имя практически любого участника ситуации, описываемой предложением [Всеволодова 1997]. Формальная структура предложения наиболее "нейтрально" соотносится с содержательной (денотативной) структурой (ДС) в случае изосемической конструкции [Золотова 1982]. Наблюдения показывают, что изосемическим содержанием для ООД является качественная (в широком смысле) характеристика действия, обычно выражаемая наречием: *Он говорил тихо; Дети весело играли*; или разного рода фразеологическими оборотами: *Он работал спустя рукава; Они бежали сломя голову*. Эти случаи более или менее подробно описаны, в част-

¹ Кроме уже приведенных в статье используются следующие аббревиатуры: П - подлежащее, Ск — сказуемое, Д — дополнение, Аг — агент, что Р — придаточная часть сложноподчиненного предложения, СППр — сложноподчиненное предложение, ШПр — простое предложение, ИПГ — именная причинная группа, с/Опр — согласованное определение, н/Опр — несогласованное определение, СПП — сфера проявления предиката, ОП — описательный предикат.

ности, в методической литературе. Объектом нашего внимания являются случаи, когда на позицию ООД становится имя не качественной характеристики самого действия, а какого — либо иного участника ситуации (в том числе и действия), а сама ситуация чаще всего является полипропозитивной.

В рамках функционально-коммуникативной грамматики СЗ строятся на основе принципа дихотомии (бинарных оппозиций). В нашей СЗ основная бинарная оппозиция строится на противопоставлении двух типов акциональных предикатов действие — процесс: *Медный купорос получают растворением медных отбросов в горячей концентрированной серной кислоте. — Реакция идет с выделением кислорода.* Как показали исследования еще причинно-следственных отношений [Всеволодова, Яценко 1988; Котвицкая 1990; Лебедева 1992], ряда других систем, а в последнее время и пространственных отношений [Lachur 1999], каждое значение представлено некоторым неоппозитивным множеством ТС [Котвицкая 1990; Всеволодова, Дементьева 1997]. Поскольку действие и процесс представляют собой один из типов денотативных предикатов [Всеволодова 1995; Всеволодова, Го Шуфень 1999; Всеволодова "Теория"], то они реализуются в шести неоппозитивных типах сфер проявления предикатов: физической, физиологической, эмоционально-психической, интеллектуальной, социальной и духовной.

В статье мы рассмотрим левую ветвь оппозиции (действие). В нашем корпусе примеров отмечены три СПП: **физическая, интеллектуальная и социальная**:

1. **Физическая** СПП представлена 2ТС:

- 1) **получение вещества**: *Коллоидный раствор золота получают восстановлением хлорного золота формалином.*
- 2) **превращение вещества**: *Превращаем вольфрам в оксид вольфрама путем окисления его на воздухе при температуре красного каления.*

2. **Интеллектуальная** СПП представлена 2ТС:

- 1) **получение эврикатива**: *С помощью спектрального анализа в пространстве было обнаружено присутствие гелия и*
- 2) **получение результата**, который функционирует в 3-х ТС:
 - а) **ТС классификации**: *По наличию или отсутствию осадков вещества делятся на растворимые и нерастворимые.*
 - б) **ТС идентификации**: *По наличию осадка мы определили, что данное вещество относится к нерастворимым*
 - в) **ТС определения некоторых параметров** (качественная/количественная характеристика или состояние): *Масса некоторого тела определяется путем сравнения с эталоном.*

2. **Социальная** СПП представлена двумя группировками ТС:

- 1) полисубъектная, которая функционирует в 4-х ТС:
 - а) ТС **партнерства**: Спецслужба секретно поставляла оружие в партнерстве с министерством обороны,
 - б) ТС **помощи**: Она опросила с помощью прокуратуры тех сотрудников КГБ, которые контактировали с Чепайтисом,
 - в) ТС **посредника**: Иностранцы постараются сделать это через подставных лиц,
 - г) ТС **верховенства**: Французские части действуют в совместных операциях под национальным командованием.
- 2) **моносубъектная**: Удержать убегающие республики реально только силой.

Таким образом в СЗ ООД были выявлены ТС, отражающие совокупности однотипных минимальных (поскольку каждая из них рассматривается как некоторая целостность) и поэтому далее нечленимых фрагментов действительности, по отношению к которым может быть применено понятие "событие", "ситуация". Вместе с тем, некоторые ситуации включают в себя не одну, а две или более пропозиций. Каждая ТС характеризуется своей семантикой и своим набором участников, которые формируют денотативную структуру данной модели. Рассмотрим две ТС: **1.ТС: выражение способа мыслительного действия при получении собственно эврикатива**: *Эйнштейн путем рассуждений пришел к выводу о существовании индуцированного излучения* и **2.ТС: получение результата на основе определения некоторых параметров**: *Кинетическую энергию движущегося тела мы определяем по формуле $E=mv^2/2$.*

1.ТС: выражение способа мыслительного действия при получении собственно эврикатива.

I. Семантика ТС: Агенс (лицо) методом логических операций или осмыслением результатов опыта, эксперимента, наблюдения (мыслительное действие, действие-1) приходит к выводу (результат, действие-2) о существовании некоторого положения дел (эврикатив — термин Т. Е. Чаплыгиной).

II. Состав участников ситуации (денотативные роли): 1. Аг.- лицо или класс лиц, осуществляющих действие; 2. Мыслительное действие; 3. Результативное действие; 4. Эврикатив — объект мысли речи (некоторое положение дел).

Поскольку выделенные нами роли относятся к денотативному уровню и могут занимать разные членопредложенческие позиции, покажем соотносительность имен ролей и ЧП в основных моделях: *Эйнштейн (Аг –П) путем рассуждений (действие-1 –ОДД) / пришел к выводу (результат–формальное Ск+Д) о существовании индуцированного излуче-*

ния (эврикатив –Д). *Прямым методом (действие-1 –ОДД) Резерфорд (Аг –П) доказал (результат – Ск), что эти частицы представляют собой заряженные атомы гелия (эврикатив – что Р). Наиболее нейтральным и адекватным выражением этой ТС является СП типа: Эйнштейн рассуждал и (в результате этих рассуждений) пришел к выводу о существовании индуцированного излучения/о том, что существует индуцированное излучение. Резерфорд, пользуясь разными методами, пытался установить, что представляют собой данные частицы, и с помощью прямого метода он пришел к выводу, доказал/принадлежность этих частиц к заряженным атомам гелия/, что эти частицы являются заряженными атомами гелия.*

Средства выражения участников ТС в основных моделях:

Аг в традиционной форме N_1 может быть выражен именем собственным, нарицательным, личным местоимением: *А. Г. Столетов экспериментальным путем доказал, что под действием света возникает электрический ток; Физики в процессе эксперимента установили, что длина световой волны у лучей разного цвета различна; Мы опытным путем установили, что при движении по витку проводника электрического тока возникает магнитное поле вокруг проводника. Имя Аг может быть представлено 0-формой, обычно в сочетании с V_3pI : Установили, что имеются два рода электричества: положительное и отрицательное.*

Результат выражается глаголами: **доказать, установить, обнаружить, открыть** и их причастными формами: **доказано, установлено, обнаружено, открыто**, а также ОП-ом **прийти к выводу**. Приведем основные реализации данных предикатов.

1. Исходное предложение — СППр, с главной глагольно-именной частью, включающей П — имя Аг. и эврикативом – что Р: *Ученые опытным путем открыли/установили/обнаружили, что система отсчета является инерциальной.*

2. СППр с главной частью — неопределенно-личным предложением: *Опытным путем открыли/установили/обнаружили, что система отсчета является инерциальной.*

3. СППр с главной частью — причастным безличным оборотом: *Опытным путем открыто/установлено/обнаружено, что система отсчета является инерциальной.*

4. ПП с номинализированным именем эврикатива в форме N_1 при возможности выразить эврикатив придаточной частью: *Опытным путем открыта/установлена/обнаружена инерциальность системы отсчета.*

ОП прийти к выводу требует в этом случае местоименно-соот-

носительной реализации: *прийти к выводу о том, что Р*: *Эйнштейн путем рассуждений пришел к выводу о том, что существует индуцированное излучение* или присоединяет к себе номинализацию **прийти к выводу о чем**: *Эйнштейн пришел к выводу о существовании индуцированного излучения путем рассуждений*.

Таким образом, собственно глаголы присоединяют "что Р", ОП — местоименно-соотносительную реализацию; собственно глаголы присоединяют номинализацию в форме N₄ без предлога, а ОП — в форме о + N₆.

Средства выражение эврикатива.

Эврикатив — это содержание результата мыслительной деятельности агенса — выводы, доказательства, обнаружения. Эврикатив по своей семантике фактически представляет собой отдельную пропозицию (пропозиционный объект). Как было показано выше, эта пропозиция может быть представлена:

1. что Р:

- а) изъяснительной придаточной частью при глаголах: **доказать, установить, открыть, обнаружить** и их причастными формами: **доказано, установлено, открыто, обнаружено**: *Опытным путем установили, что система отсчета, центр которой совмещен с Солнцем, а оси направлены на соответствующим образом выбранные звезды, является инерциальной.*
- б) при ОП **пришли к выводу** о том, что Р: *В процессе наблюдений за животными Павлов пришел к выводу о том, что существуют условный и безусловный рефлексы .*

2. номинализацией в форме:

- а) N₄ при глаголах: **установить, обнаружить, открыть, доказать** и их причастными формами: **установлен, обнаружен, открыт, доказан**: *Путем изучения объемных отношений при реакциях, в которых участвует водород, кислород, азот и хлор, была установлена двухатомность молекул этих газов.*
- б) о + N₆ при ОП **прийти к выводу**: *Павлов пришел к выводу о существовании условного и безусловного рефлексов в процессе наблюдений за животными.* Покажем это в таблице №1.

Мыслительное действие выражается девербативами типа: **анализ, эксперимент, наблюдение, рассуждение, изучение, вычисление**. Эти девербативы выступают в ИОГ, занимающих в формальной структуре предложения позицию ООД. Названия мыслительных действий, образующие эти ИГ, могут выступать: 1. без метаслов; 2. в сочетании с метасловами: **метод, способ, путь**.

1. Без метаслов существительные-названия мыслительных действий

выступают в формах: **с помощью N₂**, **в ходе/процессе N₂**, а также в **результате N₂** синонимичных и взаимозаменяемых. Форма **в результате N₂** выходит из класса ООД и относится к классу ИПГ, т.е. налицо пересечение ФСП характеристики и обусловленности: *С помощью/В ходе/В процессе/В результате эксперимента было установлено, что длина световой волны у лучей разного цвета различна. — С помощью/В ходе/В процессе/В результате экспериментов была открыта регенерация.; С помощью/В ходе/В процессе/В результате опытов над животными были получены новые данные о восстановительной способности мышечных тканей. — В ходе наблюдений/В процессе/В результате наблюдений за спутником Юпитера Ремер впервые определил скорость света.*

Таблица 1.

Парадигматический ряд предиката результативного действия и способы выражения эврикатива.

Результативное действие		Эврикатив		
глаголы и ОП	придаточная часть	номинализация		
	что Р	то, что Р	N4	О + п. 6
доказали — доказано	что существует	—	существование	—
открыли — открыто	что существует	—	существование	—
установили — установлено	что существует	—	существование	—
обнаружили - обнаружено	что существует	—	существование	—
пришли к выводу	что существует	о том, что существует	—	о существовании

Их синонимичность на денотативном уровне не исключает сигнификативных, собственно семантических различий. Можно констатировать, что ИОГ **с помощью N₂** транспонирует собственно обстоятельственные отношения в ФСП инструментальности, ср. *с помощью ножа, с помощью скальпеля*. ИТГ **в ходе / в процессе N₂** транспонирует отношения характеристики действия в ФСП времени, ср. *в ходе операции / во время операции*. ИПГ **в результате N₂** сама является компонентом ФСП причинности.

2. В сочетаниях с метасловами **метод, способ, путь** названия мыслительных действий могут быть выражены:

1) с/Опр: **прямой, опытный, экспериментальный**: *Волновая природа электрона была доказана экспериментальным способом. Прямым методом Резерфорд доказал, что эти частицы представляют собой заряженные атомы гелия. Мы опытным путем установили, что при движении по витку проводника электрического тока возникает маг-*

нитное поле вокруг проводника.

2) н/Опр в форме N₂ девербатива типа: **анализ, эксперимент, опыт, наблюдение, рассуждение, изучение**: Методом наблюдения следов заряженных частиц, вылетающих из парафиновой пластинки, Чэдвигу удалось открыть нейтрон. Путем наблюдения за каплями масла, находящимися в электрическом поле, Милликен определил заряд электрона.

Сочетания с метасловами отмечены в ИОГ Adj N₅, N₅ + N₂ и с помощью Adj N₂. Однако как сочетаемость метаслов с Опр, так и их способность выступать в каждой из названных ИГ различны. Покажем это в таблицах №2 и №3.

Таблица 2.

Сочетаемость метаслов "метод, способ, путь" с согласованными определениями.

мета-слово	Согласованные определения (Adj N)		
	прямой	экспериментальный	опытный
метод	прямым методом	экспериментальным методом	—
способ	—	экспериментальным способом	—
путь	—	экспериментальным путем	опытным путем

Примеры и комментарии:

(1)Прямым методом Резерфорд доказал, что эти частицы представляют собой заряженные атомы гелия. — Физики экспериментальным методом установили, что длина световой волны у лучей разного цвета различна. — Методом наблюдения следов заряженных частиц, вылетающих из парафиновой пластинки, Чэдвигу удалось открыть нейтрон.(2) Волновая природа электрона была доказана экспериментальным способом.(3)П. Л. Капице экспериментальным путем удалось открыть явление сверхтекучести. — Путем наблюдения за каплями масла, находящимися в электрическом поле, Милликен определил заряд электрона. — Мы опытным путем установили, что при движении по витку проводника электрического тока возникает магнитное поле вокруг проводника.

Как можно увидеть из примеров, наибольшей, но не абсолютной, сочетаемостью обладает слово **метод**, несочетающееся с прилагательным **опытный**. Слово **путь** сочетается лишь с с/Опр **опытный** и с н/Опр. По материалам нашего корпуса примеров, слово **способ** обладает наименьшей сочетаемостью. Что касается н/Опр, то теоретически запретов на сочетаемость с ним нет, хотя в узусе отмечены ограничения. Так, по свидетельству наших информантов физиков, представляются сомнительным сочетания типа **способом эксперимента** при возможности сочетания **способом наблюдения**.

Перечисленные выше сочетания с метасловами употребляются в

формах: **Adj N₅, с помощью Adj N₂ и N₅N₂**. Их способность выступать в той или иной ИГ покажем в таблице №3.

Таблица 3.

Употребление сочетаний **метод, способ, путь** в ИГ **Adj N₅, с помощью Adj N₂ и N₅N₂**.

метаслово	Adj N ₅	С помощью Adj N ₂	N ₅ N ₂
метод	<i>экспериментальным методом</i>	<i>с помощью экспериментального метода</i>	<i>методом эксперимента</i>
способ	<i>экспериментальным способом</i>	—	<i>способом эксперимента</i>
путь	<i>экспериментальным путем</i>	—	<i>путем эксперимента</i>

Примеры: (1) Экспериментальным методом/С помощью экспериментального метода/Методом эксперимента Резерфорд доказал, что эти частицы представляют собой заряженные атомы гелия. (2) Экспериментальным методом/С помощью экспериментального метода/Методом эксперимента П.Н. Лебедев открыл и измерил давление света на твердые тела и газы. (3) Экспериментальным методом/С помощью экспериментального метода/Методом эксперимента Майкельсон доказал независимость скорости света от движения Земли. (4) Экспериментальным способом/Способом эксперимента Резерфорд доказал, что эти частицы представляют собой заряженные атомы гелия. (5) Экспериментальным способом/Способом эксперимента П.Н. Лебедев открыл и измерил давление света на твердые тела. (6) Экспериментальным способом/Способом эксперимента Майкельсон доказал независимость скорости света от движения Земли. (7) Экспериментальным путем/ Путем эксперимента Резерфорд доказал, что эти частицы представляют собой заряженные атомы гелия. (8) Экспериментальным путем/ Путем эксперимента П.Н. Лебедев открыл и измерил давление света на твердые тела. (9) Экспериментальным путем/Путем эксперимента Майкельсон доказал независимость скорости света от движения Земли.

Синонимические перефразировки предложений, называющих ТС получения эврикатива: Предложения, обозначающие получение эврикатива могут быть трансформированы в предложения с пассивной конструкцией: Экспериментальным методом/С помощью экспериментального метода/Методом эксперимента Резерфордом было доказано, что эти частицы представляют собой заряженные атомы гелия. Экспериментальным способом/Способом эксперимента Резерфордом было доказано, что эти частицы представляют собой заряженные атомы гелия. Экспериментальным путем/Путем эксперимента Резерфордом было доказано, что эти частицы представляют собой заряженные атомы гелия.

атомы гелия и в предложения с причинным предикатом-релятором: *Эксперимент позволил Резерфорду доказать, что эти частицы представляют собой заряженные атомы гелия.*

2ТС: получение результата, или определение некоторых параметров исследуемого объекта.

I. Семантика ТС: Агенс (лицо), используя некоторые мыслительные заготовки (контроллер) для решения некоторых задач (мыслительное действие), получает определенный результат (результатив): *Кинетическую энергию движущегося тела мы определяем по формуле $E=mv^2/2$.*

II. Состав участников ситуации:

Обязательные: 1. Аг — лицо или класс лиц, осуществляющих действие. 2. Мыслительное действие. 3. Объектив — предмет или явление, относительно которого производится действие. 4. Определенный параметр, необходимый для получения результата: качественная/количественная характеристика объектива. 5. Инструмент: 1) материальный предмет, собственно инструмент, помогающий в данном случае выполнять функцию контроллера (контроллер - М. В. Всеволодова); 2) мыслительный, с помощью которого производится мыслительное действие. Факультативные: разного рода пространственные и временные конкретизаторы.

Соотнесенность участников ТС и позиций членов предложения, занимаемых их именами:

Потенциальную энергию (параметр/Д) тела (объектив/н/Опр) мы (Аг/П) определяем (мыслительное действие/Ск) по формуле $E=mgh$ (контроллер/ООД). Мы (Аг/П) определяем (мыслительное действие/Ск) среднее значение (параметр/Д) функции Y (объектив/н/ Опр) на промежутке от X_1 до X_2 (О) выражением $y=1/x_2 - x_1$ (конт-роллер/ООД). Как мы видим из примеров, в группу объектива могут входить кроме дополнений и другие компоненты, например, определения и обстоятельства, которые уточняют, характеризуют объектив.

Средства выражения участников ТС в основных моделях:

Аг в традиционной форме N_1 может быть выражен личным местоимением: *Мы определяем состояние электронов в сложных атомах и в молекулах решением уравнения Шредингера.* В они-предложениях /р/. Р. t./ имя агенса может быть представлено О-формой: *С помощью спектрального анализа в этом пространстве обнаружили присутствие гелия.* В предложении может и не быть позиции Аг., когда позицию П. на формальном уровне занимает имя объектива. Это, как правило, конверсные конструкции: *Состояние электронов в сложных атомах и в молекулах определяется решением уравнения Шредингера.*

Собственно мыслительное действие выражается: 1) глаголами: ус-

танавливать/установить, определить/определять/определяться, вычислить/вычисляться, находить/найти/находится, обнаруживать/ обнаружить в разных видо-временных личных формах при наличии субъекта или возвратных формах, но без субъекта: (1) *Мы определим/определяем состояние электронов в сложных атомах и в молекулах по уравнению Шредингера. — Вектор ускорения при движении частицы по плоской кривой определяется следующим выражением: $W = W1 + W2$. (2) Работу, совершаемую за промежуток времени от $t1$ до $t2$, вычисляем по формуле $A = SFV$. — Работа, совершаемая за промежуток времени от $t1$ до $t2$, вычисляется по формуле $A = SFV$. (3) По показаниям вольтметров устанавливаем/устанавливается, что напряжение на всей внешней цепи равно сумме напряжений. (4) Длину окружности находим/ можем найти по формуле $L = 2\pi r$. — Длина окружности находится по формуле $L = 2\pi r$. (5) С помощью спектрального анализа в этом пространстве обнаруживаем/обнаружили присутствие гелия. 2) дескрипцией: **(быть) может быть + крат. ф. прич.** (страдательный оборот): *Выражение (3) и (4) могут быть получены решением уравнения (2) относительно u . — Работа, совершаемая за промежуток времени от $t1$ до $t2$, может быть вычислена по формуле $A = SFV$. — Если известен натуральный логарифм числа X , десятичный логарифм этого числа X быть может найден умножением на множитель M , не зависящий от X .**

Средства выражения объектива:

Имя объектива обозначает материальные понятия и чаще всего стоит в позиции н/Опр при имени параметра.

Объектив выступает в форме N_2 : *Состояние электронов в сложных атомах и в молекулах определяется решением уравнения Шредингера, но может быть представлен и 0-формой: Работу, совершаемую за промежуток времени от $t1$ до t , вычисляем по формуле $A = SFV$.*

Средства выражения параметра:

Параметр, необходимый для получения результата может быть: 1) количественный: *окружность, длина, работа, величина* и 2) качественный: *состояние, состав Работу, совершаемую за промежуток времени от $t1$ до $t2$, вычисляем по формуле $A = SFV$. — Работа, совершаемая за промежуток времени от $t1$ до $t2$, вычисляется по формуле $A = SFV$. Длину окружности находим/ можем найти по формуле $L = 2\pi r$. — Длина окружности находится по формуле $L = 2\pi r$.*

Параметр выступает в форме N_4 и в форме N_1 (в конверсиве).

Средства выражения инструмента:

Инструмент может быть:

1. Материальным предметом: *вольтметр, весы* и т.п.

2. Некоторой мыслительной заготовкой: *правило, формула, уравнение, выражение.*

Поскольку в данном случае материальный инструмент не воздействует на объект непосредственно, а показывает данные, по которым мы определяем параметр объекта, назовем его контроллер.

1. Контроллер-1 может быть:

1) артефактом: *По показаниям вольтметров установили, что напряжение на всей внешней цепи равно сумме напряжений. Измерение массы тела с помощью рычажных весов дает одинаковые результаты.*

2) натурфактом: *Моряки прокладывают путь по звездам. По срезам деревьев определяют их возраст.*

3) признаком: *По изменению цвета жидкости можно установить, что реакция произошла. По изменению спектральных характеристик звезд определяем их тип. По изменению спектральных характеристик звезд может быть определено расстояние до них.*

1. Контроллер-2 может быть:

1) некоторой существующей в нашем мышлении моделью: **правило, формула, уравнение, выражение** : *Давление газа определяем по уравнению Клапейрона-Менделеева. Компоненты силы определяются формулами $F_x = ay$, $F_y = ax$.*

2) результатом некоторой операции, некоторого действия на основании этой модели: **решение уравнения, подстановка в формулу**: *Значение электрического и магнитного полей определяется решением уравнений Максвелла. Подстановкой в формулу диаметра окружности мы определяем ее длину.*

1) ИОГ, обслуживающие данную ситуацию, формируются именем мыслительной модели и выступают в форме по + N₃, N₅: *Мы определяем состояние электронов в сложных атомах и в молекулах по уравнению Шредингера. Давление газа определяем по уравнению Клапейрона-Менделеева. Компоненты силы определяются формулами $F_x = ay$, $F_y = ax$. Коэффициент полезного действия тепловой машины определяется по формуле Карно.* 2) Названия результатов некоторых операций на основании существующих в нашем мышлении моделей, выражаются дескрипцией и выступают в форме: решением + N₂, подстановкой + в N₄: *Мы определяем состояние электронов в сложных атомах и в молекулах решением уравнения Шредингера. Значение электрического и магнитного полей определяется решением уравнений Максвелла. Подстановкой в формулу диаметра окружности мы определяем ее длину. Подстановкой в уравнение Клапейрона-Менделеева температуры газа мы определяем его давление.*

Средства выражения контроллера.

Контроллер-1: 1) артефакты и 2) натурфакты могут выступать: а) без метаслов в форме: по + N₃: *по вольтметру, по звездам, по срезам*, б) в дескрипции с метасловами *показания, помощь* в форме: по показаниям + N₂, с помощью + N₂: *по показаниям вольтметров, с помощью рычажных весов, по показаниям звезд, с помощью звезд*, 3) природные события и явления, натурфакты могут выступать в форме: а) по + N₃: *по спектральным характеристикам звезд*, б) дескрипции с именем параметра: по изменению + N₂, с помощью + N₂: *по изменению цвета жидкости, по изменению спектральных характеристик звезд, с помощью спектральных характеристик звезд*.

Контроллер-2: 1) существующие в нашем мышлении модели: N₅ б/п, по + N₃: *уравнением, формулой, по уравнению, по формуле*, 2) результат некоторой операции, некоторого действия на основании существующих в нашем мышлении моделях: дескрипции: решением + N₂, подстановкой + в N₄: *решением уравнения, подстановкой в формулу*. Покажем средства выражения контроллера в таблице 4 (см. на следующей странице).

Синонимические перефразировки предложений, называющих ТС получения результата, или определения некоторых параметров исследуемого объекта. Предложения, обозначающие получение результата на основе определения качественно/количественной характеристики объектива и состояние объектива могут быть трансформированы в предложения с причинным предикатом-релятором: *Показания вольтметров позволяют/ дают возможность установить, что напряжение на всей внешней цепи равно сумме напряжений. Применение формул $F_x=ay$, $F_y=ax$ позволяет/ дает возможность определить компонент силы. Применение уравнения Шредингера дает возможность/позволяет определить состояние электронов ложных атомах и молекулах. Применение спектрального анализа дает возможность/позволяет обнаружить в этом пространстве присутствие гелия*. Иные типы трансформаций этих предложений не представляются возможными.

Таблица №4.

Средства выражения инструментива.

контроллер	Средства выражения контроллера						
	по+N ₃	по показаниям +N ₂	с помощью +N ₂	по изменению+N ₂	N ₃ /б/п	решением N ₂	подстановкой + в N ₄
Контроллер-1							
артефак-ты: вольтметр рычажные весы	по вольтметру —	по показаниям вольтметра по показаниям рычажных весов	с помощью вольтметра с помощью рычажных весов	—	—	—	—
природные предметы: звезды, срезы деревьев	по звездам по срезам	по показаниям звезд —	с помощью звезд —	—	—	—	—
события и явления: цвет жидкости, спектральная характеристика звезд	— по спектральной характеристике	— —	— с помощью спектральных характеристик звезд	по изменению цвета жидкости по изменению спектральных характеристик звезд	— —	— —	— —
контроллер-2							
существующие в нашем мышлении модели: формула, уравнение	по формуле по уравнению	— —	с помощью формулы с помощью уравнения	— —	Формулой уравнением	— —	— —
результат некоторой операции на основании модели: формула, уравнение	— —	— —	— —	— —	— —	решением формулы решением уравнения	подстановкой в формулу подстановкой в уравнение

Покажем соотношенность позиций, занимаемых обстоятельством образа действия на денотативном уровне и выражения именных групп в ТС получения эврикатива и в ТС получения результата в таблице №5.

Подводя итог вышесказанному, сделаем **краткие выводы**:

1. Представленный фрагмент нашей СЗ свидетельствует о том, что в ее структуре преобладает неопозитивная соотношенность конкретных значений, выступающих в виде ТС.

Таблица №5.

Соотнесенность позиций обстоятельств образа действия на денотативном уровне и выражение именных групп.

ТС	ООД на денотативном уровне	Средства выражения ИГ	примеры
получение эврикатива	мыслительное действие	с помощью N ₂ в ходе/процессе N ₂ в результате N ₂ AdjN ₅ N ₅ N ₂ с помощью Adj N ₂	с помощью эксперимента в ходе/процессе эксперимента в результате эксперимента экспериментальным методом методом эксперимента с помощью экспериментального метода
получение результата на основе некоторых параметров	контроллер	с помощью N ₂ по +N ₃ N ₅ б/п по показаниям +N ₂ по изменению +N ₂ решением +N ₂ подстановкой + в N ₄	с помощью спектрального анализа по уравнению формулой по показаниям вольтметра по изменению цвета жидкости решением уравнения подстановкой в формулу

2. Каждая из ТС характеризуется специфическим набором участников ситуации.

3. ТС-1 является полипропозитивной и включает в себя несколько пропозиций: пропозицию собственно мыслительного действия, некоторого вывода и положения дел: *Эйнштейн путем рассуждений пришел к выводу о существовании индуцированного излучения.* Следовательно, здесь эврикатив представляет собой отдельную пропозицию.

- а) Позицию ООД занимает имя действия.
- б) Основными формами выражения являются ИОГ Adj N₅ и N₅N₂, синонимичны и взаимозаменяемы.
- в) В ИОГ **с помощью** выступают только сочетания с метасловом **метод** + N₂.
- г) В предложениях могут быть представлены как придаточно-изъяснительная часть, так и номинализованная часть, т. е. возможна вариативность.
- д) Само действие может быть выражено как глаголом, так и причастной формой.
- д) Средства выражения самого эврикатива: 1) что Р, 2) N₄.
- е) Выражение самого действия имеет широкий спектр средств.

4. ТС-2 в плане содержания характеризуется указанием на совершение определенных интеллектуальных действий, приводящих к некоторому мыслительному результату.

- а) Позицию ООД занимает имя контроллера.

б) Основными ИОГ для выражения ООД являются: по + N₃, по показаниям + N₂, с помощью + N₂, по изменению + N₂, N₅ б/п, решением + N₂, подстановкой + в N₄.

5. Предложения с ИОГ (ООД) системно трансформируются в предложения с временными, причинными и даже инструментальными ИГ, что свидетельствует о глубоких зонах пересечения разных функционально-семантических полей.

6. Таким образом анализ даже только 2-х ТС показал, что позиция ООД может быть занята именами принципиально разных участников ситуации, в данном случае — именем действия и именем инструмента.

Л и т е р а т у р а

1. *Всеволодова М. В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
2. *Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
3. *Всеволодова М. В., Яценко Т. А.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988.
4. *Всеволодова М. В.* Практикум по курсу функционально-коммуникативный синтаксис. МГУ. 1995.
5. *Всеволодова М. В.* Уровни организации предложения в рамках функционально-коммуникативной модели языка. Вестник московского университета, сер.9, филология, №1, 1997.
6. *Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю.* Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений, М., 1997.
7. *Всеволодова М. В., Го Шуфень* Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999.
8. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса (в печати).
9. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., Наука, 1982.
10. *Котвицкая Э. С.* Типовая ситуация, отражающая причинно-следственные отношения, как содержательная единица языка (и ее речевые реализации): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
11. *Lachur Czesław.* Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle języka rosyjskiego. Opole, 1999.
12. *Лебедева Е.К.* Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

Интеграция опор в процессе идентификации слова

© кандидат филологических наук Т. Ю. Сазонова, 2000

Одно из наиболее часто встречающихся в последнее время словосочетаний — «на пороге 20 века». Эти слова можно встретить в названиях различных научных конференций и многочисленных сборников научных трудов. Так что же нас ждет на пороге 20 века в области исследований, связанных с восприятием речи? Основная тенденция, которая прослеживается в отечественных и зарубежных публикациях — это необходимость интегративного подхода к решению самых разных задач, стоящих перед исследователями в области языка и речи. Наметившийся прогресс в сравнительно молодых когнитивных науках способствовал развитию психолингвистики через взаимодействие с такими дисциплинами как лингвистика, математическая логика, философия, психология, теория искусственного интеллекта и нейронауки. Современная психолингвистика, которая изучает язык как неотъемлемый компонент сознания (и подсознания) человека, объединяет методы и теоретические основы вышеназванных и других наук.

Исследование идентификации психологической структуры значения слова предполагает моделирование психологических операций включенных в восприятие слова, поиск в памяти, решение когнитивных задач. Наиболее влиятельные модели распознавания слова, поиска его значения в ментальном лексиконе пришли из американской психолингвистики и были построены для английского языка. Многие современные психолингвистические теории остаются, тем не менее, неverified для языков, структура которых значительно отличается от структуры английского языка. Русский язык с его богатой морфологией и многими другими интересными типологическими свойствами дает великолепную базу для проверки этих теорий.

Под термином «идентификация» в зарубежной литературе по когнитивной психологии и психолингвистике понимается процесс распознавания визуального стимула на перцептивном уровне. Предполагается, что доступ к значению слова, или семантическая интерпретация стимула, осуществляется только тогда, когда стимул идентифицирован полностью и получены его фонетическая и синтаксическая репрезентации (необходимость доступа к орфографической/графической репрезентации чаще всего не оговаривается). Предложенная А. А. Залевской [1990] психолингвистическая теория слова как достояния индивида и как средства доступа к единой информационной базе человека привела к

более широкой трактовке термина «идентификация слова». Оперирование этим термином предполагает обозначение всего ансамбля психических процессов, продуктом которых является субъективное переживание знания (понимания) того, о чем идет речь, готовность оперировать этим знанием с учетом разностороннего предшествующего опыта и эмоционально-оценочных нюансов, при постоянном взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации [Залевская 1990, 1992, 1999].

Исследования процессов идентификации психологической структуры значения слова акцентируют внимание на двух вопросах: каким образом представлены знания о значениях слов в памяти человека и каким образом осуществляется доступ к знаниям, хранящимся в памяти, в процессе понимания или производства речевого сообщения. Такая трактовка процесса идентификации слова индивидом согласуется с широко представленным в психолингвистике последних лет интерактивным подходом к ментальному лексикону и его функционированию. Общим положением, объединяющим различные интерактивные модели, является взаимодействие концептуальных знаний и информации о форме стимула при поиске ментальной репрезентации слова. В отличие от многих подходов к проблеме идентификации слова, предполагающих, что уровни структуры воссоздаются один за другим, и, особенно, что семантическая интерпретация начинается только тогда, когда получены фонетическая и синтаксическая репрезентации слова, для интерактивных моделей характерна идея параллельной обработки сигнала на всех уровнях. Предполагается также, что результат обработки одного уровня является доступным для всех остальных уровней и может служить опорой для активации полной ментальной репрезентации.

На наш взгляд, существующие подходы и точки зрения не являются противоречивыми, а лишь отражают различные стороны исследуемого объекта. Перспективным в плане интеграции этих подходов является одно из направлений исследований Тверской психолингвистической школы, в рамках которого разрабатываются *стратегические модели* идентификации слова. Стратегические модели, с одной стороны, позволяют в некоторой мере совместить все предложенные подходы в рамках одной теории, а с другой отводят первостепенную роль говорящему и воспринимающему субъекту. Модели такого типа позволяют объяснить, *как* посредством внутреннего когнитивного контекста человек интегрирует и организует новую информацию, заполняет пробелы в случае поступления недостаточной или искаженной информации, осуществляет доступ к конкретным аспектам вербальной информации.

К настоящему моменту накоплен большой экспериментальный материал, позволяющий строить теоретические модели идентификации слова. Одним из способов исследования особенностей опознавания слов является изучение процессов идентификации словесных новообразований [Родионова 1994, Сазонова 1993, Тогоева 1989], поскольку при встрече с новым словом в некоторой степени могут эксплицироваться используемые носителями языка *стратегии и опорные элементы* идентификации слова, не осознаваемые в обычных условиях и ускользающие от внимания исследователя в других естественных и экспериментальных ситуациях. Предпринятое автором экспериментальное исследование процесса идентификации новых прилагательных носителями русского языка позволило выделить две основные стратегии идентификации в зависимости от характера опоры, мотивировавшей идентификацию стимула: стратегию опоры на формальные мотивирующие элементы и стратегию опоры на ситуацию.

Стратегия идентификации прилагательного-неологизма путем опоры на формальные мотивирующие элементы отражает специфику функционирования механизма опознания стимула на уровне его словоформы и является особенно характерной для малоизвестных и малопонятных слов. В качестве условно разграниченных опорных элементов выделены: графическая и/или фонетическая форма стимула, морфологическая форма стимула. Особое внимание обращается на использование испытуемыми всего арсенала имеющихся у них средств при одновременном поиске значения слова по всем возможным направлениям. Поскольку испытуемые имели дело с новыми словами, зарегистрировано множество случаев неверного опознания стимула. К числу причин неверного распознавания слова можно отнести неточное опознание графического (или звукового) образа слова, что нашло выражение в различных случаях «вставки», добавления элемента в новое слово или «подмены» одной буквы другой, чтобы сделать его привычным, знакомым.

Анализ полученных экспериментальных данных позволяет по новому взглянуть на некоторые традиционные модели восприятия и распознавания слова, основным недостатком которых является то, что они рассматривают собственно процессы и формирующиеся в ходе этих процессов ментальные репрезентации в отрыве от субъекта речевой деятельности, имеющего разный жизненный опыт, различную мотивацию и т.д. Одним из возможных путей преодоления сложившейся ситуации представляется дальнейшее изучение стратегий и опорных элементов, используемых носителем языка в процессе восприятия речи.

Дальнейшее исследование предполагает объединение накопленного экспериментального материала и данных его предварительного теоретического анализа в единую стратегическую модель идентификации слова.

Л и т е р а т у р а

1. *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
2. *Залевская А. А.* Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
3. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.
4. *Родионова Т. Г.* Стратегии идентификации неологизмов-глаголов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994.
5. *Сазонова Т. Ю.* Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993.
6. *Тогоева С. И.* Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989.

Общерусский глагол ПРАВИТЬ в архангельских говорах

© кандидат филологических наук Н. Г. Ильинская, 2000

В настоящее время ни у кого из лингвистов не вызывает сомнения и никем практически не оспаривается тезис о необходимости обратить пристальное внимание на общерусскую лексику в составе диалектных лексических систем. Она оказалась гораздо менее исследована на сегодняшний день, чем лексика собственно диалектная, которой посвящено огромное количество работ как описательного, историко-сопоставительного, так и системно-структурного плана.

К разряду общерусских слов мы, вслед за Н. А. Лукьяновой, будем относить такие, которые не ограничены в своем употреблении ни территориально, ни социально, функционируют в разных подсистемах русского языка [6: 73-77]¹.

Основанием для отнесения какого-либо слова к разряду общерусских также служит для нас отмеченность его в нормативных словарях русского языка.

А. А. Ивашко, О. С. Мжельская сетовали: “Изучая семантику общерусского фонда в псковских говорах, неизбежно приходится идти по пути сравнения семантики этих слов в говорах с данными толковых словарей литературного языка, хотя следовало бы сравнивать псковские материалы с лексикой живой разговорной речи, но последняя в ее общерусской части весьма бедно и неполно представлена в имеющихся диалектных словарях” [5: 121].

Длительное время считалось, что общерусские (общенародные) слова не стоят внимания лингвистов, так как будто бы “при всей тщательности поисков не удастся установить каких-либо отличий семантического, стилистического, фразеологического или другого характера” для лексических единиц говора от соответствующих единиц литературного языка” [8: 129-130].

На это же обращал внимание и Ф. П. Филин: “Что же касается материалов, относящихся к общераспространенным словам, то они будут ненужным балластом (в диалектном словаре) ввиду их отрывочности и ненадежности. И что нового для науки могут внести эти материалы по

¹ В лингвистической литературе встречаются и другие наименования такого типа лексики. Ее называют литературой, общенародной, общераспространенной.

сравнению с описаниями общераспространенных слов, имеющих в словарях русского литературного языка?” [9: 9].

Однако вопреки вышеприведенным высказываниям, наблюдения, проведенные рядом лингвистов (Л. А. Ивашко, В. М. Мокиенко, О. С. Мжельской, И. А. Оссоветским, Л. И. Баранниковой, Р. Т. Гриб, Н. А. Лукьяновой, О. В. Загоровской, О. Г. Пороховой, Ф. П. Сороколетовым, Е. Н. Щепиной, Э. Н. Зельцер и др.), показали, что жизнь общерусского слова в диалектной лексической системе оказывается удивительно яркой и интересной.

В первую очередь наблюдается несовпадение в семантике. О. В. Загоровская считает, что “... несовпадение в семантике общерусских слов в системе литературного языка и системе территориального диалекта — явление обязательное. Любое слово в говоре имеет специфику в своей семантике хотя бы на уровне одного из компонентов значения” [4: 179-180].

С ней согласна и Р. Т. Гриб: “... в большинстве случаев в говорах развивается особое, специализированное диалектное значение общенародного слова, что является отражением общего процесса лексической дифференциации диалектной лексики, обусловленной экстралингвистическими факторами. “Семантическая сетка” данного общенародного слова оказывается различной в говорах и в литературном языке” [3: 62].

На это обращали внимание и Л. А. Ивашко, и О. С. Мжельская, занимаясь изучением общерусской лексики в псковских диалектных системах.

“Семантика знаменательных слов общерусского фонда в литературном языке и псковских говорах серьезно различается. Совпадение семантики слова в литературном языке и народной речи, очевидно, следует считать частным случаем” [5: 121].

Мы считаем возможным говорить, что общерусское слово в системе литературного языка и в говорах имеет многообразнейшие отличия и семантического, и синтагматического, и стилистического, и грамматического характера. На некоторых из них мы и остановимся в нашем исследовании, взяв для анализа один из глаголов.

Мы согласны с утверждением В. А. Флоровской о том, что “основной словарный фонд языка общенароден. Это значит, что в основе лексической системы любого русского говора лежит исконно-русский единый запас слов” [10: 4].

К числу общерусских слов принадлежит и глагол *ПРАВИТЬ*, ставший объектом нашего наблюдения, функционирующий и в системе литературного языка, и в изучаемых нами говорах Архангельской области.

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (далее МАС) [7] представлено два омонима - *править*¹ и *править*² со следующими лексическими значениями.

ПРАВИТЬ¹. 1. перех.(устар.) или кем-чем и без доп.

Обладая властью, управлять, руководить. Легко народом править, если он Одной общей страстью увлечен. Время, когда самовластно правил приисками Белозеров, навсегда ушло в прошлое. Да правит по-русски он русский народ, а хана нам даром не надо! В лесу порядка нет, хоть правит в нем Енот!

||кем-чем. Направлять чью-либо деятельность, руководить кем-либо.

Война все перепутала и лишила старика возможности жить и править своим домом так, как ему хотелось.

2. кем-чем и без доп. Направлять ход движения кого-, чего-л.; давать направление движению кого-, чего-л. при помощи чего-л. Править рулем. Править веслом. Править яхтой. Править машиной. Дорогу замело, править вожжами было бесполезно. Умная старая лошадь сама сворачивала то влево, то вправо.

3. перех. Устар. и прост. Совершать, осуществлять.

Честным нижегородцам из Москвы От разоренных и плененных братьев Поклон мы правим низкий, до земли.

В год раз на Флор - Лавра выезжает к ним ... поп, молебен правит, с иконой по избам ходит.

ПРАВИТЬ² 1. Исправлять, устраняя ошибки в чем-л.

Править гранки. Править корректуру. Алексей Максимович по-прежнему был обложен рукописями, которые он правил.

2. Спец. Выпрямлять, делать прямым, равным.

Править жесть. Править беличьи шкурки. // Исправлять натачиванием; точить, острить.

Править лезвие. Править косы.

Пока парикмахер правил, насвистывая, бритву, Хмара пристально смотрел в окно [7:3:483].

Оба эти омонима представлены и в архангельских говорах.

ПРАВИТЬ¹.

Большинство значений этого глагола характерных, для литературного языка, мы отмечаем и в архангельских говорах (далее расположение значений и их оттенков соответствует нумерации МАС).

1. Он, хозяин дóму, он вéзь дом прáвит - хозяин фсе́му дворо́вый (домовой). КОН.Твр.

Госпо́дь де́ло прáвит, а не мы́. КАРГ. Лкш.

Рас ты ницего́ не толку́еш пра́вить монастырем - бу́ть по́варом.
КАРГ. Ош.

Стáроста или хтó, фсо равно́, хтó-ле пра́вил. ЛЕШ. Тгл.

У него́ в роду́-то ни́хтó хорошо́ не пра́вил. ЛЕШ. Тгл.

||Пра́вит сва́дьбой, руководи́т. В-Т. Врш.

Горба́цѣха-то чем пра́вит? ПРИМ.33.

Пра́вить на́до целове́ком. ШЕНК. Шгв.

2. Пра́вить лоша́тками. ВИН. Брк.

Ма́ма ниско́лько-то машы́ной не пра́вит. УСТЬ. Бст.

А кормо́фшы́к - он пра́вит лодкой. ПРИМ. Лпш.

3. Каку́ рабо́ту мо́жет пра́вить, мы на такую́ устро́им. ВИН. Мрж.

Свое де́ло пра́фь по-хоро́шему: не ра́фкай с люде́ми, не вяжы́сь.

Лыш. Олм.

Я пляса́ла и пе́ла, до́лго э́то пра́вила. ВИН. Тпс.

Пья́нка штó де́лает, ди́косць пра́вят. ВИН. Слц.

ПРАВИТЬ². 1) ---

2) Ива́ндень хлеба́ пра́вит. ВИН. Слц.

||Топóр тупо́й ста́л, я иво́ давно́ ни пра́вила-то. ПЛЕС. Прш.

Горбу́шу (косу) пра́вить. ПРИМ.33.

Теперь бру́скѣ, а ра́ньше лопа́тки-то - пра́вить косы. КАРГ. Лкш.

Как мы видим, большинство значений, присущих литературному языку, зафиксированы и в диалектных системах. Но говорить, что перед нами абсолютно идентичные глаголы, нет никаких оснований. Здесь мы вправе согласиться с О. В. Загоровской, считающей, что “в лексических значениях с необходимостью отражаются особенности различных лексико-семантических систем. Содержание собственно-языковых семантических и синтагматических сем в принципе не может быть абсолютно тождественным” [4: 177].

Различительные особенности касаются, во-первых, семантики. Констатируя факт отсутствия в системе архангельских говоров у **ПРАВИТЬ**² значения “Исправлять, устранять ошибки в чем-либо”, мы не будем правы. Контексты позволяют нам выделить ряд лексических значений, связанных с исправлением, устранением “ошибок”, но не в каких-либо печатных изданиях, творческих работах и т. п., а в телах живых существ (человека и животных), с избавлением их от боли, страданий. Такими значениями являются:

лечить Вот в Во́лосово-то же́нщина, пра́вит хорошо́. КАРГ.
Ар.
Пра́вильщик он, он у бабушки пра́вить научи́лся. В-Т.
Грк.
Как пра́вить? По-печа́тному напи́сано (в книге). ВИН.

	Слц. И рúки прáвили, и нóги прáвили. КРАСН. Ву. Фсё людéй прáвлю, здорóвье даю, до угáру прáвлю. ЛЕН. Схд. Бабушка у меня э́к вот с ё прáвила véред-от (вывих). ПИН. Ерк. ²
излечивать	
вправлять	Она́ то́лько костьё прáвит. ВИН. Слц.
на место (о	Где́ цевó вьшыбут, дак я и прáвлю. КОТЛ. Фдт.
членах тела)	Прáвиш нóги, если вьвернет. ВИЛ. Пвл. У конéй нóги прáвил. КАРГ. Лдн.

О. Г. Гецова, редактор “Архангельского областного словаря” [1], писала: “... в некоторых случаях определение значения того или иного слова, особенно в сравнении с литературным языком, - дело очень трудное, отличия между словом литературным и диалектным могут быть весьма тонкими и не сразу уловимыми. Сказанное касается, конечно, не предметной лексики, а прежде всего слов с отвлеченными значениями, в особенности глаголов” [2: 20].

Различительные особенности, во-вторых, могут быть связаны с такой грамматической категорией как переходность/непереходность.

В МАС лексическое значение “Обладая властью, управлять, руководить” предваряет грамматическая помета “перех (устар.)” В диалектных системах Архангельской области переходность глагола *править* в указанном значении, как явствует из приведенных выше контекстов, отнюдь не является устаревшей.

Будучи непереходным в системе литературного языка, глагол (при совпадающем значении) может быть переходным в диалектных системах.

Лексическое значение “Направлять ход движения кого-чего-либо; давать направление движению кого-чего-либо при помощи чего-либо” приведено в МАС с грамматическими пометами: “кем-чем и без доп.”, то есть позволяющими судить о непереходности глагола, диалектные контексты убеждают нас в его переходности в архангельских говорах.

Не з́нала, как лóшать прáвить. ХОЛМ. Члм.

И прáвила б́бли, штóбы сáнки прáвить. ВИН. Брк.

А плу́к, колесó то́лько прáфь. ВИН.Зстр.

В-третьих, различительные особенности могут быть связаны со стилистической окрашенностью слова, его вхождением в активный или пассивный словарный запас литературного или диалектного языка.

² Как известно, русская баня обладает целебным действием.

Ба́ня лéчит, ба́ня прáвит, ба́ня фсе напра́вит. ОНЕЖ. Врз.

Лексическое значение “Совершать, осуществлять”, данное в МАС как “устар. и прост.”, не является таковым в архангельских говорах. Не имеет стилистической ограниченности глагол *править* в значении “Выпрямлять, делать прямым, ровным”.

На различия в стилистической окраске обращали внимание при исследовании псковских говоров Л. А. Ивашко и О. С. Мжельская, в архангельских - О. Г. Гецова.

“Особенностью семантики общерусской лексики в псковских говорах является наличие ряда так называемых просторечных значений, которые весьма непоследовательно и неполно отражаются словарями литературного языка и сопровождаются при этом ограничительными пометами, но которые в народной речи являются стилистически нейтральными и занимают свое место в системе значений общерусского слова” [5: 125].

“Стилистически окрашенная лексика нормированного языка может не являться и, как правило, не является стилистически окрашенной в диалектах. Это относится и к словам устно-разговорной формы литературного языка (имеющим в словарях литературного языка стилистическую помету “разг.”), и к словам просторечным (имеющим в словарях литературного языка пометы “прост.” или “в просторечии”), и к словам устаревшим в системе литературного языка (совсем уже вышедшим из употребления в литературном языке или еще употребляющимся, имеющим в словарях литературного языка помету “устар.” [2: 26].

Кроме общерусских, у глаголов **ПРАВИТЬ**¹ и **ПРАВИТЬ**² отмечены и собственно диалектные значения.

ПРАВИТЬ¹. Таковыми являются:

Отмечая какое-нибудь событие, соблюдать какой-либо ритуал, собирая гостей. (Соответствует литературного разговорному “справлять”).

Нынь-то фсе́ рожденье справляют, а вот правлю именины себе с мая. ПЛЕС. Кнз.

Мы молодяжник и кумунистически празьники правили. ПРИМ.33. Траур правил по жэны. НЯНД. Лм. Правят, на столы, собирают. В-Т.Врш.

В сочетании со словом праздник **ПРАВИТЬ ПРАЗДНИК(И)**

Празьника не правлю. В-Т.Врш.

Напекут пшеничьи коф, пироги, справлели праздники, правили. УСТЬ. Стр.

Выбирать нужное направление движения, прокладывать путь, выводить на верную дорогу. Обычно в сочетании со словом дорога.

Дорогу-то сама правлю. ПЛЕС.Ржк.

Гусь первой летит, это путеводитель, он дорогу правит. В-Т. Тмш.

Хорошо у меня конь дорогу правил, а как не правил, сидел бы на Кургомёньском лугу. ВИН. Слц.

Оправдывать, считать правым.

Не знаю, ково винить, ково, править. Она вошла в понятие и ушла от отца - то пьяницы. ЛЕН. Рбв. Она себя-то правит. ПИН. Кшк.

Собирая, отправлять что-либо куда-либо, кому-либо.

Нать еда править им. КОН. Клм.

Белье нать править в байна (в баню). Мез. Дрг.

Распределять между кем-нибудь, по порциям.

Поворенка, суп править. КАРГ. Нкл.

Наблюдать, осуществлять надзор за чем-либо.

Очереди правили. В очередь жили на мельнице. КАРГ. Ух.

ПРАВИТЬ².

Доводить что-нибудь до пригодного состояния, исправлять дефекты. О предметах быта.

Лучину потом ножком правят, чтобы кромка ровна была. ОНЕЖ. Лмц.

Косяки отец натесал, а я правил. ПИН. Врк.

Тоблик увес чясы: “Я поправлю”. Когда ты будешь править? ПИН.Врк.

Старик ишо правят эти слопчики (капканы), ловят. ВИЛ. Слн.

Старо строение, никто не правит, так фсе разваливаца. ВИН. Мрж.

Надо править дошшочьки-те. ВИЛ. Пвл.

О дороге.

Правил и дороги до колхозоф жеце. ВЕЛЬ. Лхд.

Зимой дорога надо править туды. КАРГ. Хтн.

Об охотничьей тропе.

В лес ходила лесовать, путик правила, рябей била, в лесу ночьюла, огонек накладеш, и хорошо. ВИЛ.Слн.

В указанном значении глагол может быть как переходным, так и непереходным.

Таким образом, мы видим, что семантическая структура глагола **ПРАВИТЬ** включает как значения, отмеченные в МАС, так и собственно диалектные. Само наличие значений, характерных для системы литературного языка, в диалектном языковом континууме отнюдь не свидетельствует об их полном совпадении; наблюдаются различия в семантическом, грамматическом и стилистическом плане. Также имеют место

отличия, связанные с различной сочетаемостью общерусского слова в литературном и диалектном языках. Именно такие отличия нуждаются в дальнейшем исследовании, что и станет предметом следующих статей.

Л и т е р а т у р а

1. Архангельский областной словарь / Под ред. *Гецовой О. Г.* Вып. 1-10. М., 1980-1999.
2. *Гецова О. Г.* Проект Архангельского областного словаря. М., 1970.
3. *Гриб Р. Т.* Особенности структурно-семантической системы приенисейских говоров (сравнительно с литературным языком). Красноярск, 1988.
4. *Загоровская О. В.* Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990.
5. *Иваико Л. А., Мжельская О. С.* Общерусский лексический фонд в словарном составе диалекта // Вестник Ленинградского университета. Серия языковедение. 1966. Вып. 4, № 20.
6. *Лукьянова Н. А.* Системные отношения в лексике говоров Сузунского и Ордынского районов Новосибирской области. Новосибирск, 1966.
7. Словарь русского языка. 2-е изд. / Под ред. *А. П. Евгеньевой.* Т. 1-4. М., 1981-1984.
8. *Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987.
9. *Филин Ф. П.* Некоторые проблемы диалектной лексикографии // Известия АН СССР, серия литературы и языка. 1966. Т. XXV. Вып. 1.
10. *Флоровская В. А.* Лексика говоров Старицинского района Калининской области (К вопросу об отношении диалекта к общенародному языку). Калинин, 1955.

Список сокращений названий районов и населенных пунктов Архангельской области, где проводились записи для АОС.

В-Т — Верхне-Тоемский. Врш.-Вершина, Грк — Горка, Тмш — Тимошино Вель. Вельский. Лхд. — Лиходеево
 ВИЛ. Вилегодский. Пвл. — Павловск, Слн. — Селяны
 ВИН. Виноградовский. Брк — Борок, Зст. — Заостровье, Мрж. — Моржегорское, Слц. — Сельцо, Тпс. — Топса.
 КАРГ. Каргопольский. Ар. — Архангело, Лдн. — Лядины, Лкш. — Лекшмозеро, Нкл. — Ноколо, Ош. — Ошевенск, Ух. — Ухта, Хтн. — Хотеново
 КОН. Коношский. Клм. — Климовская, Твр. — Тавреньга
 КОТЛ. Котласский. Фдт. — Федотовская
 КРАСН. Красноборский. ВУ — Верхняя Уфтюга
 ЛЕН. Ленский. Рбв. — Рябово, Схд. — Суходол
 ЛЕШ. Лешуконский. Ол. — Олема, Тгл. — Тиглява
 МЕЗ. Мезенский. Длг. — Долгошелье, Дрг. — Дорогорское
 НЯНД. Няндомский. Лм. — Лимь
 ОНЕЖ. Онежский. Врз. — Ворзогоры, Ллш. — Лямца
 ПИН. Пинежский. Врк. — Веркола, Кшк. — Кушкопола
 ПЛЕС. Плесецкий. Кнз. — Кенозеро, Прш. — Першлахта, Ржк. — Ряжково
 ПРИМ. Приморский. ЗЗ — Зимняя Золотица, Лпш — Лопшеньга
 УСТЬ. Устьянский. Бст. — Бесстужево, Стр. — Строевская
 ХОЛМ. Холмогорский. Члм. — Челмохта
 ШЕНК. Шенкурский. Шгв. — Шеговары

Роль парентетических введений в рекламных текстах

© кандидат филологических наук О. А. Ксензенко, 2000

Рекламные сообщения представляют собой совершенно особый тип текста. Специфической особенностью рекламных текстов является то, что в них две функции — функция сообщения и функция воздействия — очень тесно взаимосвязаны. Задача рекламных текстов состоит как в том, чтобы донести до аудитории информацию о рекламируемых товарах и услугах, так и в том, чтобы убедить слушателей/читателей в достоинствах рекламируемой продукции. Цель рекламы — привлечь внимание и вызвать интерес.

Синтаксически правильный и стилистически мотивированный выбор лингвистических единиц: слов и словосочетаний, грамматических конструкций, знаков препинания и просодических параметров имеет очень большое значение при построении рекламных текстов и реализации их коммуникативно-прагматической установки.

При исследовании рекламных текстов и той роли, которая принадлежит парентетическим введениям в их оформлении, обращает на себя внимание достаточно частое использование парентез в столь сравнительно небольших по объему текстах, какими являются рекламные тексты. Это обстоятельство заставило по-новому взглянуть на проблему функционирования парентетических введений в рекламных сообщениях.

Как известно, парентетические введения имеют модальный характер, т.е. помогают подспудно, незаметно для читателя оказывать на него воздействие¹. Практически все парентезы вносят в текст вполне определенную модальность, и при помощи умелого использования парентез возможно варьировать модальную окрашенность текста и даже изменять его смысл [Лашкевич 1984].

Использованию парентез в рекламных текстах, характеризующихся сравнительно небольшим объемом, можно найти объяснение, если вспомнить основное определение парентезы как той части текста, которая вводит параллельную и дополнительную информацию, помогающую воспринять содержание основной части текста, в данном случае информацию об определенном продукте, предмете, компании и т.д. Исследователи, которые работали в этой области, под термином “парентеза” понимают “вставление в предложение не соединенного с ним граммати-

¹ Особенно это относится к категориям делиберации и уточнения.

чески слова, словосочетания или другого предложения” [Словарь лингвистических терминов 1969: 79].

Направление исследований, посвященное изучению разнообразных перерывов и препятствий, возникающих на пути гладкого речевого потока, получило название “семиотики неплавной речи” [Долгова 1978; 1980]. Многочисленные исследования такого важного явления как “парентетическое внесение” показали, что парентеза является значимой частью речевого потока, выполняя в тексте разнообразные функции. Парентезы прерывают гладкий поток речи для того, чтобы составители текстов могли сослаться на определенный источник информации, таким образом, сделав текст более достоверным, или задержаться на определенном замечании, сосредоточив на нем особое внимание читателя (или слушателя).

На основе изучения научной речи (которая является нормализованной и служит для передачи интеллективной информации) были выделены следующие категории парентетических внесений:

- категория отсылки, представляющая собой указание предыдущих работ, посвященных обсуждаемой теме;
- категория экземплификации, которую составляют узуальные слова и их эквиваленты, вводящие примеры и пояснения;
- категория делибративности, отражающая оттенки модальности в тексте и позволяющая автору текста выразить его мысли относительно обсуждаемых событий, предметов и т.д.

Исследования парентез показали, что они широко употребляются в текстах художественной литературы и во многом тождественны внесениям в научной речи [Александрова 1984; Костюк 1985; Лашкевич 1984; Стунгене 1984]. Основное различие в употреблении парентетических внесений в текстах художественной литературы и в научных текстах определяется различием двух основных функций речи: функции воздействия, характеризующей тексты художественной литературы, и функции сообщения, характерной для интеллективных текстов.

В работах, посвященных исследованию семиотики неплавной речи, были выделены 4 категории парентетических внесений, характерных для текстов художественной литературы: категории отсылки, экземплификации и дебилизативности, выделенные для интеллективных текстов, и категория уточнения, позволяющая автору художественного произведения расширить план повествования [Костюк 1985]. Категория уточнения представляет парентетические внесения, определяющие отношение автора или персонажа к описываемым событиям.

Парентетические внесения являются очень важным стилистическим приемом, характерным как для устной, так и для письменной форм речи.

Парентетическое внесение – это понятие одновременно синтаксическое и стилистическое, поскольку это и определенный тип организации элементов в высказывании, и в то же время способ выявления стилистических особенностей текста. Понимать парентезу только как вводные, вставные слова и словосочетания было бы совершенно неправильным. Парентеза – это достаточно широкое явление, которое относится как к языку, так и к речи [Юшкявичюте 1995].

Особенно важным для настоящего исследования является вывод о том, что значение парентезы варьируется в соответствии с ее просодическим оформлением: в зависимости от просодии одно и то же внесение может иметь разную функциональную нагрузку в контексте произведения.

В английской синтаксической традиции, в отличие от русской, отсутствуют четкие критерии разграничения вводных и вставных элементов. В целом, существует различие между дополняющими, комментирующими элементами и элементами, которые являются более самостоятельными по отношению к основной части текста. Важная роль в разграничении этих видов парентетических внесений принадлежит просодии. Изучение парентез с точки зрения их использования в письменной речи и их соответствующего оформления в речи устной при помощи определенной просодии было представлено в работе А. Э. Стунгене [Стунгене 1984]. Выводы, полученные в данной работе на основе тщательного инструментального анализа, показали, что просодическое оформление не является достаточно надежным объективным критерием разграничения вводности и вставности. Как указывается в работах О. В. Александровой, разграничение вводности и вставности должно основываться на критериях семантико-стилистического характера, поскольку различные парентезы неоднородны с точки зрения их структуры, выражения модальности, предикации, той связующей роли, которую они играют в рамках текста и предложения, а также способности выполнять экспрессивную функцию [Долгова 1980]. Несмотря на отсутствие четкого разграничения между вводными и вставными элементами, исследователи трактуют вводные элементы как дополняющие, комментирующие, а вставные элементы как более самостоятельные, менее зависимые от основной части текста. Семантика вводных/вставных парентез обуславливает их оформление в тексте: вводные элементы должны просодически сливаться с речевым потоком, в то время как вставные конструкции являются просодически выделенными.

Короткие вводные конструкции, как правило, просодически не выделяются из основного текста. Распространенные вводные элементы

отличаются от основного текста следующими просодическими особенностями:

- 1) понижение тона;
- 2) уменьшение громкости;
- 3) увеличение темпа.

Распространенным вставным парентезам свойственна следующая просодия:

- 1) замедление темпа;
- 2) увеличение громкости;
- 3) повышение (или сохранение) уровня диапазона;
- 4) паузация.

Таким образом, при прочтении вставных парентез необходима пауза, которая не наблюдается при прочтении вводных парентетических внесений. Кроме того, отсутствуют понижение громкости и повышение темпа. Сходные выводы были получены на основе подробного просодического анализа текстов в работах Л. У. Арапиевой и Л. Л. Барановой [Баранова 1998; Арапиева 1985].

Сам факт употребления внесений (и, соответственно, их пунктуационное обозначение на письме) представляет собой метасемиотическую проблему. Для проникновения в сущность этого явления исследование текстов должно сопровождаться глубоким изучением именно специфической, метасемиотической интенции говорящего (в том смысле, что говорящий большей частью бессознательно сообщает в той или иной части своего высказывания тот или иной сверхсинтаксический смысл). Известно, что средством выделения парентетических внесений в письменном тексте являются сдвоенные тире, запятые и скобки. Поскольку, как неоднократно отмечалось, в работах, посвященных английской пунктуации, нет единства, трудно найти конкретные правила употребления сдвоенных запятых, а особенно сдвоенных тире и скобок. При анализе материала всегда следует учитывать содержание-намерение авторов текста. Речь неразрывно связана с передаваемыми мыслями и их реальным воплощением, поэтому необходимо глубокое проникновение в смысловое содержание конкретного текста.

Выше уже упоминалось, что парентетические внесения имеют модальный характер, таким образом, внесение в тексты рекламы достаточно протяженных парентез представляется вполне оправданным и нередко помогает оказанию воздействия на читателя. Особенность функционирования парентетических внесений в текстах рекламы заключается в том, что в этих текстах две основные функции – функция сообщения и функция воздействия – очень тесно взаимосвязаны.

Следует отметить частое употребление в рекламном тексте сравнительно протяженных внесений, при помощи которых авторам текстов удается ввести вторичный план повествования, дать дополнительную информацию. В зависимости от значимости вторичной информации, ее роли в тексте изменяется и просодическое воспроизведение данной части. Иногда информация, содержащаяся во внесении, настолько важна, что необходимость ее просодического выделения является очевидной.

Во всех работах, посвященных рассматриваемой проблеме, было подчеркнуто, что парентеза дает значительное преимущество авторам текста, делает восприятие текста более легким и понятным читающим. Это обстоятельство определяет частотность использования парентетических внесений в рекламных текстах. Следует отметить, что парентетические внесения более характерны для письменных рекламных текстов. В устных рекламных сообщениях не представлено достаточно большого количества парентез. Что касается парентетических внесений, встречающихся в письменных рекламных текстах, то это, в основном, протяженные внесения, выделенные посредством сдвоенных тире или скобок.

Анализ материала показал, что в рекламных текстах знаки, служащие для выделения парентетических внесений (сдвоенные запятые, тире и скобки), различаются по частотности и эффективности употребления. Короткие парентетические внесения оформляются посредством сдвоенных запятых. Этот вид внесений редко встречается в рекламных текстах. Сдвоенные тире и скобки оформляют более протяженные парентетические внесения. Запятыми выделяются «разнообразные парентетические внесения, когда речь идет о простейших случаях, в особенности о клишированных внесениях и настолько конвенциональных в своем оформлении, что никаких вопросов не возникает» [Долгова 1980: 132]. В рекламных текстах такие внесения стоят, как правило, в начале предложения. Как отмечалось выше, выделение парентетических внесений посредством сдвоенных запятых встречается в рекламных текстах редко. Следующий случай использования сдвоенных запятых является достаточно не типичным, и потому заслуживает особого внимания.

Small wonder brings you big, lifelike sound.

Introducing the Bose® Wave® radio. For sound big enough to fill any room in your home.

When was the last time you enjoyed the distinct sound of orchestral strings in your kitchen? Or in the study? The new Bose Wave® radio makes it possible anytime.

The Wave® radio is available directly from Bose, the most respected name in sound, for just \$349. For a free information kit, simply call the toll-free number or send/fax the coupon below. Or to try out the Wave® radio in your home for 14 days, satisfaction guaranteed, call:

1-800-845-BOSE, ext. RP338A.

В предложении “The Wave radio is available directly from Bose...” посредством двояных запятых выделяется достаточно протяженное парентетическое внесение. В данном случае вполне возможно было бы употребить двояные тире: как грамматически (для выделения протяженной, не клишированной парентезы), так и семантически (слова “the most respected name in sound” подчеркивают достоинство и солидность фирмы Bose, являющейся крупным производителем музыкальной аппаратуры и передают информацию, которая является достаточно значимой для данного текста).

Согласно правилам английской пунктуации, “посредством двояных тире или скобок оформляются более протяженные парентетические внесения, а в случае относительной краткости парентез — не простейшие, клишированные, а “оказательные”, или коннотативные”. Следует отметить, что двояные тире используются для выделения информации, которая представляется автору первичной, более значимой. Указанной цели соответствует и план выражения данного знака. Скобки используются для выделения той информации, которая является дополнительной, менее важной по сравнению с основной частью текста.

Рассмотрим следующий случай употребления двояного тире:

Introducing Ovid Full Text.

Ovid Full Text connects bibliographic searching with the next step in the research process, retrieving the actual article. Ovid users now can link from a bibliographic citation directly to full text and color graphics. With Ovid, every word is searchable and—once in the full text—users can navigate easily throughout the structure of the article. For more information, contact the Ovid Technologies sales department.

You’ll see that getting to the heart of the literature has never been easier.

Информация, заключенная в двоянных тире, обладает достаточно большим значением, обращая внимание читателей на основное достоинство рекламируемой системы Ovid Full Text: для пользователя, безусловно, является важным тот факт, что данная система позволяет найти нужное слово (главу, строчку и т.д.) в составе целого текста. Тире выполняет экспрессивную функцию, привлекая внимание к наиболее существенным особенностям рекламируемого товара.

В следующем тексте информация, оформленная в виде парентезы, напротив, рассматривается авторами как вспомогательная и выделяется посредством скобок.

ATTN:STAFF
DEMO COMPLETE
VIDEO ATTACHED

our business information. Catalog images for future use. Even automate the flow of documents so they move efficiently from one person to the next, around the office or around the world – empowering people to collaborate using the broadest variety of materials.

Now information that starts with one person can be immediately accessible to all. And you can use one familiar interface across all of your desktop and mobile computers, whether they run Windows[®], OS/2, UNIX[®] or Macintosh[®].

Take advantage of our products and skills (and those of our industry partners) to help your people work more closely together, sharing up-to-the-second materials. Just call us at 1 800 IBM-3333, ext. GA150, or visit our Web site at <http://www.software.ibm.com> for more information.

В данном случае упоминание о деловых партнерах рекламируемой компании не является ключевым для восприятия текста. Понятно, что авторы сообщения не стремятся привлечь внимание читателей к фирмам (или компаниям), не являющимся непосредственным заказчиком рекламы. Информация, выделенная посредством скобок, является дополнительной. Тем не менее данное упоминание не является излишним, т.к. подспудно способствует созданию образа преуспевающей компании, имеющей надежных партнеров. Таким образом, включение данного вносения в состав текста не противоречит одному из основных правил построения рекламных сообщений, предписывающего избегать излишней информационной загруженности текста.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что посредством скобок выделяются также парентезы, представляющие собой отдельные предложения. Информация, выделяемая подобным образом, как правило, является не второстепенной, а очень важной. Оформление таких высказываний в

качестве отдельных предложений и их выделение посредством скобок усиливает экспрессивность текста. В таких случаях использование скобок объясняется не вторичностью представленного в них высказывания, а правилами пунктуации. Обратимся к анализу следующего примера:

Financial Restructuring Enabling A Timber Company To Go Public.
(We Planted The Seeds For Their Growth).

A growing timber company needed to restructure in order to go public. They turned to us for financial advice, interim financing and a commitment for the long term funding they needed to grow. We specialize in helping our clients reach new heights.

Bank of America.

Первые фразы рекламного сообщения вынесены в заголовок. Фраза, содержащая первое упоминание о рекламируемой компании (We planted the seeds for their growth), оформлена в виде вводного предложения, выделенного посредством скобок, таким образом, внимание читателя сосредоточено на получении более полной информации о рекламируемой организации. Достижению цели способствует употребление личного местоимения в выделенном предложении, что заставляет читателя сосредоточиться на поиске в тексте названия компании. Такой прием является весьма действенным, т.к. способствует очень выразительному выделению названия в тексте. Ясно, что в данном случае нельзя говорить о вспомогательной роли информации, содержащейся во вносениях. Напротив, при помощи ее оформления в качестве парентез и обозначения посредством скобок авторы привлекают внимание к важному преимуществу рекламируемого банка.

Следует отметить, что выбор того или иного знака препинания для оформления парентетических вносений в рекламных текстах не всегда представляется оправданным. Например:

A Nordic Track exercises all the muscles that a stair step machine doesn't. So in ywenty minutes, three times a week it'll exercise your upper body, your lower body and your inner body. It'll tone up your bottom, your thighs and your tummy. It'll shape your chest. Raise your lung capacity. Improve your aerobic fitness. And at the same time — although individual results can vary — you'll be burning 48% more calories than you would on the stair step. So if you can share twenty minutes three times a week, give the rest of your body a leg-up. Get a nordic Track.

В приведенном тексте информация, представленная в виде парентетического внесения является вторичной по отношению к основному

содержанию текста, своего рода “примечанием”, поэтому в данном случае использование скобок, а не тире представляется более логичным.

Использование в текстах парентетических внесений позволяет не только передать определенную модальность высказывания: умелое манипулирование парентезами позволяет создать общее эмоционально-экспрессивное впечатление от текста. То, насколько искусно и тонко автор вводит парентетическое внесение, безусловно, оказывает воздействие на эффективность всего текста в целом.

Л и т е р а т у р а

1. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.
2. *Баранова Л.Л.* Онтология английской письменной речи. М., 1998.
3. *Долгова О.В.* Семиотика неплавной речи. М., 1978.
4. *Долгова О.В.* Синтаксис как наука о построении речи. М., 1980.
5. *Костюк Н.Н.* Синтактико-стилистические функции парентетических внесений в художественной литературе (на материале английской художественной литературы XX века): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985.
6. *Лашкевич О.М.* Роль вводных слов и словосочетаний в выражении модальности текста: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
7. Словарь лингвистических терминов / Под ред. *О.С. Ахмановой*. М., 1969.
8. *Стунгене А.Э.* Проблема вводного и вставного элемента в потоке речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
9. *Юшкявичюте Ю.Г.* Лингвопоэтические особенности “неплавной речи”: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995.
10. *Arapieva L.U.* Theory and practice of English Punctuation. Grozny, 1985.

**Темп и паузация
как способы просодического оформления
комических, лирических и драматических ситуаций
в сказочном повествовании**

© И. Л. Эстрина, 2000

Основная задача данного исследования – установить определенные правила, которые можно было бы использовать при чтении вслух различных видов сказки на английском языке. К сожалению, проблеме выбора просодических параметров, употребляемых при чтении детской литературы, было уделено мало внимания, и очень трудно найти источники для того, чтобы осветить этот вопрос.

Безусловно, для того, чтобы понять ту или иную мысль, важно обратить внимание на следующий факт: не так важно, как написан текст, — важнее интонация, с которой вы читаете этот текст.

Дело в том, что существует множество различных интерпретаций написанного, и задача актера (или другого рассказчика) – научиться читать или (рассказывать) историю таким образом, чтобы слушатель понимал тончайшие смысловые оттенки, а также получал от этого эстетическое наслаждение. Это особенно важно, если слушатели – дети. Их внимание тяжелее привлечь (а потом и удержать), чем внимание взрослого человека. Следовательно, речь должна быть еще более выразительной, более экспрессивной и, по возможности, более контрастной.

Немаловажным фактором является то, что для психологии маленького ребенка важен “счастливый конец” сказки и недопустим тяжелый осадок после услышанного. Поэтому, следует обратить особое внимание на чтение драматического повествования, которое, по нашему мнению, применимо только для детей старшего возраста.

Остановимся на некоторых особенностях чтения написанного текста.

Трудно (или даже невозможно) найти такую сказку, которую можно бы было назвать исключительно комической, лирической или драматической; ведь именно разные характеры персонажей, смена событий помогают избежать монотонности повествования. Нас же интересует, какие просодические параметры используются при чтении комических, лирических и драматических эпизодов. Примеры, приведенные в данной работе (отрывки из сказок “Винни Пух и его друзья”, “Гадкий

утенок” и “Волк и Семеро Козлят”) были взяты из записей радиопередач на английском языке.

Темп повествования бывает “обыкновенный”, убыстренный, очень быстрый, замедленный и очень медленный в зависимости от конкретной ситуации.

В комических сказках персонажи говорят как быстро, так и медленно в зависимости от характера героя и определенной ситуации, что является существенным отличием от других видов сказок, где темп может быть “однородным” на протяжении всего повествования. Иа-Иа говорит всегда пессимистично и драматично, как бы в несколько замедленной и растянутой манере, подчеркивая безнадежность и бесполезность своей жизни.

Nas. *'A little patch □ I was keeping for my birthday', | he said; ||*
'But, □ after all, | what are birthdays?.. || Here today □ and gone
 _____ → **sl** _____ **sl** _____
tomorrow... || Help yourself, Tigger' ... ||
 _____ **sl** _____

Драматичный, “жалующийся” тон Ослика создается благодаря суженному диапазону голоса, модуляции которого, в основном, имеют место в нижнем регистре, некоторой монотонности, возникающей из-за повторяющихся интонационных конструкций, которые фактически очень сходны в разных типах синтагм – т.е. очень невысокой степени вариативности высоты тона, кинетических тонов и диапазона голоса, а также благодаря тому факту что длина синтагм, на которые делится речь персонажа, при помощи пауз, также варьируется очень незначительно. В данном эпизоде Иа-Иа печально и трагически (как всегда) констатирует факт, что в очередной раз забыли о его дне рождении, что он (Ослик) никому не нужен. В его манере говорить слышится жалость к самому себе, а многозначительные паузы только подчеркивают это. Но в то же время появляется комический эффект, усиленный назализацией произношения героя, — в сознании ребенка, слушающего сказку, жизнь представляется в более радужном свете, а тон Иа-Иа кажется ему занудным.

Винни Пух обычно говорит “солидно”, “важно”, а иногда даже назидательно. Все зависит от конкретной ситуации.

'Well, ' | said Pooh... || The fact is, ' | said Pooh... || 'Well, ? the
 _____ **sl** _____ **sl** _____
fact is, ' | said Pooh... || 'You see, ' | said Pooh... || 'It's like
 _____ → **f** _____ → **f** _____

*this, ' said Pooh, || and something seemed to tell him □ that he
 ————— → f —————
 wasn't explaining very well, | and he nudged Piglet again. ||*

Однако в данной конкретной ситуации, хотя обычные качества голоса Винни Пуха сохраняются. Актер, читающий эту сказку, старается показать замешательство и растерянность героя, когда он неожиданно понимает, что считая, что совершил доброе дело, построив дом для Иа-Иа, он ошибался, — ведь то, что казалось ему просто кучей дров или строительного материала, было прежним жилищем Ослика. Фраза ‘said Pooh’, повторяемая пять раз, фактически является заполнителем для пауз, когда Винни Пух отчаянно подыскивает нужную формулировку. Впечатление растерянности и замешательства в данном случае создается в значительной мере благодаря синтаксически незавершенным фразам, которые, кроме того, Винни Пух несколько раз повторяет, как бы не зная, что еще можно сказать. Более того, все эти фразы являются, как правило, вводными, то есть обычно предшествуют подаче основной информации или наиболее значимой части высказывания. Хотя в таких условиях просодическое оформление является скорее дополнительным по отношению к синтаксической организации предложения, тем не менее, употребление ровных тонов для произнесения этих фраз подчеркивает их незавершенность. Растягивание бокового сонорного [l] в слове "well", небольшое удлинение звонкого альвеолярного гласного [z] в слове "is", долгого гласного [i:] в слове "see" также помогают создать впечатление о чувстве смущения и неловкости, которое испытывает медвежонок перед своим другом.

Другой пример:

*Well, | — said Pooh, || — It's the middle of the night, Ω which is a good
 ————— sl —————
 time for going to sleep. Ω And tomorrow morning □ we'll have
 ————— vf —————
 some honey for breakfast. || Do Tiggers like honey?
 ————— → f —————*

Здесь Пух выступает в роли учителя (или родителя), который хочет, чтобы ребенок понял простую мысль, а потому он начинает свою

тираду медленно, размеренно, в назидательной манере. Но уже после первого слова желание спать пересиливает его намерение, и свою фразу Пух заканчивает в тараторящей манере.

У Пятачка речь достаточно быстрая, как будто он боится, что его перебьют, а потому пытается закончить свою фразу как можно быстрее. Он даже немного заикается, а иногда даже “глогает” окончания некоторых слов. Эта манера речи часто встречается у детей (а в сказках — и у “маленьких” (могут иметься в виду и возраст, и размеры) животных).

Ру тоже тараторит:

"He's taken my medicine!|He's taken my medicine!| He's taken my

————— **f** ————— ————— **f** ————— ——— **f** ———

medicine!" – sang Ru happily.||

Ру счастлив, что Тигра съел его Рыбий Жир, и это показано с помощью высокого тона, а также выделено при помощи быстрого темпа – кенгуренок хочет, чтобы окружающие побыстрее узнали о радостном событии. Возможно, параллельно с радостью здесь присутствует и удивление, вызванное странными (в глазах Ру, а также маленьких слушателей сказки) вкусами Тигры. Для достижения еще более эмфатического эффекта здесь используется трехкратное повторение. Все это создает радостную атмосферу веселья и является положительным “зарядом” для ребенка, слушающего повествование.

Лирические сказки обычно читаются медленно, размеренно. Повидимому, это связано с теми временами, когда рассказчик повествовал о тех или иных событиях в песенной форме (традиция баллад):

Winter was coming.|| The leaves had dropped from the trees.|| The

————— **sl** —————

ground was cold and hard.|| And the Duckling had nowhere to stay

□*Third Little Kid, Ω and the* □*Fourth Little Kid, Ω and the* □

— **vf** — ————— **vf** —————

Fifth Little Kid, Ω and the □*Sixth Little Kid...*|||

— **vf** ————— **vf** —————

Быстрый темп, который здесь используется, не только подчеркивает быстроту развертывающегося действия, но также предельно привлекает к себе внимание слушателя и создает напряженную атмосферу.

Для понятной и красивой речи также необходимо использование пауз. О. С. Ахманова в своей книге “Просодия речи” обращает внимание на то, что паузы различаются в зависимости от своей длины. Самые короткие паузы обычно служат для проведения границ между двумя семантически зависимыми синтагмами. Паузы, которые в два раза длиннее самых коротких и по длительности являются эквивалентом ритму работы сердца, в основном, служат для разделения более или менее независимых смысловых групп. Паузы, которые обычно используются для проведения границ между предложениями, в два раза длиннее, чем предыдущие. Самая длинная пауза маркирует конец параграфа. Паузы “разбивают” предложения и необходимы для того, чтобы слушатель мог понять и запомнить информацию (как и остальные просодические параметры).

Особое место занимают потенциальные паузы, которые мы “не слышим” (на это не хватает времени), но они, безусловно, ощутимы, стоя за счет сбоя других просодических параметров; благодаря контрастам других просодических параметров создается ощущение, что в предложении присутствует пауза.

Паузы тесно связаны с темпом. В большинстве случаев в медленной речи присутствует много пауз. Наоборот, в быстром разговоре обычно не хватает времени для каких-либо остановок, но так как они по смыслу необходимы в предложении, используются другие просодические параметры (контрасты тона, интенсивности и т.д.). Предыдущий пример, где Волк съедает семерых козлят, является хорошей иллюстрацией данного случая, подчеркивается быстрота происходящего.

Быстрая речь без пауз в основном присутствует у комичных персонажей (Пятачок, Ру и т.д.). Эти герои обычно говорят быстро (иногда, как уже говорилось, даже тараторят), делают паузы только в таких случаях, когда они необходимы.

Герои также могут быстро говорить при спешке или при испуге. Из этого следует, что лирические сказки, в основном, читаются медленно, с расстановкой.

Особое место следует уделить, так называемым, многозначительным “говорящим” паузам, которые несут особую эмфатическую нагрузку.

В комических сказках они обычно встречаются в ситуациях неуверенности, колебания (или страха):

Tigger thanked him, | and looked a little anxiously at Pooh. || ‘Are... |

— — —

these really... | thistles?’’ ||

————— → **sl** —————

Тигра недоверчиво смотрит на чертополох, так как его вид внушает ему опасения. Его обычно самоуверенная манера говорить в данной ситуации звучит как жалкий лепет и вызывает сочувствие, но в то же время придает эпизоду комическую окраску. Тигра запинаясь, а пауза перед “thistles” усиливает ощущение его сомнений.

В драматических сказках многозначительные “говорящие” паузы часто используются перед описанием страшных событий; они нагнетают состояние неизбежности, неотвратимости:

*At last **Ω** the Wolf **Ω** woke up. || He **Ω** felt... || terrible... ||*

————— **sl** ————— ————— **vsl** —————

(пауза перед “terrible”)

*The stones **Ω** inside him || were **Ω** very **Ω** heavy: || they dragged*

————— **vsl** —————

*him into the water, || and he **sank** | to the bottom... || forever... ||*

—————

(пауза перед “forever”).

Повышение громкости, медленный темп, размеренный ритм, который выделяет каждое слово (в том числе и местоимения) придают фразам эмфатический характер.

Это же явление (паузу перед описанием неприятных событий) мы видим и в лирических сказках:

The other ducks thought Ω they were all Ω beautiful, | except... | for

———— **sl** ————

the big... | ugly... Ω one. || The ducklings lived in the yard. || The

—————
Ugly Duckling Ω was very... | unhappy. ||

————— **sl** —————

В данном примере паузы подчеркивают разницу между “гадким” утенком и остальными утятами, которые считаются “красивыми”. Предполагается, что с помощью этого контраста усиливается воздействие на маленьких читателей, вызывается сострадание по отношению к главному герою.

В то же время в лирических сказках паузы могут стоять перед событиями или словами, которые обозначают “приятное”:

*He was not an Ugly Duckling at all! He was a ... **beautiful** white swan!*

————— → **sl** —————

То, о чем Гадкий Утенок не смел даже мечтать, стало прекрасной реальностью. Для персонажа начинается новая жизнь. Радость происходящего подчеркивается с помощью повышения тона и усиления громкости. Особый эффект придает музыка Сметаны («The Moldau»), сопровождающая чтение данного отрывка – создается ощущение легкости, воздушности.

Мы обсудили некоторые случаи употребления темпа и пауз в комическом, лирическом и трагическом повествовании. Но в конце этого исследования хотелось бы напомнить слова О. С. Ахмановой о том, что все сказанное и написанное является результатом восприятия индиви-

дуумом конкретной речевой ситуации. Следовательно, возможны различные интерпретации написанного. Важно, чтобы при чтении сказки присутствовали определенные навыки риторики, которые помогли бы детям воспринять услышанное и получить удовольствие от повествования.

ЗНАКИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ:

- **f** — — быстрый темп
- Nas.** — назальность
- **sl** — — медленный темп
- **vf** — — очень быстро
- **vsl** — — очень медленно
- > **f** — — темп, приближающийся к быстрому
- > **sl** — — темп, приближающийся к медленному
- Ω** — пауза, длительностью в 1/2 такта
- | — пауза, длительностью в один такт
- || — пауза, длительностью в два такта
- ||| — пауза, длительностью в три такта
- ⊠ — потенциальная пауза

ЛИНГВОПОЭТИКА

Специфика эстетики “Стихов о Прекрасной Даме” А. Блока и ее восприятие в корейской аудитории

© кандидат филологических наук Ким Ын Чжун (Корея), 2000

В Корею Блок как представитель русского символизма не очень известен и не занимает в восприятии корейских читателей должного места. Лишь в 1989 году первый и последний раз его маленький сборник появился на корейском языке¹. Если французский символизм как литературная школа был активно воспринят и изучен корейскими читателями, то значение русского символизма в контексте мирового общелитературного движения было недооценено. Более того, в корейской аудитории творческий путь Блока воспринимается односторонне как путь от декадентского символизма к реализму как творческому методу, наиболее точно отражающему объективную историческую действительность, и поэтому ранние стихи Блока получили вполне определенную отрицательную характеристику не только в советском, но и в корейском литературоведении (вплоть до начала 90-х годов этого века). Философско-эстетическая теза символизма и эстетика как ее воплощение в художественном творчестве в работах корейских литературоведов расценивались — как *болезненное* увлечение мистикой и Красотой при забвении объективной действительности, что изживалось поэтом под благотворным влиянием революционных идей современности. Сегодня, когда мы имеем возможность беспристрастного изучения творческого наследия Блока как символиста в полном объеме, такое одностороннее и упрощенное понимание русского символизма, питавшего на рубеже веков многие научные теории и доктрины, уже не может удовлетворить российских и корейских молодых исследователей. Блок не нуждается в извинительных интонациях по поводу “грехов его молодости”. Добавим, что в Корею символизм как литературное движение тесно связываясь с декадентским мироощущением (в частности, болезненным и упадочным эстетизмом, бессильной капитуляцией перед детерминированностью), оказывался не соответствующим требованиям того времени, потребностям Кореи, стремящейся освободиться от колониального гнета, поэтому не была развита и активно не разрабатывалась идейно-эстетическая

¹ А. Блок. “О, я хочу безумно жить” Сеул, “Открытые книги”, 1989.

теория символизма. Воплощение идеала в конкретной действительности в соответствии с “Духом Времени” (термин Блока) является актуальной также для корейских символистов — живущих в остросоциальной эпохе — в начале XX-го века. Полагаем, что углубленное изучение проблемы соотношения Красоты и нравственности (эстетического гуманизма), искусства и жизни, эстетизма и историзма, проблемы сопротивления объективной действительности творческой субъективной воле как существенных проблем русского символизма поможет прояснить, что значил корейский символизм в корейском литературно-культурном и историческом контексте и каковы причины и итоги процесса выхода корейских поэтов за пределы символизма. Но такая постановка проблемы требует дальнейшего углубленного исследования. Эта работа — лишь один шаг к решению этой проблемы.

Сопоставительный анализ корейской и зарубежной литературой обычно проводится в Корее со стороны содержания — т. е. на уровне мировоззренческо-эстетическом. Но чтобы выявить сущность философско-эстетических принципов символизма, анализ должен быть произведен не только на уровне мировоззренческо-эстетическом, но и образно-поэтическом, что является нашей задачей. В “Стихах о Прекрасной Даме” А. Блока положительный идеал как *ценность* соответствует поэтическому воплощению. Поэтический идеал у Блока рисуется в мистическом образе Прекрасной Дамы, всесторонне прекрасной, гармонически совершенной как воплощение Души мира, носительницы объективной Истины. Основной “символ-категория” (ключевой символ бытия) — это Вечная Женственность, Душа мира как основа космического бытия и жизни и как проявление эстетической природы мирового духа. На представлении о духовно Прекрасном как мировой субстанции и свойстве объективной действительности основана блоковская идея гармонического человека будущего (“человека-артиста”). Для Блока характерно восприятие всего происходящего как знаков-символов событий в “иных мирах” в духе мистически-романтического “двоемирия” и в свете мистико-эстетической утопии. Отдельные символы складываются — поэтически и философски — в “миф о красоте” (Вечная Женственность), которая должна сойти на землю, “сочетая” дух и материю, небесное и земное в “жизни прекрасной, свободной и светлой”. Софиология поэзии как Абсолют Красоты основана на единстве любви и Красоты. Важно и то, что для Блока неразрывны любовь земная и священная, чувственное восприятие материальной природы и “трепет жизни мировой”. А красота воспринимается как абсолютная объективная ценность и в то же время как средство преображения бытия и действительности, средство

воплощения идеала. “Деятельность” Красоты обнаруживается в “практическом мистицизме”, находя воплощение в образе Прекрасной Дамы.

В центральном образе, в героине цикла, в которой находит выражение поэтический идеал, выявляется божественная ее суть и при этом — многоименная: она ассоциируется с Дамой как объектом рыцарского служения и поклонения, с Царь-девицей, с невестой русского свадебного обряда, с “Царицей-народной”, со “спящей красавицей”, с Богородицею, с Беатриче, Офелией, с “хранительницей-Девой” — музой поэта, и с апокалипсической “Женой, облеченной в солнце”. Например, во “Вступлении”² героиня одновременно и Царь-девица как воплощение Вечной Женственности, и Невеста, ждущая Жениха, и Богородица при сближении с Зарей, и Премудрость София в связи с функцией “воздвижения”: “Что воздвигала Царевна Сама? /.../ Ты ли меня на закатах ждала? / Терем зажгла? Ворота отперла?”; “Вдруг примчалась на север угрюмый, / В небывалой предстала красе. / Назвала себя смертной думой, / Солнце, месяц и звезды в косе” (с.109). И наконец, Вечная Женственность сближается со смертью при сочетании фольклорного образа “царь-девицы” и апокалипсической “жены, облеченной в солнце”. Блок ищет имени для Абсолютного, что является для него актом оформления хаоса и постижения Логоса. Его Прекрасная Дама как воплощение мечты поэта приходит как неясное колдовское — романтическое — “видение”, обретая разные ипостаси: “розовая девушка”, “смертная дума”, “дочь блаженной стороны” (с.54), Мария и печальная жена (с.101), “Вечерняя Звезда, Невозмутимая, Тихая, Ясная” (с.64), “Закатная, Таинственная Дева” (с.68), “владычица вселенная, / Красотой неизреченной” (с.93), “Подруга желанная” (с.76), “мой вечный друг, хранительница-Дева”, “Жена” (с.91), “Голубая царица земли. Царица — Обрученная с холодом зим” (с.84), “Прекрасная Дама, Величавая Вечная Жена, Святая, Милая” (с.128). Благодаря такой многоименности открывается ее сложная противоречивая сущность.

Понять эту сущность позволит взгляд на структуру образа в системе важнейших параметров, таких как пространство, время, цвет, звук.

У героини стихов свое собственное художественное пространство в противовес пространству лирического героя: если для него характерны “низкие миры”, “зубчатый лес” (с.64), “родимая долина” (с.73), “равнины и болота” (с.75), “перекресток” (“распутье”) (с.99), то ее миры являются “высшими дальними мирами”, подчеркнута просторными и безграничными, это — небо, заря, звезды, солнце, “высокий терем” (с.47), “высокая дальняя гора” (сс.64, 65, 72) и пустынный дол.

² А.А. Блок. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т.1, с. 48. М., “Наука”, 1997.

Если время героя — это преимущественно зима, то образ героини связывается с весной как порой приближающихся Ее земных воплощений, но в этом же ряду вечерние зори, сумерки, настраивающие на ожидание свидания с нею: “Вечер прекрасен... Заря замерла... Залит весной беззакатный наряд. Ты ли меня на закатах ждала” (с.47). “Вечер”, “закат” возникают здесь потому, что Прекрасная Дама, вызванная мечтой лирического героя, “является” не в “тревоге дня” с его суетой и шумом, и не “поутру”, а “ввечеру”, “в лучах закатных” — в пору умиротворенности. Освещение вечернее, сумеречное является существенным элементом мистического романтизма. В связи с этим интересно отметить, что мрак (сумрак) и ночь истолковываются, с одной стороны, как “священные”, как время мистической встречи, а с другой — как примета страшного земного мира, как символы забвения, смерти, ужасов в противовес утру, несущему свет, надежду: “Ночью вьюга снежная / Заметала след. / Розовое, нежное/ Утро будит свет. / Встали зори красные, / Озаряя снег. /.../ Деву в снежном инее / Встречу наяву” (с.82). Соединение огня и мрака — характерная черта поэтики Блока. Наряду с эмпирическим временем — с “вечером”, ее “явления” связаны с бессмертной “вечностью” — бесконечностью, постигнутой лишь “на миг”, и с циклически повторяющимся земным временем (перекликающимся с образом смыкания / размыкания “круга”). Отсюда характерные для Прекрасной Дамы “смутная память о будущем”, соединение будущего и прошлого. Здесь можно увидеть отражение, связанной с античностью идеи метемпсихоза — переселения душ, с которой соединены у Блока идущие от Платона представления об “анамнезисе” — “смутном” поэтическом воспоминании души о ее прежних состояниях: “Под вашу песнь из глубины / На землю сумерки сходили / И вечности вставали сны!...” (с.49). Трактовка понятия “времени” способствует закреплению представления о двойственном характере Вечной Женственности: с одной стороны, она — разгадка тайны времени, побеждающая его “проклятие”, его расколотость и замкнутость, а с другой — пленена его хаосом, “плачущая”. Отсюда эпитет “запоздалый”.

Для характеристики героини используются устойчивые цветовые решения — налицо определенная связь интенсивности цветовых ощущений с представлением об идеале. Цвет интересен не только своей символическостью, но и выраженным эмпирическим планом, наполняя стих эмоциональным содержанием, способствуя, благодаря “субъективной окрашенности”, созданию индивидуального образа явления. Красочное воспринимается как прекрасное, а это последнее, в свою очередь, оказывается чувственно постигаемым, а не искусственно конструируемым или отвлеченным. Особенно значим “белый” цвет, с кото-

рым связывается представление о святости, чистоте и невинности Ее, способствуя сближению с Богородицей. Отсюда — характеризующие героиню определения: “Белых птиц над океаном” (с.51); “Белый, белый Ангел Бога” (с.76); “Один и тот же снег — белей / Нетронутой и вечной ризы” (с.108); “Белая Ты, в глубинах несмутимая” (с.102). Белая риза Богородицы является символикой покрова — защиты от зла, и бед “страшного мира”. “Белая Ты” — вот символ истинной души вселенной, вечной сущности мировой жизни. Но наряду с этим существует и противоположная концепция белого цвета: “Торжествуя победу могилы, / Белый — смотрит в морозную даль” (с.84); “Как ты лжива и как ты бела. / Мне же по сердцу белая ложь...” (с.102). Последнее стихотворение в рукописи озаглавлено “Из действительности”. Отсюда написание “ты” со строчной буквы, сниженный образ “белого” как лживого, как обманчивого, как противопоставленного жизненным переливчатым краскам и словам. “Красный”, “алый” цвет в связи с “закатом”, “зарей”, “сумерками” является сигналом появления Прекрасной Дамы или знаком необычной любви героя к героине: “Красная тайна... поджигал на заре терема... Красное пламя... в лазурную высь” (с.47); “Ты, в алом сумраке ликуя, ночную миновала тень” (с.52); “алеют небеса” и др. В связи с этим возникают кровавый (“в кровавых цветах”, “в кровавом поле”) и багровый цвета (“багровые костры”) с оттенком тревожности. Свет, лучезарность, связываемые с солнцем и звездами, сиянием, горением и озарением в противовес мраку, мглу, туману, характерны для Прекрасной Дамы. О ней сказано: “Несказанный свет”, “непостижимая звезда”: “Ты, лазурью золотою / Просиявшая навек” (с.71); “Обетованная земля — / Недостижимая звезда... / Звезда — условный знак в пути” (с.71); “Ясная, Ты с солнцем потекла” (с.64); “Просиял твой свет” (с.66). Существенно важно для Блока отношение к идеалу как “источнику света”, озаряющему (освещающему) мрак “страшного мира”. Прав П. Жуков (“Л. Андреев и А. Блок”, Уфа, 1915, с.32), так характеризуя мистические взгляды Блока: “Прекрасная Дева, о которой поэт мечтает и к которой неуклонно стремится, есть солнце завета, дальняя заря, вселенский свет”: “Верю в Солнце Завета, / Вижу зори вдали. / Жду вселенского света / От весенней земли. /.../ Предо мной — к бездорожью / Золотая межа. /.../ Непостижного света / Задрожали струи. / Верю в Солнце Завета, / Вижу очи Твои” (с.95). Здесь выразилось мистическое мирозерцание Блока, ожидавшего воплощения Красоты на земле. Эпиграф “И Дух, И Невеста говорят: приди” взят из Апокалипсиса. И получает такое истолкование в дневниковой записи от 26 июня 1902 г.: “Перед нами Невеста — будущая Жена — дверь блаженства... И Дух (очищение лица) и Невеста (очищение Вселенной) говорит: приди.” Утверждается

триединство: Невеста (Богородица), Жена (облеченная в солнце) и Вечная Женственность. Сущность записи заключается в мистико-утопической мечте об “очищении личном и вселенной” явлением Вечной Женственности. “Солнце Завета” — это Откровение Иоанна Богослова, которое Блок считал “третьем заветом”, носителем идей “окончательного “апокалипсического” синтеза” достижимого в “конце света”. Новозаветную символику Солнца можно сравнить с апокалипсическим образом “Жены, облеченной в солнце”. Характерно отождествление Солнца и лирического героя “ты” в письме Л. Д. Менделеевой от 29 января 1902 г.: “Теперь передо мной впереди ныне только чистая Вы, и ... бестрепетно неподвижное Солнце Завета”. Новозаветная символика связана с ожиданием “конца света”, в котором мистифицировано отражаются предреволюционные чаяния гибели старого и начала нового мира. Здесь существенно важно то, что соотношение мрака и света как действительности и идеала остается основой отношений героя, принадлежащего к “страшному миру” к идеалу.

Наконец, с героиней связывается звуковая гамма: “песня”, “смех”, “шептание”, “живые голоса”, “звучная тишина”. Но одновременно Она — “Тихая” (с.64), олицетворяя покой и умиротворенность при удалении от земных шума, суеты и волнения. С одной стороны, у Блока “тишина” трактуется в мистическом плане, служит проявлением абсолютной и “неподвижной” сущности мира. А с другой — связывается с изображением мира, противопоставленного идеалу. Отсюда характерный для Прекрасной Дамы оксюморон “звучная тишина”.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в “Стихах о Прекрасной Даме” доминирует двуединство любви и природы, поэтического идеала и искусства как объективной сущности. Пантеистическое мироощущение определяет сущность образа Прекрасной Дамы, для которого характерна “диалектическая” динамика.

При обращении к пейзажу соотношение “эмпирического” и “мистического” плана у Блока оригинально, поскольку проявление “духовной сущности” в земном, делает природу столь же прекрасной, как и героиня. Ее сущность, выявляемая параллелью с природой, заключается в единстве “я” и “мира”, и ее “явление” происходит в природе — “безграничной”: “Перед Тобой синекют *без границы* / Моря, поля, и горы, и леса, / Перекликаются в свободной выси птицы, /.../ Узрев на миг бессмертные черты, /.../ Вкусив на миг бессмертия Твоего” (с. 67). Проявление Ее в природе, отождествление Ее с образами природы (“Дева — Заря — Купина”, образы весны) развивается позднее в поэтических концепциях Блока о “стихии” как “символе-категории”, вытеснившей “Душу мира”.

Таким образом, Ее мир и мир природы — звучащие, красочные, вечно движущиеся, вызывающие представления о вечности: “Под вашу песнь из глубины / На землю сумерки сходили / И вечности вставали сны!...” (с.49).

“Певучая” сказано о Ней: этим словом определяется творческое начало, свойственное и лирическому герою: их “песня” образует двухсторонний хор, в котором сливается небесное (“Ты”) и земное (“я”), напоминая о соловьевской концепции их синтеза: “Пробивалась певучим потоком, / Уходила в немую лазурь, /.../ Словно небо вернулось к земле” (с.109).

Но у “песни” этой двойственный характер: искусство и действительность находятся в сложном соотношении. С одной стороны, Ее “песня” “Тайный страх сердечный совлекла С отвагою мужей и с нежностью девицы”: искусство (“песня”) действительна, служит “преобразованию” мира, вносит в него “созвучность” и гармонию: “ Ты *песнью* без конца растаяла в снегах / И раннюю весну созвучно повторила. / Ты шла звездой мне, но шла в дневных лучах / И камни площадей и улиц освятила. / Тебя пою, о да! Но просиял твой свет / И вдруг исчез — в далекие туманы” (с.68).

А с другой стороны, Ее “сладостная” и “нежная” песня “таит в себе невидимую ложь”: искусство не может служить “преображению действительности”, несет в себе “ложь”, “желанный обман”, которым прикрывается страшная действительность. Позднее это найдет выражение в поэме “Соловьиный Сад”, где возникнет тема сладкой песни, убивающей человеческую волю и чувство жизни. Здесь “слово” сближено с божественным Словом-Логосом, разрушающим “ночную тайну” и “молчание” как безответность, с ясностью. А “сладостная” песня связана с “феноменальной”, и “соблазнительной” мелодией, т. е. не с сущностью, а с земными “смутными” явлениями. Для Блока характерно противопоставление хаотичного мира “психологии”, связанной с “высшей” правдой мира Душе. Музыкальность” связывается не только с миром сущностей, но и с миром лирического героя, принадлежащего к земной действительности. Образы искусства, как и мира положительного идеала-героини и мира лирического героя, существенно важны для последующей разработки концепции “человека-артиста” как творческой и гармонической личности. Искусство как воплощение красоты и гармонии противопоставляется безобразию действительности и способствует “оформлению” жизни, формированию поэтической концепции сущности мира и бытия как “духа музыки”. Самое важное здесь то, что главная ценность для поэта — человек и создаваемый им гармонический мир. Здесь существенны мысль о родстве мира высокого идеала и мира ис-

куства и представление о музыке как самом высшем в ценностной градации искусств.

Из всего сказанного видно, что для эстетики “Стихов о Прекрасной Даме” характерны сгущение образов до символов, импрессионистичность с максимальным использованием “цвета” и “света”, “живописного образа” и “музыки” в стихе, смысловая значимость звука. Все образные средства стихотворения естественны, жизненно органичны здесь множество тонких метафорических параллелей. Самобытность поэтики “Стихов о Прекрасной Даме” заключается в создании реального поэтического единства многопланового и “многоликого” образа-символа и в создании синтеза мистического и реального плана. Как справедливо отметила З. Г. Минц³, стихотворения отнесены и к мистическим, и к реальным переживаниям. Переплетение планов — реального и метафорического, — вещи и символа и взаимодействие разных смыслов многозначного слова обуславливает глубину текста. Поэтому можно сказать, что “Стихи о Прекрасной Даме” — это художественно адекватное воплощение “нового искусства”, где отражается “все во всем”, символически преобразуется “личная и мировая” жизнь. Сущность для Блока точнее всего выражается языком символического намека, и это — наиболее реальное художественное воплощение символистского панэстетизма. Особенность поэтики Блока как младшего символиста заключается, во-первых, в существовании двух типов символики, восходящих к двойственности оценки “земного”: первый “земной” план (имеющий самостоятельный ряд значений) и мистический план (относящийся к миру мистических идей и не имеющий “жизненных” бытовых адекватных реалий). Во-вторых, это важность мифа как ключа к пониманию значения образов при мифопоэтическом характере мировоззрения. В-третьих, это близкая символистскому мифологизму мысль о том, что воплощение мира происходит не только в мировом универсуме и в мировой истории, но и в душе и в жизни каждого человека, вступающего в живые, личные отношения с силами мирового целого — тоже живыми и “универсально-личными”. В-четвертых, это осознание значения лирики как возможности вместить в образы мгновенных переживаний всю историю мира. “Стихи о Прекрасной Даме” восходят к “мифам” при сходстве мифопоэтической картины мира как основы поэтического мировидения (“я”, “ты”, их драматические взаимоотношения) Лирический герой выступает в роли носителя реального чувства человечества в человеке, что в дальнейшем приводит и к интегральности самого образа лирического героя, к отказу поэта от воссоздания индивидуального ха-

³ Минц З. Г. Блок и русский символизм. с.118. Она же: Символ у Блока. // В мире Блока. М., 1981. с. 172-184.

рактера, замкнутого и отделенного от других. Таковы особенности художественного мира поэта, обуславливающие характерную черту его поэзии — ее объективность, внеличность, жизненность. Блоковский панэстетизм, вера поэта в объективность искусства оказываются кардинально важным для его дальнейшего творческого развития. Образ Прекрасной Дамы — и это отличает Блока от других младосимволистов — воплощает “сладостную и упорную жизненную силу”, а не начало аскетизма, страдальчества, жертвенности. Поэтому “Стихи о Прекрасной Даме” — это не стихотворная иллюстрация философско-эстетической концепции младосимволистов, а поэтическое воплощение конкретных переживаний мистически настроенного человека, по-своему воспринимающего идею Вечной Женственности.

Миф о Вечной Женственности — о Красоте, спасающей мир, не очень распространен в Корее в силу особенностей национальной религии и другой идеологии. Часто положительная женственность связывается не с образом невесты и возлюбленной, а с образом матери как лона земли или с женой, воплощающей не Красоту, а жертвенность и самоотдачу. В мироощущении корейцев красота связывается с упадочной эротичностью и «страшной» соблазнительностью, толкающих к забвению реальной действительности и убивающих жизненную мужественную силу, или с отвлеченностью и аскетической тональностью. Героиня часто остается идеалом, который невозможно достичь в земной реальности. Если она получает воплощение в жизни, то она изменяет облик и все смешивается. В этом смысле связь образа Прекрасной Дамы с мифом “Души мира”, плененной земным хаосом, и с образом “спящей красавицы”, которую надо спасти, существенно важна для понимания особенностей русского миропонимания, в частности русского символизма. Образ “спящей красавицы” выражает Красоту, плененную недоброй силой и земными оковами, которую лирический герой должен спасти, победив зло. В конечном счете героиня выйдет из глубокого сна — мертвенности, что воспринимается как начало “сознания” и начало жизни и движения. Интересно отметить, что в корейском символизме (вслед за французским) воспринимается активно не столько образ “спящей красавицы”, сколько мифический образ “Нарцисса”, влюбленного в самого себя, в свое отражение в воде как в зеркале. Здесь образ “зеркало” выражает не внесубъективность (не взгляд со стороны), а поверхностное отражение и субъективный взгляд изнутри, лишенный объективности. Поэтому образ женственности в корейском символизме не достигает той высоты и священности, перед которой преклоняются русские символисты. Все это показывает разные подходы к Красоте в русском и корейском сознании. В этом смысле в русском слове присутствие

слова “прекрасное”, означающего не только Красоту, но и Добро, т. е. их гармонический синтез, имеет существенное значение и выражает национальную особенность русского сознания. Очень важно отметить, что “Прекрасная Дама” предстает перед нами как синтетический образ Красоты и Добра, и как гармония (единство) мистического и земного, т. е. возвышенно мирового и чувственно-земного плана. В Корее, в частности в творчестве корейских символистов, такой синтетический образ женщины встречается лишь в отдельных стихотворениях и не достигает такой “универсальности” и “последовательности”. Это объясняется особенностью корейской национальной идеологии и народной психологии. В корейской литературе образ женщины обычно отступает на второй план. Интересно отметить, что наряду с этим подходом к женщине образ матери воспринимается как синтез женственности и мужественности. Ее образ включает в себя проблему не только красоты, но и правды (добра-гуманизма), поскольку она толкает сына идти по справедливым и добрым путям жизни и воспитывает его сильным человеком. Поэтому она строгая, но одновременно является символом всепрощения и теплоты, отдыха на жизненном пути героя. Ее суть заключается в синтезе “правды” и “гармонии-красоты”, “конкретно личного” и “сверхчеловечески священного”. Здесь подчеркивается ее внутренняя красота и ее жизненная воля. Она является, с одной стороны, синтезом духа и “плоти”, и с другой стороны, синтезом общего и лично-индивидуального. Она дает сыну конкретную “жизнь” со всей ее сочностью и чувственностью, и одновременно она вызывает у сына прапамять о чем-то запредельно существенном и толкает его к познанию жизни и самопознанию. Интересно также отметить, что в стихах Блока Прекрасная Дама отождествляется с Богородицей, но не появляется конкретный образ матери. Но тем не менее следует указать на переключку мифа о “Вечной Женственности” и мифа о “матери”. Сомнение в жизненности и объективности “Вечной Женственности” возникнет у Блока в период “Распутья”. Но в корейской литературе почти не бывает сомнения в жизненной силе матери, и потому она не подвергается иронии. Если характеристика “Прекрасной дамы” как воплощенной красоты определена панэстетическим мироощущением, то образ “матери” воплощает не сколько Красоту, столько добрую волю, связанную с аскетичностью и жертвенностью. Вместе с тем она толкает сына почувствовать жизнь и наслаждаться ее благами и красотой. Мать прекрасна и красива, поскольку она просматривается не через внешний, а через внутренний взгляд сына (т. е. в корейском сознании восприятие красоты есть помеха на пути к правде и откровению). В образе матери противоречиво синтезируется то, что несет радость, счастье, земная конкретность чувства (она дарит

сыну “жизнь” со всей красотой и питает его грудью) и духовное начало, лишенное телесных контуров (черт облика женщин). Столкновение двух противоположных концепций идеала делает природу женщины сложно-противоречивой, что показывает противоречивый подход корейцев к женщине и к Красоте.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод и об общности идеалов в корейской и русской литературе. Во-первых, идеал этот — гармонический, обладающий эстетической и этической ценностью. Во-вторых, идеал является синтезом мужественной активности и женственного лона. Идеал как жизненная сила и жизненная опора вызывает тяготение к мужественности. Идеал как основание активного действия заставляет человека бороться за Добро, защищать справедливость. В-третьих, идеал — объективен, не является порождением субъективной воли и представления и включает в себя требование уважения к изначальной человеческой природе и к человеческому сообществу.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Когнитивные аспекты иронии и сарказма в преподавании английского языка

© кандидат филологических наук М. М. Филиппова, 2000

В последнее время в методической литературе по преподаванию английского языка все больший упор делается на то, что усвоение языка без знания культуры недостаточно для эффективного общения, что необходимо прежде всего понимание культуры или некоторых определенных ее элементов для того, чтобы состоялось полноценное общение, при котором его участники полностью понимают друг друга ('настроены на одну волну'). Как известно, юмор считается одним из наиболее трудных для понимания элементов национальной культуры. В данной статье автору хотелось бы сосредоточиться на иронии и сарказме как его важных составляющих¹. К пониманию того, что эти два специфических языковых средства очень важны в английском языке, привел ряд соображений.

1. Ирония и сарказм в межкультурном общении

В одной из своих лекций авторитетный английский специалист по межкультурному общению Барри Томалин рассказал о том, как провел мини-опрос среди англичан, живущих за границей, на предмет того, о чем они скучают, когда живут в какой-нибудь другой стране. Оказалось, что в списке вещей, без которых англичанам скучно жить, на пятом или шестом месте после домашнего уюта, некоторых английских блюд, английской погоды и т.п. они поставили **сарказм**. Кстати, сам Барри Томалин начал свою лекцию для русских преподавателей чем-то вроде: «Чему я, какой-то англичанин, у которого за спиной всего лишь Шекспир и Диккенс, могу научить вас, представителей великой русской культуры?»² Некоторые из присутствовавших на лекции преподавателей восприняли это высказывание как выражение презрения к аудитории, ведь нельзя же говорить о «всего лишь Шекспире и Диккенсе» и о себе как о «каком-то англичанине» ('a mere Brit') всерьез. А если несерьезны эти фразы, то столь же несерьезна и фраза «вы, представители великой русской культуры». Представляется, что это высказывание можно считать весьма ярким примером английского сарказма.

В наше время, кажется, можно уже говорить о фольклорной традиции межкультурного общения русских и англичан, поскольку существует масса устных рассказов о проблемах понимания в таких ситуациях.

Так, например, русская школьница, жившая (и учившаяся) год в Англии, вернувшись, стала объяснять своей преподавательнице английского языка «исконное» английское выражение *to be on a short leg*. Когда заинтригованная преподавательница призналась, что такого выражения не знает, и попросила девушку перевести его, та сказала: «Ну как же? Оно значит то же, что и по-русски – ‘быть на короткой ноге’. Меня этому научили естественные носители.» Юмор данной ситуации заключается в том, что «быть на короткой ноге» – это фразеологическая единица, русская идиома, которая никак не может быть переведена на английский язык дословно. Эквивалентом могло бы быть выражение вроде ‘*to be on friendly terms (on a friendly footing) with somebody*’. Если представить, что кто-то из англичан взял на себя труд выучить русскую идиому и стал обучать ей русскую девушку, то трудно не восхититься изощренности понятий о юморе автора этой шутки. (С другой стороны, нам известны случаи, когда в английский язык заимствовались жаргонные русские слова, еще даже не вполне принимаемые многими естественными носителями русского языка. Например, *to wet* – это, как известно, калька с русского жаргонного словечка «замочить», столь популярного в последнее время.)

Непонимание, недопонимание и неправильное понимание довольно часто встречаются в общении между людьми, принадлежащими к разным культурам, когда один из них говорит на родном языке, а для другого участника этот язык является иностранным. Понятно, что жизненный опыт, языковые привычки, стереотипы поведения и восприятия речи, традиционно передаваемые из поколения в поколение взгляды, отношение к тем или иным национальностям и носителям определенных культур и т.п. будут в значительной степени разными и навряд ли будут совпадать. Часто оказывается, что восприятие иностранцем своей речи чуть ли не диаметрально противоположно тому, как воспринимают его речь естественные носители языка. Однако правила вежливости требуют соблюдать цивилизованные нормы поведения, и раздражение и прочие отрицательные эмоции находят выход в иронии и сарказме.

В идеале, контакты между представителями разных языков и культур могут быть полноценными только в том случае, если участники коммуникации в состоянии понять не только **прямое, непосредственное** содержание того, что они слышат от собеседника, но и воспринять **подразумеваемое** содержание. Если, как в вышеупомянутом случае со школьницей, такое понимание отсутствует, то у постороннего наблюдателя

создается впечатление, что участники общения говорят один «про Фому», а другой – «про Ерему», или что один участник получает удовольствие за счет другого, высмеивая его в столь тонкой манере, что тот не в состоянии это понять и адекватно отреагировать.

В случае с иностранными учащимися, которые не очень хорошо владеют английским, шутки могут быть и не столь утонченными и безобидными. Так, например, за обедом в английской школе для иностранных бизнесменов, на котором присутствовали студенты этой школы – представители деловых кругов Италии, Германии и других стран, а также студентка из Японии, хозяйка школы, сидящая рядом с японкой, сказала: 'We once had a Japanoid...' и тут же поправилась: '...a Japanese boy staying with us...' Поскольку хозяйка мгновенно исправила свою ошибку, формально упрекнуть ее было не в чем – то, что она сказала, выглядело как типичная оговорка, обусловленная опережающим произнесением дифтонга [ɔi], содержащегося в слове *boy*. Однако каждому знающему суффикс *-oid* совершенно очевидно, что слова с этим суффиксом часто имеют резко отрицательное значение: *humanoid*, *Stalinoid*, *schizoid*, *raganoid* и т.п. Понятно, что слово *Japanoid* несет отчетливо выраженный пренебрежительный оттенок значения, и насмешка получается злой и унижительной. Интересно, однако, что выражение лица этой дамы в момент оговорки было милым и любезным.

В этой связи весьма любопытны всевозможные метаморфозы, которые происходят с некоторыми языковыми элементами в процессе словообразования. Каким образом, например, получилось так, что суффикс *-ese* (*Portuguese*, *Chinese*, *Vietnamese*, *Japanese* и т.д.), совершенно нейтральный в названиях языков и национальностей (англичане, как хорошо известно, терпимо относятся ко всем расам, нациям и национальностям), используется для придания отрицательных коннотаций таким словам и выражениям, как *art criticese*, *literary criticese*, *journalese*, *officialese* и т.п.?

Все очень любят цитировать Зигмунда Фрейда, который сказал в одной из своих работ: «Человек, который первым, вместо того, чтобы швырнуть камень в своего противника, бросил в него обидным словом, был родоначальником цивилизации». Безусловно, словесная и психологическая жестокость менее болезненны, чем жестокость физическая. Однако оказаться объектом такой языковой жестокости может также быть очень тяжело, если человек не обладает своего рода «иммунитетом» – психологической подготовленностью к словесной и языковой жестокости, к издевкам над теми ценностями, которые важны для него, к осмеиванию и вышучиванию его уязвимых мест (которых, как мы хорошо знаем, у каждого человека достаточно). Те естественные

носители английского языка, которые пишут пособия по нему, создают разнообразные учебные материалы и т.п., разумеется, не могут себе позволить писать о негативных сторонах английской культуры, ибо это расценивалось бы как нелояльная антиреклама и критика существующего положения вещей. Поэтому изучающие английский язык и культуру, в основном, как правило, имеют представление о положительных сторонах жизни англоязычных стран и зачастую не представляют себе отрицательные стороны, например, пренебрежительное и насмешливое (а иногда и презрительное и ядовитое) отношение к другим национальностям. В этой связи задачей преподавателя английского языка является, по-видимому, подготовить учащихся к возможному шоку такого рода, сделать их менее уязвимыми, выработать как бы «иммунитет» против негативного воздействия таких насмешек, издевок и оскорблений.

Еще один яркий пример английского сарказма: знакомая женщина по фамилии Фитцджеральд, ирландка по национальности (но зато получившая англо-саксонское воспитание и выросшая в Англии, как она сама любит говорить), рассказывала, что в годы войны ее отец, врач-радиолог (рентгенолог), уже тогда живший в Англии, был освобожден от военной службы (то ли потому, что был врачом, то ли потому, что имел ирландское гражданство – Ирландия, как известно, не принимала участия во второй мировой войне). Соседи-англичане, считавшие, по-видимому, что очень непатриотично с его стороны не служить в армии в такое сложное для страны время, стали называть его **Фрицджеральд**. Судя по тому, что его дочь все еще вспоминала это прозвище по прошествии полувека со времени войны, можно догадаться, что оно было воспринято очень болезненно.

В уже упомянутой школе для бизнесменов автору данной статьи пришлось выслушать еще одну националистическую шутку, на сей раз направленную против болгар. Когда стало известно, что ожидается приезд еще одного студента – крупного чиновника из министерства внутренних дел Болгарии, та же самая хозяйка дома, высокообразованная женщина, получившая образование не только в одном из английских университетов, но также и обучавшаяся в некоторых европейских университетах, сказала: «Oh, Bulgarians... we call them Buggersians – from 'bugger off'».(sic!) Конечно, в современном английском языке слово 'bugger' отнюдь не всегда, а может быть не так уж и часто употребляется в своем первоначальном значении – как обозначение мужчины, занимающегося запрещенной сексуальной практикой (а в современной просвещенной демократической Англии – представителя сексуальных меньшинств). В словаре Oxford Dictionary and Thesaurus³, например, в качестве пометы к слову «bugger» написано: coarse slang; usually consid-

ered a taboo word. Производное от него *bugger off* также продолжает оставаться ругательством, отмеченным в словарях аналогичным образом: *coarse slang* – «грубое жаргонное слово». Фразовый глагол *bugger off* также отмечен в словаре как специфически британское ругательство, означающее ‘go away’, иначе говоря, нечто типа русского «уматывай», «отвали», «вали отсюда», «проваливай». Некоторые источники утверждают, что это столь мягкое ругательство, что оно даже допустимо в аристократической компании. Тем не менее, когда являешься представителем одной из славянских наций, очень неприятно выслушивать такие презрительно-пренебрежительные замечания в адрес других славян. Для русского человека (как, впрочем, наверное, и для любого другого иностранца, оказавшегося в такой ситуации), сложность заключается в том, что сначала он инстинктивно реагирует на выражение лица собеседника, и, если оно дружелюбное, милое и вежливое, то возникает противоречивое впечатление, так как для русской культуры, как представляется, типичным будет, что презрительные и пренебрежительные высказывания обычно сопровождаются соответствующей интонацией и выражением лица.⁴

Англичане умеют придавать саркастическую, или на худой конец ироническую окраску самым разнообразным словам, понятиям и т.п. Как мы уже видели, это может быть и сарказм, направленный на носителей других языков и культур. Так, девушка, работавшая переводчицей с группой англичан, рассказывала, с каким энтузиазмом они восклицали: ‘Oh, Russki, Russki!’, когда ходили по московским улицам, на что русские, как правило, им отвечали: «Да-да, русский». Однако наивные и дружелюбные русские, не знавшие английского языка, не знали также (как не знала и их переводчица, которая узнала об этом только позже), что слово «Russki» употребляется как оскорбление и в словарях английского языка имеет помету *slang offens.*, что означает «оскорбительное жаргонное слово». Любопытно, что эта история очень отчетливо показывает роль контекста в передаче смысла высказывания. Несмотря на то, что слово «Russki» является оскорблением в сознании естественных носителей английского языка и, безусловно, является таковым в англоязычном окружении, тем не менее в русскоязычных контекстах, для естественных носителей русского языка оно просто будет звучать как обычное, нейтральное, не нагруженное стилистически слово «русский», произнесенное с иностранным (в данном случае английским) акцентом. Таким образом, сколько бы тайно ни веселились эти англичане, считая, что им удалось поиздеваться над русскими, в русскоязычном окружении это слово не способно обидеть человека, говорящего по-русски (особенно такого, который с английским языком не знаком).

Эта ситуация также очень выпукло показывает те сложности ментального и когнитивного плана, которые возникают перед человеком, изучающим язык и культуру другого народа. Как неоднократно подчеркивалось в многочисленных популярных психологических изданиях, имя человека – это самое важное для него слово. То же самое, наверное, можно сказать и о названии народа, национальности, как очень важном слове для людей этой национальности. Если при изучении иностранного языка задачей является научиться мыслить и структурировать содержание мыслей таким же образом, как это делают естественные носители языка, то человеку, владеющему двумя языками, приходится проделывать своего рода психологический (и ментальный) кульбит, когда одно и то же слово в родном языке является названием, которым можно гордиться, а в иностранном языке – пренебрежительным и оскорбительным прозвищем. Кстати, слово Rusky (Roosky) – не единственная пренебрежительная кличка такого рода. Вспомним английские слова типа Polack (которое также изначально происходит от польского слова, означавшего человека этой национальности), Jap и Nip, которые употребляются в отношении японцев, Fritz – в отношении немцев. Фактически упоминание одного из таких слов вызывает цепочку ассоциаций со всей парадигмой: Chink говорится про китайцев, kike – про евреев, Frog и Frenchy – про французов, dago – про иностранцев типа испанцев, португальцев и итальянцев, masaroni – про итальянцев, bubble-and-squeak – про греков и т.п.

Знакомая англичанка – преподавательница русского языка рассказывала, какие приемы мнемотехники она использует для того, чтобы начинающие изучать русский язык взрослые студенты запомнили формулы вежливости в русском языке. Так, слово «спасибо» легче запомнить, если провести параллель между ним и английским словом placebo. Как известно, это слово имеет следующие значения: 1. Плацебо, безвредное лекарство, прописываемое для успокоения больного 2. Слова успокоения, лезть 3. церк. плацебо, «я буду угоден», первое песнопение заупокойной вечерни; to sing /to play (a) ~ раболепствовать, угодничать, быть приспособленцем (оппортунистом).

Студенты у той же преподавательницы запоминали слово «пожалуйста» по аналогии с выражением «push Alistair» (down the stairs, как предполагается), а слово «здравствуйте» им оказалось легче всего запомнить, если держать в уме фразу «Does your arse fit ye?», произнесенную скороговоркой. (Автор приносит извинения за ненормативную лексiku, но из песни, как говорится, слова не выкинешь.) Любопытно, что в первых двух шутках возникают смысловые связи между русской фразой и параллельной ей английской звуковой оболочкой; следует отметить,

что если в первом случае в результате звуковой аналогии мы получаем невинную шутку, во втором шутка уже достаточно неприятная, а в третьем возникает, как кажется, законное сомнение в том, что какому-либо здравомыслящему человеку захочется учить язык, приветствие в котором звучит таким, мягко говоря, странным образом. Представляется, что такую шутку можно назвать скверной, вульгарной и наглой в своей циничности, может быть казарменной или площадной вследствие своей неприличности. И она, конечно же, оскорбительна для русского языка.

2. Общие трудности восприятия художественной литературы изучающими английский язык

Студенты пятого курса филологического факультета (правда, специализирующиеся по кафедре прикладной лингвистики и поэтому мало знакомые с литературоведением), которые выбрали себе в качестве домашнего чтения рассказы современной английской писательницы Мюриел Спарк, известного мастера иронии и сарказма, посмотрев фильм 'The Prime of Miss Jean Brodie'⁵ (справедливости ради следует отметить, что повесть, на которой основана эта экранизация, они не читали), в полном недоумении спросили своего преподавателя: «Разве главная героиня отрицательный персонаж? После того как посмотрели кино, мы прочитали рецензию на повесть и из нее узнали, что Джин Броди лицемерная, неискренняя, лживая, жестокая и т.п.» В такой ситуации, естественно, встает вопрос: как научить студентов видеть тонкости, скажем, авторского отношения к герою или ситуации, как научить их понимать иронию и сарказм, которые столь часто встречаются в текстах Мюриел Спарк?

С одной стороны, данный пример во многих отношениях показательен в том, что касается понимания художественной литературы и языковой специфики иностранными учащимися. Для студента-иностранца, читающего некое произведение английской литературы, очень трудно решить, является ли любое данное действие героя или героини типичным или, наоборот, экстраординарным, являются ли его поступки этическими или неэтическими с точки зрения естественного носителя языка. Например, прочитав, что героиня Моэма моет посуду и после этого чистит раковину, русские студентки решили, что это типичное действие и у английских домохозяек принято после каждого мытья посуды почистить раковину, в то время как У. С. Моэм, кажется, хотел подчеркнуть, как механически скрупулезно его героиня наводит порядок прежде чем покончить с собой.

Маргарет Дрэббл, известная современная английская писательница, в своем интервью с литературоведом Валери Гровнор Майер, исследователем ее творчества, приводит примеры аналогичного непонимания читателями того, что хотел сказать автор. Так, про отрывок из своего романа «Жернов» она рассказывает⁶:

«Я помню, как читала отрывок из «Жернова» на собрании кружка любителей словесности. Это тот отрывок, где Розамунд, которая является повествователем, описывает, как ее сестра не дает своим двум маленьким детям играть с девочкой из рабочей семьи, которая живет в конце улицы. Это довольно смешной отрывок, он хорошо подходит для чтения вслух, потому что в нем описан взятый сам по себе отдельный случай. Вся суть отрывка в том, что Розамунд в ужасе от социальных взглядов своей сестры. Ее сестра, как предполагается, имеет социалистические взгляды и считается социально сознательной женщиной, и она запрещает своим детям играть с этой девочкой из-за того, что она, этот отвратительный ребенок, может научить их грубым словам и грубому поведению. И я прочитала этот отрывок, и потом ко мне подошла женщина и сказала: «Я так рада, что Вы согласны со мной в том, что нельзя позволять своим детям играть абсолютно с кем попало». Она прочитала все это наоборот, она услышала все это наоборот; и, конечно же, невозможно помешать читателю сделать так, и невозможно помешать читателям из других стран толковать некоторые вещи как характерные для англичан, которые я не имела в виду представить как характерные для англичан. Вы ведь не можете вставлять сноски типа «Я и в самом деле серьезно так считаю», или другая сноска: «В этом вопросе я не согласна с повествователем своего романа»⁷.

В том же интервью Маргарет Дрэббл проводит аналогию между этим эпизодом и положением Арнольда Беннета, когда он написал книгу о приходящей домработнице⁸: «Это очень похоже на то, как Арнольд Беннетт написал книгу о домработнице, у которой было золотое сердце (т.е. ангельский характер). Арнольд Беннетт был очень расстроен тем, что читателям так сильно понравилась эта уборщица, в то время как он пытался показать, что ее угнетают. И он сказал: 'Людам хочется иметь домработницу с ангельским характером, они не понимают, что я пытаюсь сказать, что ее эксплуатируют'. Вот какие ошибки возникают в прочтении произведения.»

Эти примеры неправильного понимания заложенного автором смысла соотечественниками писателя, естественными носителями языка, показывают, что смысл произведения реализуется на многих уровнях, причем некоторые уровни иногда не воспринимаются некоторыми читателями. Такого рода примеры можно также считать утешительными,

когда возникают проблемы в межкультурном общении. Логика здесь следующая: уж если естественные носители языка не понимают того, что хотел сказать автор, то студент-иностранец может успокаивать себя этим аргументом, когда какие-то аспекты текста никак не поддаются интерпретации и упорно ускользают от понимания.

Точно так же, как определить типичность или нетипичность поведения, этичность или неэтичность поступка героя, бывает трудно учащемуся определить, является ли язык, которым говорят герои, правильным или неправильным, просторечным, высокопарным или каким-либо еще. В отношении языка может оказаться так, что у иностранного учащегося имеются совершенно четкие концептуальные схемы там, где у естественного носителя установка (во всяком случае, теоретическая) на демократическую терпимость к любого рода языковым формам. В теории, во всяком случае, считается и подчеркивается (особенно профессиональными лингвистами, авторитетными специалистами по языку), что в английском языке (и прежде всего в английском произношении) нет четко определенных норм и стандартов и англичане считают себя вправе гордиться тем, что у них нет институтов, подобных Российской Академии наук и Французской Академии, которые, выпуская академические словари и грамматики, определяют, какие языковые формы являются правильными, а какие нет (недемократически «навязывая» норму). Таким образом, и в том, что касается языка, учащийся может оказаться на зыбкой почве.

3. Анализ семантических составляющих понятий "ирония" и "сарказм" в русском и английском языках

На взгляд человека непосвященного и мало знакомого с филологией такие понятия, как ирония и сарказм, кажутся менее естественными для русской культуры, чем, например, насмешка, издевка, глумление, язвительность, ехидность, измывательство и т.п. Это подтверждается и данными словарей: если слова «ирония» и «сарказм» имеют греческое происхождение, то есть являются иностранными заимствованиями и навряд ли широко употреблялись в русском языке, скажем, до эпохи Ломоносова, то вышеупомянутые слова типа «издевка» и «глумление» все имеют общеславянское происхождение и содержат корни, встречающиеся уже в старославянском языке, что, безусловно, делает их намного ближе носителю русского языка.

Кроме того, создается впечатление, что слово «ирония» и выражаемое им понятие лучше ассимилировалось в русском языке, чем слово «сарказм». Так, если посмотреть эти слова у В. И. Даля, то мы найдем следующие статьи:

Ирония греч. речь, которой смысл или значение противоположно буквальному смыслу слов; насмешливая похвала, одобрение, выражающее порицание; глум. **Иронический**, глумный, насмешливый; похвала, которая хуже брани.

Сарказм. Саркастическая насмешка, острая, едкая.⁹

Как видим, В. И. Даль даже не находит обязательным объяснить слово «сарказм», а просто приводит пример употребления слова «саркастический». В то же время его толкование слова «ирония» в некоторых отношениях ближе к тому, что лингвисты более терминологически точно называют энантиосемией, и примерно соответствует тем объяснениям, которые даются в большинстве других словарей, в том числе и более поздних.

Подтверждением того, что слово «сарказм» вместе со своим концептуальным содержанием не является столь органично присущим русскому языку, как слово «ирония», могут, например, служить данные частотного словаря русского языка. В этом словаре приведена частотность слова «ирония» и таких слов, имеющих общий с ней корень, как: *иронизировать, иронически, иронический, иронически-снисходительный*, в то время как слово «сарказм» как таковое в словаре отсутствует, а представленным является лишь слово «саркастический», частотность которого ниже, чем у вышеупомянутых слов, однокоренных со словом «ирония»¹⁰.

Очень показательными в этом смысле являются также объяснения в англо-русских словарях. Так, в Новом большом англо-русском словаре под общим руководством Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна слово *sarcasm* имеет следующую статью:

sarcasm n. Сарказм, язвительная насмешка, злая ирония; *cutting /crushing/* ~ злая ирония; *deadly [obvious]* ~ убийственный [нескрываемый] сарказм; *bitter* ~ горькая ирония; *the ~ of the remark* сарказм замечания; *the ~ is overdone* слишком много сарказма, слишком ядовито; 'How unselfish you are!', cried he in ~ «Как ты бескорыстна!» – саркастически воскликнул он.¹¹

Как видим, в некоторых сочетаниях слово *sarcasm* переводится как «ирония», которое более близко и знакомо носителям русского языка.

Другие словари, в частности, показывают изменение значений слов «ирония» и «сарказм» с ходом времени (что, по-видимому, указывает на их неустойчивый характер) или стабильность этих значений.

С. И. Ожегов, например, дает следующее объяснение:

Ирония – тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме. Злая и. Ирония судьбы (перен.: странная случайность).

Сарказм (книжн.) – 1. Язвительная насмешка, злая ирония. 2. Едко-насмешливое замечание.¹²

Не случайно, что слово «сарказм» отмечено как книжное. Можно, по-видимому, даже сказать, что в силу своей иноязычности это слово скорее имеет терминологический характер, используясь в основном в пособиях по стилистике и т. п. Таким образом, трудности русскоязычных учащихся с пониманием если не иронии, то сарказма, возможно, связаны с неполным освоением этого понятия в русской культуре или, возможно, тем, что носители русского языка не всегда считают этически оправданными насмешку или издевку над собеседником в непосредственном общении.

Итак, данные толковых словарей русского языка так же, как и данные двуязычных англо-русских словарей, показывают, что понятие “сарказм” часто объясняется через понятие иронии. Таким образом, можно сделать вывод, что семантические поля этих двух понятий частично совпадают и они соотносятся друг с другом по принципу “менее интенсивно выраженная характеристика (ирония) – более интенсивно выраженная характеристика (сарказм)”.

Если же обратиться к английским словарям, то предстанет несколько иная картина. Прежде всего стоит упомянуть, что англоговорящие читатели имеют доступ к совершенно особым справочным источникам следующего типа: Словарь современных юмористических цитат издательства «Пингвин»¹³, Национальная энциклопедия пасквильно-памфлетного юмора¹⁴, Словарь имен и прозвищ¹⁵, словарь Гиннеса «Наиболее ядовитые цитаты»¹⁶, «Засучив рукава. Словарь женского юмора и остроумия»¹⁷, «Словарь оскорбительных высказываний»¹⁸ и т.п. Испытывая сожаление по поводу того, что размеры статьи не позволяют подробно рассмотреть некоторые примеры, приводимые в этих справочниках, допустим, что они являются достаточно показательными образцами английского юмора и читатель может сам составить себе представление о них, просто полистав любой из этих словарей. Мы же обратимся к тому, как толкует понятия иронии и сарказма словарь издательства Лонгман Dictionary of English Language and Culture¹⁹:

Irony n. 1. Use of words which are clearly opposite to one's meaning, usu. either in order to be amusing or to show annoyance (e.g. by saying «What charming behaviour» when someone has been rude) – compare SARCASM
2. A course of events or a condition which has the opposite result from what is expected, usu. a bad result: *We went on holiday to Greece because we thought the weather was certain to be good, and it rained almost every day; the irony of it is, that at the same time there was a heat-wave back at home!*

Sarcasm n. Speaking or writing using expressions which clearly mean the opposite to what is felt, especially in order to be unkind or offensive in an amusing way: She was an hour late. «Good of you to come,» he said with heavy /withering sarcasm.²⁰

Любопытно, что словарь Brewer's Dictionary of Phrase and Fable²¹ содержит статью на слово irony, но в нем нет статьи на слово sarcasm – это слово фигурирует всего лишь в упомянутой статье на слово irony:

Irony (Gr. *eironeia*, simulated ignorance). The use of expressions having a meaning different from the ostensible one; a subtle form of sarcasm understood correctly by the initiated.

Socratic irony. The assumption of ignorance as a means of leading on and eventually confuting an opponent.

The irony of fate. That which brings about quite the opposite of what might have been expected. Thus by an irony of fate Joseph became the saviour of his brethren who had cast him into the pit.²²

Фактически из-за того, что статья на слово irony в данном словаре есть, а на слово sarcasm статья отсутствует, и из-за того, что определение иронии дается частично через привлечение понятия «сарказм», может создаться впечатление, что сарказм – это более простое и знакомое понятие, которое, в отличие от понятия иронии, объяснения не требует. Однако в большинстве других словарей даны определения и иронии, и сарказма. Так, если взять широко известный и много раз переиздававшийся Словарь современного английского словоупотребления Генри Фаулера²³, то в нем можно обнаружить словарные статьи на оба эти слова, причем статья на слово irony во много раз больше статьи на слово sarcasm. Однако поскольку именно сарказм, как кажется, представляет большие трудности в межкультурном общении и поскольку объяснения и трактовка слова irony в различных словарях часто довольно сильно схожи (и схожи даже при сравнении статей в русских и английских словарях), представляется целесообразным процитировать именно эту статью. Она выглядит так:

sarcasm does not necessarily involve irony, and irony has often no touch of sarcasm. But irony, or the use of expressions conveying different things according as they are interpreted, is so often made the vehicle of sarcasm, or the utterance of things designed to hurt the feelings, that in popular use the two are much confused. The essence of sarcasm is the intention of giving pain by (ironical or other) bitter words²⁴.

Как видим, Генри Фаулер настаивает на абсолютно четком разграничении иронии и сарказма. Кроме того, ему удается довольно точно передать суть сарказма при помощи ключевых фраз the utterance of **things designed to hurt the feelings** и the **intention of giving pain** by bitter words.

Что же говорится в других словарях? Подтверждают ли другие словари то, что говорит Генри Фаулер?

The Concise Oxford Dictionary of Current English²⁵ дает следующее определение на слово sarcasm:

sarcasm n. 1 the use of bitter or wounding, especially ironic, remarks²⁶; language consisting of such remarks (*suffered from constant sarcasm about his work*). 2 such a remark²⁷.

Статья в уже упоминавшемся словаре The Oxford Dictionary and Thesaurus²⁸ выглядит следующим образом:

sarcasm n. 1 a bitter or wounding remark. 2 a taunt, esp. one ironically worded. 3 language consisting of such remarks. 4 the use of or the faculty of using this.

- **1, 2** see TAUNT n., DIG n. **3** irony, contumely, satire. **4** irony, scorn, derision, ridicule, venom; sharpness, edge, trenchancy, mordancy. **Sarcastic** scornful, derisive, derisory, mocking, ridiculing, satiric(al), ironic, sardonic, scathing, caustic, cutting, trenchant, incisive, biting, acerbic, acid, acidic, acidulous, venomous, poisonous, *Brit. sl.* sarky.²⁹

Кстати, тот факт, что слово sarcastic было сокращено до жаргонного прилагательного sarky (sarkier, sarkiest), от которого образовано производное существительное sarkiness, также свидетельствует о распространенности понятий «сарказм» и «саркастический» в английской культуре, так как такое фамильярное сокращение происходит в языке обычно только с хорошо знакомыми словами, например demo (demonstration), prof (professor), doc (doctor) и т. п.

Некоторые дополнительные оттенки значений слов sarcastic и ironic можно обнаружить в справочнике Годфри Говарда The Good English Guide³⁰:

ironic or **ironical** Either can be used to describe a situation or event that has *irony*. The words should only be used when there is a twist in what has happened, so that it is the wrong way round: 'it was ironic (or ironical) that as well as giving me a big order, he paid for dinner'. To use the word to mean no more than surprising or unexpected misses the point: 'ironically, the train was on time' would only be ironic if you had brought sandwiches and a book, expecting the train to be late!

caustic or **sarcastic** *Caustic* comes from a Greek word that means burning (caustic soda or sodium hydroxide are alkaline crystals that burn the skin on contact). A caustic comment or remark has the same effect, so to speak, because it is sharp and hurtful.

Sarcastic comes from a different Greek word with an equally unpleasant meaning – to tear flesh. A sarcastic comment is double-edged, achieving its effect by a cutting comment that is intended to mean the opposite. If someone

comes to stay for the weekend, bringing as an offering a packet of crisps, a caustic comment would be 'Thank you for nothing!': a sarcastic one would be 'Thank you for being so very generous!'³¹

В словаре Merriam-Webster's Collegiate Dictionary³² можно обнаружить следующие определения:

sarcasm 1: a sharp and often satirical or ironic utterance designed to cut or give pain (*tired of continual sarcasms*) **2 a:** a mode of satirical wit depending for its effect on bitter, caustic, and often ironic language that is usually directed against an individual **b:** the use of language of sarcasm (*this is no time to indulge in sarcasm*) *syn* see WIT.

sarcastic 1: having the character of sarcasm (*sarcastic criticism*) **2:** given to the use of sarcasm: CAUSTIC (*a sarcastic critic*) – sarcastically adv.

syn SARCASTIC, SATIRIC, IRONIC, SARDONIC mean marked by bitterness and a power or will to cut or sting. SARCASTIC implies an intentional inflicting of pain by deriding, taunting, or ridiculing (a critic famous mainly for his *sarcastic* remarks). SATIRIC implies that the intention of ridiculing is censure and reprobation (a *satiric* look at contemporary sexual mores). IRONIC implies an attempt to be amusing or provocative by saying usually the opposite of what is meant (made the *ironic* observation that the government could always be trusted). SARDONIC implies scorn, mockery, or derision that is manifested by either verbal or facial expression (surveyed the scene with a *sardonic* smile)³³.

Итак, как мы видим, все словари единодушны в одном: важным компонентом содержания саркастического высказывания является намерение, способность или желание уколоть, причинить боль, ранить чувства собеседника, оскорбить его. Чрезвычайно интересны также многочисленные синонимы, приводимые в словарях The Oxford Dictionary and Thesaurus и Merriam Webster's Collegiate Dictionary, которые помогают понять все многообразие оттенков значения, присутствующих в этом слове.

Некоторые дополнительные черты к характеристике иронии и сарказма можно, как это ни парадоксально, найти в статье в журнале "Экономист" от 18 декабря 1999 года, которая называется 'A Quiet Joke at your Expense' ("Скромная шутка на ваш счет"). Статья, основной смысл которой состоит в том, что главным принципом пост-имперской политики Великобритании является ирония, содержит следующие слова: "Очень важно отличать иронию от сарказма (который прославлен тем, что является самой низкой разновидностью остроумия). Как ирония, так и сарказм подразумевают, что говорится противоположное тому, что вы имеете в виду. "Насколько я понимаю, ты считаешь, что сказал что-то умное", – саркастически говорит учитель бестолковому ученику. Иро-

ния, однако, это нечто совсем другое. Многие люди, услышав ироническое замечание, могут не осознать, что оно подразумевается как шутка. Поэтому ирония является гораздо более подрывным элементом, чем сарказм, а также гораздо более забавным развлечением – те, кто осознают, что было сделано ироническое замечание, мгновенно чувствуют себя соучастниками и могут получить удовольствие от того, что есть люди, которые не заметили шутку”³⁴.

4. Просодическое оформление иронических и саркастических высказываний в звучащей речи

Одной из причин того, почему ирония и особенно сарказм представляют такую сложность для русскоязычных учащихся, может быть почти полное отсутствие интонационных и ситуационных сигналов иронии и сарказма. Как утверждает, например, Дэвид Кристал, один из крупнейших авторитетов в области англистики, «стандартная русская интонация для утвердительного предложения звучит саркастично для англичанина»³⁵:

«...есть некоторые эмоции, которые по-особому, специфически проявляются интонационно в каждом отдельном языке. Хорошим примером здесь является сарказм. Сарказм – это такая характеристика, которая очень специфична для каждого языка, и часто бывает очень трудно догадаться, когда иностранец высказывается саркастично. Давайте приведем пример. Русские часто оказываются с этим в затруднительном положении, да?, потому что... ну, позвольте, я объясню положение дел на случай, если вы об этом не знаете. Какова основная интонационная характеристика английского сарказма? Это употребление ровного тона. Это тон, который не особенно обрабатывают в преподавании, потому что его не упоминают в большинстве учебников. О’Коннор и Арнольд, например, не упоминают его. Но ровный тон является здесь обычным, если используется в конце предложения. Так, вы говорите вещи типа: «Что Вы думаете о фильме, который смотрели вчера?» и вам отвечают (произносит монотонно, на низком уровне тона, с финальными ровными тонами): «Это было восхитительно. Великолепно. Замечательно. Прекрасно. Не могу дождаться, когда увижу еще раз.» И чем более ровным и невыразительным вы сохраняете уровень тона, тем большую иронию и сарказм вы подразумеваете. Итак, таково положение дел в английском языке, а говоря более точно, таково положение в RP («принятом произношении»). Кстати, это не обязательно обстоит так для всех английских акцентов, но это уже другая история. Русские, однако, конечно же, используют ровный тон как показатель утвердительной интонации. Поэтому совершенно обычной характеристикой стандартного московского

варианта русского языка является, когда говорят как бы «та — да — да — да — да — да» (воспроизводит интонацию, которая кажется ему типично русской). Хочу сказать, что не собираюсь подвергаться здесь риску, демонстрируя свои познания в русском языке... так что уж простите эту бессмыслицу. Но, видите ли, русские подходят к Вам после чего-нибудь, и Вы говорите: «Вам понравилась пьеса?», а они говорят (подражает русскому произношению): «Чудесно. Очень хорошо. Она мне очень понравилась.» (аудитория смеется) И вы, конечно же, смотрите им в лицо, и видите по выражению их лица, ну, может быть, не в случае с русскими (аудитория смеется), но... часто, когда так делает иностранец... вы догадываетесь по выражению их лиц, что она им действительно понравилась, так что, конечно, вы игнорируете интонацию. Но дело в том, что во многих обстоятельствах передаваемый тон голоса кажется ироничным, или скучающим, или саркастичным, но он явно не является преднамеренным и, конечно же, он объяснимо не является таким, если посмотреть на интонационную систему русского языка.» (отрывок из стенограммы лекции Дэвида Кристала 'How Important is Intonation?')

Для нас в данном случае важно не то, что Дэвид Кристал не совсем правильно понимает особенности русской интонационной системы. В связи с тематикой иронии и сарказма существенно другое – то, что англичане, естественные носители языка, часто воспринимают интонации иностранца (в данном случае русского) как выражающие иронию, скуку, сарказм и т.д. Такую ситуацию можно, по-видимому, было бы назвать примером языковой проекции по аналогии с психологической проекцией, когда говорящий приписывает собеседнику свои чувства, впечатления, эмоции и т.п. Ведь в данном случае англичанин слышит в речи русского выражение тех чувств, которых тот не испытывает.

Итак, для того чтобы любовь англичан к иронии и сарказму не вызвали культурный шок у русского студента или учащегося, который оказывается в стране изучаемого языка, необходимо специально обучать студентов умению опознавать иронию и сарказм, делать изучающих английский язык более восприимчивыми и менее уязвимыми в этом отношении.

Как следует из всего, что было сказано, основные характеристики иронии и сарказма в английском языке таковы:

1. Саркастическое высказывание, как правило, на русский слух не имеет какого-то особого интонационного оформления. Если выразить это при помощи более точной лингвистической терминологии, то можно сказать, что финальный ровный тон, употребляемый на месте интонационного центра в конце предложения, является основным показателем

сарказма. На самом деле, чем нейтральнее интонация, тем более успешно достигается цель саркастически уколоть собеседника. Так, например, в рассказе Мюриел Спарк 'The Black Madonna' («Негритянская мадонна») описывается ситуация, когда бесплодная женщина, Лу, гордящаяся своими либеральными взглядами и всячески демонстрирующая их, принимая и знакомя со всеми своими друзьями сослуживцев своего мужа, чернокожих Оксфорда и Генри, недавно приехавших с Ямайки, обнаруживает, что забеременела, и по прошествии положенного времени у нее рождается чернокожий ребенок. Можно сказать, что сам сюжет этого рассказа ироничен, показывая иронию судьбы. Во всяком случае, это событие оказывается таким ударом для нее и ее супруга Рэймонда, что они решают, несмотря на весь свой демократизм, отказаться от ребенка, сдать его в Общество по усыновлению и переехать в Лондон. Почти в самом конце рассказа мы читаем: 'One of Raymond's colleagues had asked him that day how his friends Oxford and Henry were getting on. Raymond had to look twice before he decided that the question was innocent. But one never knew... Already Lou and Raymond had approached the adoption society. It was now only a matter of waiting for word.'

2. Как становится ясно и из только что процитированного отрывка из Мюриел Спарк, выражение лица говорящего в момент саркастического высказывания, так же как и интонация, должно быть абсолютно нейтральным. Для обозначения такого выражения лица в английском языке существуют выражения *deadpan expression* и *poker-face*. На лице говорящего не должно отражаться эмоций, оно должно быть полностью невозмутимым и бесстрастным, только тогда достигается нужный эффект.

3. По определению, лексический состав и синтаксическая структура высказывания должны иметь положительную или нейтральную окрашенность, что делает возможным сменить ее на отрицательную благодаря подразумеваемому сарказму. В письменной речи саркастический эффект часто достигается благодаря смысловым контрастам (в частности, контрастам в значениях лексических элементов, которыми пользуется автор). Так, например, рассказ Мюриел Спарк 'The Pawnbroker's Wife' («Жена ростовщика») начинается так:

At Sea Point, on the coast of the Cape of Good Hope, in 1942, there was everywhere the sight of rejoicing, there was the sound of hilarity, and the sea washed up each day one or two bodies of servicemen in all kinds of uniform.

Как видим, в этом отрывке содержатся слова, имеющие положительные коннотации: *the Cape of Good Hope* (Мыс Доброй Надежды), *rejoicing* (ликование). Однако после упоминания всех этих положительных понятий автор тут же чуть ли не мимоходом отмечает тот факт, что

каждый день море выносило на берег трупы солдат, одетых в мундиры самых разных армий. Своего рода переходом к этому является выражение *the sound of hilarity*, которое, по-видимому, описывает буйное веселье тех солдат, которым удалось спастись от ужасов войны. Таким образом, саркастическое звучание этого предложения создается контрастом между значением положительно окрашенных слов, начинающих это предложение, и ужасным фактом гибели людей на войне, невзирая на который оставшиеся в живых солдаты предаются веселью. Саркастическую ноту вносит также выражение *in all kinds of uniform*.

Как можно видеть из анализа жизненных ситуаций и отрывков из художественной литературы, ирония и сарказм в жизни и в литературе – это не совсем одно и то же. Можно, конечно, сказать, что анализ произведений тех авторов, которые склонны к иронии и сарказму, безусловно, поможет сделать изучающих язык более восприимчивыми к существованию этих явлений языка и культуры нации (а также ее характера). Например, попытки сделать анализ каждого их проявления и, скажем, квалифицировать качество насмешки, определяя, является ли насмешка едкой, ядовитой, злой, колочей, язвительной, скрытой или желчной, или какой-либо еще, могут помочь учащимся понять проявления иронии и сарказма в реальных жизненных ситуациях. Хотя может быть и так, что их неспособность воспринимать иронию и сарказм – это иногда благо, а не недостаток. Во всяком случае, можно сказать, что сарказм – это чрезвычайно глубокое и емкое понятие, сущность которого передают такие слова и выражения, как безжалостное глумление, уничтожающая язвительность, едкая издевка, злобная насмешка, тайная ехидность, циничное измывательство, уничтожающая желчность, злая колкость, зубо-скальство и, наверно, еще многие другие. В понятии сарказма есть много такого, в чем следует разобраться.

Примечания

1. Для того, чтобы не отвлекаться от основной линии рассуждений, примем как данное то, что ирония и сарказм – это более частные понятия, которые входят в понятие юмора, являющееся более широким и емким. Автор, однако, отдает себе отчет в том, что при более пристальном рассмотрении (например, анализируя соответствующие словарные статьи в русских и английских толковых словарях) можно обнаружить серьезные расхождения между объемом понятийного материала, содержащегося в английском слове *humour* и русском слове «юмор». Достаточно, например, посмотреть на такой синонимический ряд, как *wit, irony, satire, sarcasm, repartee*. Иначе говоря, нужно, по-видимому, провести еще одно исследование, чтобы подтвердить данное высказывание квалифицированно и профессионально.
2. ‘What can I, a mere Brit, with just Shakespeare and Dickens behind me, teach you, representatives of the great Russian culture?’
3. The Oxford Dictionary and Thesaurus. Edited by Sara Tulloch. OUP, 1996.

4. Этот вопрос, безусловно, требует более тщательного рассмотрения, прежде чем можно будет говорить об этом совершенно определенно – вполне может быть, что в определенных кругах считается как бы «высшим пилотажем» общения, когда человек способен выражением лица, позой и другими невербальными средствами сигнализировать дружелюбие, а словесно, при помощи языка сигнализировать враждебность, презрение, ненависть и другие отрицательные эмоции. Понятно, однако, что такого рода соревнование, ведущееся по принципу «кто кого презрительнее и пренебрежительнее обзовет и сильнее оскорбит», не может иметь никакого конструктивного исхода, кроме удовлетворения своих низменных побуждений теми, кто придумывает такие шутки.
5. В переводе эта повесть Мюриел Спарк называется «Мисс Джин Броди в расцвете лет».
6. ‘...I remember reading a passage from *The Millstone* to a group, a literary society, and it’s the passage where Rosamund, the narrator, describes her sister stopping her two small children playing with the little working-class girl down the street; and it’s quite a funny passage to read aloud because it’s a self-contained incident.
The whole point of the passage is that Rosamund is horrified by her sister’s social attitudes, her sister, who is supposed to be a socialist and supposed to be a girl with a social conscience, is forbidding her children to play with this child because of the rude words and the rude behaviour that this nasty child will teach them.
And I read this passage, and a woman came up to me afterwards and said, ‘I’m so glad you agree with me that you can’t let your children play with just anybody’. And she had read the whole thing in reverse, she listened to it in reverse; and of course you can’t stop a reader doing that, and you can’t stop readers from other countries interpreting things as being characteristically British that I didn’t mean to be characteristically British; and you can’t put footnotes, ‘I mean this seriously’, or, footnote, ‘I don’t agree with my narrator at this point’.
7. Перевод всех оригинальных материалов с английского языка выполнен автором статьи.
8. ‘It’s like Arnold Bennett wrote a book about a charwoman with a heart of gold, and Arnold Bennett was very distressed by the fact that people liked the charwoman so much when he had been trying to point out that she was oppressed. And he said, ‘People want a charwoman with a heart of gold, they don’t realize that what I’m trying to say is that she’s been exploited’, and that’s the kind of misreading that happens.’
9. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: т. 1 – 4. М.: Рус. яз., 1989 – 1991.
10. Частотный словарь русского языка под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
11. Новый большой англо-русский словарь. Под общим руководством доктора филологических наук, профессора Э. М. Медниковой и академика Ю. Д. Апресяна. М., Рус. яз., 1993.
12. С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР Н. Ю. Шведовой. М., Рус. яз., 1988.
13. The Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations compiled by Fred Metcalf, Bungay, Suffolk, 1987.
14. The National Lampoon Encyclopedia of Humour, London, 1983.
15. A Dictionary of Names and Nicknames compiled by Laurence Urdang, Oxford, 1991.
16. The Guinness Dictionary of More Poisonous Quotes. Compiled by Colin Jarman. Enfield, Middlesex, 1992.
17. Hammer and Tongues. A Dictionary of Women’s Wit and Humour. Compiled by Michele Brown and Ann O’Connor. London, 1988.
18. The Dictionary of Insults. London, 1995.

19. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Limited, Essex, 1993.
20. **Ирония** – 1. Использование слов, которые явно противоположны тому, что подразумевает говорящий, обычно для того, чтобы звучать забавно или проявить свое недовольство (например, сказав: «*Какое очаровательное поведение!*», когда кто-то стал вести себя грубо). – ср.: **сарказм**. 2. Ход событий или условие, в результате которого происходит нечто противоположное тому, что ожидалось, обычно отрицательный результат: «*Мы поехали провести отпуск в Грецию, потому что решили, что погода обязательно будет хорошей, но дождь шел почти каждый день; ирония заключалась в том, что в это же время дома стояла жара!*»
Сарказм. Речь или письмо, в котором используются выражения, явно означающие противоположное тому, что чувствуется, особенно для того, чтобы поступить безжалостно или оскорбительно в забавной манере: Она опоздала на час. «*Как мило с твоей стороны, что ты пришла*», – сказал он с суровым, уничтожающим сарказмом.
21. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. 14th edition by Ivor Evans, Cassell Publishers Limited, London, 1990.
22. **Ирония** (гр. ειρωνεία, притворное незнание). Употребление выражений, имеющих значение, отличающееся от видимого, показного значения; утонченная форма сарказма, правильно понимаемая посвященными.
Сократовская ирония. Напускное невежество как способ ввести в заблуждение и в конечном итоге доказать противнику, что он ошибается.
Ирония судьбы. Нечто, вызывающее последствия, противоположные тем, которые можно было бы ожидать. Так, например, именно по иронии судьбы Иосиф стал спасителем своих братьев, которые бросили его в колодезь.
23. A Dictionary of Modern English Usage. By H. W. Fowler. Second edition revised by Sir Ernest Gowers. Oxford University Press, 1980.
24. Сарказм не обязательно подразумевает иронию, а ирония часто не имеет никаких оттенков сарказма. Но иронию, или употребление выражений, передающих разные значения в зависимости от того, как они истолковываются, так часто делают средством выражения сарказма, т.е. средством для произнесения тех вещей, которые предназначены для оскорбления чувств, что в обычном употреблении эти два средства часто путают.
25. The Concise Oxford Dictionary of Current English. First edited by H. W. Fowler and F. G. Fowler. Ninth edition. Edited by Della Thompson. Clarendon Press. Oxford, 1995.
26. Здесь и далее подчеркнута мной (авт.).
27. **сарказм**. 1.употребление резких или ранящих, особенно иронических, замечаний; язык, состоящий из таких замечаний (*непрерывно страдал от ядовитых замечаний по поводу своей работы*). 2. Такое замечание.
28. См. сноску № 7.
29. **сарказм**. 1. Злое или обидное замечание. 2. Колкость, особенно иронически сформулированная. 3. Язык, состоящий из таких замечаний. 4. Употребление такого языка или способность использовать такой язык.
- 1, 2 см. КОЛКОСТЬ, ИЗДЕВКА. 3. Ирония, дерзость, сатира. 4. Ирония, язвительное замечание, высмеивание, осмеяние, злоба; едкое остроумие, обидная колкость, резкость, язвительность. **Саркастический**: пренебрежительный, издевательский, пародийно-высмеивающий, насмешливый, сатирический, иронический, сардонический, уничижительный, бичующий, уничтожающий, едкий, резкий, колкий, острый, ехидный, пронзительно едкий, неприятно резкий, язвительный, озлобленный, ожесточенный, злобный, пагубный.
30. The Good English Guide. English Usage in the 1990s. Compiled and written by Godfrey Howard. Mackays Ltd, Chatham, Kent, 1994.

31. **иронический** или **ироничный**. Как то, так и другое слово может использоваться для описания ситуации или события, в котором содержится *ирония*. Эти слова следует использовать только тогда, когда в том, что произошло, содержится некий неожиданный или причудливый зигзаг, так что все оказывается наоборот: «было иронично то, что вдобавок к большому заказу, который он мне дал, он еще и заплатил за обед». Использовать это слово лишь для обозначения понятий «удивительный» или «неожиданный» означает не понимать его суть: «иронично было то, что поезд пришел вовремя» может быть ироничным только в том случае, если Вы взяли с собой сэндвичи и книгу, ожидая, что поезд опоздает!
- Едкий** или **саркастичный**. Caustic ('едкий') происходит от греческого слова, которое означает «жгучий» (каустическая сода, или содиум гидроксид – это кристаллическая щелочь, которая вызывает ощущение жжения при контакте с кожей). Едкое замечание или комментарий имеют, так сказать, тот же эффект, потому что они являются резкими и оскорбительными.
- Саркастический** происходит от другого греческого слова со столь же неприятным значением – «терзать плоть». Саркастическое замечание является обоюдоострым, добиваясь своего эффекта при помощи язвительного комментария, который означает противоположное подразумеваемому. Если кто-нибудь приезжает погостить на выходные, привозя в качестве подарка пакетик хрустящего картофеля, едкое замечание будет таким: «Спасибо и на этом!», а саркастическое замечание будет следующим: «Спасибо за то, что Вы так необыкновенно щедры!»
32. Merriam Webster's Collegiate Dictionary. Tenth edition. Springfield, Massachusetts, USA, 1996.
33. **сарказм** 1: резкое, часто остро сатирическое или ироническое высказывание, предназначенное для того, чтобы ранить или причинить боль (*устал от непрерывных саркастических замечаний*) 2. а: вид сатирического острословия, эффект которого зависит от злого, язвительного и часто иронического языка, который обычно направлен против определенного человека б: употребление языка сарказма (*сейчас не подходящее время, чтобы позволять себе сарказм*). синоним. см. **wit**.
- саркастичный, саркастический**. 1. имеющий качества сарказма (*саркастическая критика*) 2. склонный к употреблению сарказма; злопыхательский (*саркастичный критик*) – **саркастически, саркастично** наречие.
- Синонимы. САРКАСТИЧЕСКИЙ, САТИРИЧЕСКИЙ, ИРОНИЧЕСКИЙ, САРДОНИЧЕСКИЙ означают отмеченный злорадством и способностью или желанием задеть за живое или уязвить. САРКАСТИЧЕСКИЙ подразумевает, что человеку умышленно причиняется боль, поскольку над ним насмеяются, издеваются или говорят ему колкости (критик, известный главным образом своими *саркастическими* замечаниями). САТИРИЧЕСКИЙ подразумевает, что осмеянию подвергают с намерением выразить осуждение, порицание или неприятие (*сатирический* взгляд на современные сексуальные нравы). ИРОНИЧЕСКИЙ подразумевает попытку быть забавным или дерзко-вызывающим, обычно высказывая противоположное тому, что имелось в виду (сделал *ироническое* замечание, что правительству можно доверять всегда).
34. 'It is important to distinguish irony from sarcasm (which is notoriously the lowest form of the wit). Both irony and sarcasm involve saying the opposite of what you mean. But when someone is being sarcastic, there is no doubt that the listener is intended to understand this. 'I suppose you think that's terribly clever,' says the sarcastic teacher to a stupid child. Irony, however, is different. Many people, when hearing an ironic remark, may not realize that it is meant in jest. So irony is much more subversive than sarcasm, and also much more fun – those who realize that an ironic remark has been made are instantly complicit, and they can

enjoy the fact that there are others who have missed the joke.' (The Economist, December 18th – 30th 1999, page 73.)

35. ...there are some emotions which are language-specific. I mean... sarcasm is a very good example. Sarcasm is a very language-specific feature, and it is difficult to know, often, when a foreigner is being sarcastic. Let's take an example here. Russians always get into a fix over this with English, don't they?, because ... well, let me explain the situation in case you are not aware of it. What is the main intonational feature of English sarcasm? Well, it is the use of the level tone. A tone which you might not get much practice in as far as teaching is concerned, 'cause it is often not mentioned in most of the pedagogic textbooks. O'Connor and Arnold don't mention it, for instance. But the level tone is the common one, when it's used at the end of a clause. So you say things like 'What did you think of the picture you went to see last night?' and they say (произносит монотонно, на низком уровне тона, с финальными ровными тонами) 'It was marvellous' ... 'Great'... 'Wonderful' ... 'Super'... 'Can't wait to go back'. And the more you keep it level and flat, the more ironic, sarcastic you are implying. Now, that's in English and to be more precise, it's in RP. It is not the case for all English accents, by the way, but that is another story.

Russians, however, of course, use level tone as a marker of statement intonation. So it's a perfectly normal feature of standard Moscow Russian to say, as it were, ta-da-ta-da-da where ..., it's a ... I mean I'm not going to risk my Russian here, you see (аудитория смеется), so... pardon the nonsense. But, you see, Russians come up to you after your ... after, and you say, 'What did you think of the play?' and they say, (имитирует русский акцент) 'Wonderful. Very good. I liked it.' (аудитория смеется) And, of course, you look at their face, and you know from their face, well, not with Russians perhaps (аудитория смеется), but you... often when a foreigner does this... you know from their face that they really did like it, so of course you discount the intonation. But the point is that in many circumstances the tone that is conveyed is one of irony, or boredom, or sarcasm, and patently it is not intended and certainly is explicable not when you look at the Russian intonation system.

Л и т е р а т у р а

1. *Болдырева Л. В.* Социально-исторический вертикальный контекст. М., 1997.
2. *Гюббенет И. В.* К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). М., 1981.
3. *Давыдов М. В.* Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. М., 1984.
4. *Давыдов М. В., Яковлева Е. В.* Основы филологического чтения. М., 1997.
5. Методы лингвистических исследований / Под ред. *О. В. Александровой, Т.Б. Назаровой.* М., 1988.
6. *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М., Лабиринт, 1999.
7. *Brown H. D.* Principles of Language Learning and Teaching. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1980.
8. *Davydov M. V., Yakovleva Y. V.* Prosodic Images in English Speech. М., 1999.
9. *Lado R.* Linguistics across Cultures. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1957.
10. *Philological Phonetics / Ed. by O. Akhmanova, L. Minayeva and O. Mindrul.* М., 1986.
11. *Ter-Minasova S.* The Sociocultural Content of Language Units and English Language Teaching // *Folia Anglistica.* 1998, ¹ 1. Semantics, Pragmatics and Semiotics. Moscow, 1998.

Изучение некоторых сложных разделов идиоматики английского языка: варианты заданий

© кандидат филологических наук А. А. Изотова, 2000

Практика преподавания показывает, что особую трудность для изучающих английский язык представляют такие разделы лексики, как фразовые глаголы, идиоматические выражения, сложные слова, а также лексическая сочетаемость.

В качестве упражнений на активизацию данной лексики можно предложить следующие задания:

1. Раздел «Фразовые глаголы»

1.1. Развитие у обучающихся навыков перевода наиболее употребительных фразовых глаголов. Например:

Задания	Ключ
1. Когда <u>вылетает</u> самолет?	What time does the plane <u>take off</u> ?
2. Пожалуйста, разрешите мне <u>примерить</u> это серое пальто.	Let me <u>try on</u> that grey coat, please.
3. Ты не могла бы <u>включить</u> свет? В комнате слишком темно.	Could you <u>turn the light on</u> ? It's too dark in the room.
4. Во время поисков она <u>натолкнулась</u> на несколько старых писем.	She <u>came across</u> some old letters in the course of her search.
5. Я <u>поищу</u> расписание поездов.	I'll <u>look up</u> the time of the trains.
6. Вы <u>ладите</u> со своим начальником?	Do you <u>get on well with</u> your boss?
7. <u>Успокойся</u> , волноваться не о чем. Наверное, они скоро позвонят.	<u>Calm down</u> , there's nothing to worry about; they're likely to telephone soon.
8. Они <u>продолжали</u> разговаривать, даже когда зазвучала музыка	Even after the music started they <u>kept on</u> talking.
9. Ему пришлось <u>бросить</u> учебу из-за нехватки денег.	He had <u>to give up</u> his studies through lack of money.
10. Джон <u>начал</u> играть в театре, когда он учился в колледже.	John <u>took up</u> acting while he was at college.

1.2. Выбор правильного варианта фразового глагола

Задания	Ключ
1. The teacher ___ him ___ for not doing his homework. a. look up c. tell off b. show off d. work out	The teacher <u>told him off</u> for not doing his homework.
2. I ___ quite by chance that she intended to sell the house. a. give up c. get on b. find out d. turn on	I <u>found out</u> quite by chance that she intended to sell the house.
3. It took them six hours ___ the fire ____. a. put out c. take after b. settle out d. keep away	It took them six hours <u>to put the fire out</u> .
4. The building of the new road ___ by bad weather. a. cut back c. hold up b. set out d. give in	The building of the new road <u>has been held up</u> by bad weather.

2. Раздел «Идиомы»

2.1. Развитие у обучающихся навыков перевода наиболее употребительных идиоматических выражений. Например:

Задания	Ключ
1. Директор решил, что в конфликте учителей с родителями он займет выжидательную позицию и не поддержит ни одну из сторон.	The headmaster considered that it was better for him <u>to sit on the fence</u> during the quarrel between parents and teachers rather than show support for one side or the other.
2. Мой брат зациклен на современном искусстве. Он считает, что почти все оно никуда не годится.	My brother <u>has a bee in his bonnet</u> about modern art. He thinks most of it is very bad.
3. Ты говоришь ерунду. Ты ничего не смыслишь в политике.	<u>You're talking through your hat.</u> You don't know anything about politics.
4. Не доверяй ему секретов — он сразу всё разболтает.	You can't trust him to keep a secret — he is sure <u>to spill the beans</u> before long.

5.	<i>Я думаю, что полиция <u>взяла ложный след</u>, начиная расследования почти в 100 милях от места убийства.</i>	<i>I think the police <u>are barking up the wrong tree</u> by starting their inquiries nearly 100 miles from where the murder happened.</i>
6.	<i>Тебе следует <u>разведать обстановку</u>, прежде чем просить у него еще денег.</i>	<i>You should <u>find out how the land lies</u> before you ask him for more money.</i>
7.	<i>Когда тесты показали, что его план не сработает, <u>крыть ему было нечем</u>.</i>	<i>After the results of the test had shown that his plan would not work, he <u>hadn't a leg to stand on</u>.</i>
8.	<i>Этот человек вовсе не радеет о дешевых хороших домах, он просто <u>блюдет свою выгоду</u>.</i>	<i>That man doesn't really care about providing good houses cheaply; he just wants <u>to feather his own nest</u>.</i>
9.	<i>Чтобы сохранить власть самому, королю придётся <u>подрезать крылья</u> своему министру.</i>	<i>The king will have <u>to clip his minister's wings</u> in order to keep power himself.</i>
10.	<i>Прежде чем осуждать других, следует <u>навести порядок в собственном доме</u>.</i>	<i>Before making complaints about how another person arranges his life, it is better <u>to set one's own house in order</u>.</i>

2.2. Выбор правильного варианта компонента в составе идиомы.

Например:

	<i>Задания</i>	<i>Ключ</i>
1.	<i>not see the ___ for the trees
a. house c. wood
c. sky d. sea</i>	<i>not see the <u>wood</u> for the trees — 'not to have a clear and complete understanding of something because of the great number of small and unimportant details that demand one's attention'¹</i>
2.	<i>not be/have enough ___ to swing a cat
a. place c. space
b. room d. time</i>	<i>not be/have enough <u>room</u> to swing a cat — 'to be/have only a very small amount of space'</i>
3.	<i>like looking/searching for a ___ in a haystack
a. pin c. key
b. coin d. needle</i>	<i>like looking/searching for a <u>needle</u> in a haystack — 'very difficult or almost impossible to find'</i>

¹ Толкования идиом взяты из словаря Longman Dictionary of English Idioms. The Pitman Press, Bath, 1979.

4.	cry over spilt ____
a. water c. oil
b. milk d. wine	cry over spilt <u>milk</u> — ‘to cry or grieve because of a loss or mistake that cannot be put right’
5.	beard the ____ in his den
a. tiger c. lion
b. bear d. leopard	beard the <u>lion</u> in his den — ‘to face someone frightening or powerful boldly in his own surroundings’
6.	____ is power
a. strength c. skill
b. knowledge d. wealth	<u>knowledge</u> is power — ‘the more that a person knows and understands, the more powerful he is’

3. Раздел «Сложные слова»

3.1. Развитие у обучающихся навыков перевода наиболее употребительных сложных слов. Например:

Задания	Ключ
1. Не стоит <u>недооценивать</u> его способностей.	Don't <u>underestimate</u> his abilities.
2. Их офис расположен в центральной части Лондона, поэтому <u>накладные расходы</u> у них очень велики.	Their office is in central London, so their <u>overheads</u> are very high.
3. Ошибка произошла из-за <u>недосмотра</u> .	The mistake was the result of an <u>oversight</u> .
4. С тех пор как последний принятый на работу секретарь уволился, офис <u>не укомплектован</u> .	The office is <u>understaffed</u> since the last secretary left.
5. <u>Абрис</u> ее лица при свете свечи был магическим.	The <u>outline</u> of her face in the candlelight was magic.
6. Скандал привел к <u>отставке</u> правительства.	The scandal led to the <u>downfall</u> of the government.
7. Это <u>усовершенствованная</u> модель этой популярной машины.	That's an <u>updated</u> model of this popular car.
8. Нам нужен <u>коммуникабельный</u> сотрудник, чтобы принимать наших зарубежных гостей.	We need an <u>outgoing</u> person to receive our foreign visitors.
9. После отпуска осталась куча <u>невыполненных заказов</u> .	There's a <u>backlog</u> of work after the holidays.

10. Она очень практична и скажет вам, что она действительно думает. *She's very down-to-earth and will tell you what she really thinks.*

3.2. Выбор правильного варианта сложного слова. Например:

Задания	Ключ
1. <i>The time is 12 o'clock: here are the news ____.</i>
a. headphones c. headlines
b. headlights d. headquarters	<i>The time is 12 o'clock: here are the news <u>headlines</u>.</i>
2. <i>The car came within a ____ of hitting us.</i>
a. hair-cut c. hairbrush
b. hair's breadth d. hair-raiser	<i>The car came within a <u>hair's breadth</u> of hitting us.</i>
3. <i>We test your ____ before giving you a driving licence.</i>
a. eyewitness c. eye-service
b. eyebrow d. eyesight	<i>We test your <u>eyesight</u> before giving you a driving licence.</i>
4. <i>Her ____ on the handle proved she's been there.</i>
a. fingerprints c. finger-nails
b. fingertips d. finger-board	<i>Her <u>fingerprints</u> on the handle proved she's been there.</i>

4. Раздел «Лексическая сочетаемость»

В данном разделе предлагаются упражнения на перевод. Например:

Задания	Ключ
	<i>high/tall</i>
1a. <i>Какова <u>высота</u> этой стены?</i>	<i>How <u>high</u> is the wall?</i>
1b. <i>Ты видишь это <u>высокое</u> дерево? Это сосна.</i>	<i>Do you see that <u>tall</u> tree? It's a pine.</i>
1c. <i>Я никогда не видел такого <u>высокого</u> человека.</i>	<i>I have never seen such a <u>tall</u> person.</i>
1d. <i>На эти товары установлены <u>высокие</u> цены.</i>	<i>These are <u>high-priced</u> goods.</i>
	<i>strong/heavy</i>
2a. <i>Этот чай слишком <u>крепкий</u>, я не могу его пить.</i>	<i>The tea is too <u>strong</u>: I can't drink it.</i>
2b. <i>В этом районе <u>оживленное</u> движение.</i>	<i>The traffic is <u>heavy</u> in this district.</i>

2c.	Вчера дул <u>сильный</u> ветер.	A <u>strong</u> wind blew yesterday.
2d.	Смотри! Какой <u>сильный</u> дождь!	Look! What a <u>heavy</u> rain!
		lose/miss
3a.	Я приехал слишком поздно и <u>опоздал</u> на поезд.	I arrived too late and <u>missed</u> the train.
3b.	Она <u>потеряла</u> родителей, когда была еще маленькой.	She <u>lost</u> her parents when she was very young.
3c.	Мы поздно приехали в театр и <u>пропустили</u> первый акт пьесы.	We arrived late at the theatre, and <u>missed</u> the first act of the play.
3d.	Она <u>вышла из себя</u> и стала на них кричать.	She <u>lost her temper</u> and started shouting at them.
3e.	Ее дети уехали в Австралию, и она очень по ним <u>скучает</u> .	Her children have gone to Australia, and she <u>misses</u> them very much.
3f.	Он очень <u>похудел</u> .	He's <u>lost</u> a lot of weight.
3g.	Это возможность, которую нельзя <u>упустить</u> .	That's an opportunity that is too good <u>to miss</u> .
		do/make
4a.	Ты уже <u>решил</u> , что будешь делать?	Have you <u>made up your mind</u> what to do yet?
4b.	Мы <u>сделали все возможное</u> , чтобы помочь ему.	We <u>did our best</u> to help him.
4c.	Это очень <u>повредит</u> ее политической репутации.	This will <u>do a lot of damage</u> to her political reputation.
4d.	Я могу <u>условиться о встрече</u> с директором?	Can I <u>make an appointment</u> to see the director?
4e.	Перестаньте <u>извиняться</u> ! Я знаю, что это плохая работа.	Stop <u>making excuses</u> ! I know it's poor work.
4f.	Вы <u>понимаете</u> , что имеет в виду этот писатель?	Can you <u>make sense of</u> what this writer is saying?

В заключение мы предлагаем задания на перевод слов, которые изучающие английский язык нередко путают. Например:

	Задания	Ключ
		sensible/sensitive
1a.	Без сомнения, прежде чем <u>предпринимать</u> дальнейшие действия, было бы <u>разумно</u> выслушать и другое мнение.	Surely it would be <u>sensible</u> to get a second opinion before taking any further action.

- 1b. Не будь таким обидчивым, я критиковал не тебя. *Don't be so sensitive — I wasn't criticizing you.*
- borrow/lend*
- 2a. Он одолжил у друга на несколько дней машину. *He borrowed a car from a friend for a few days.*
- 2b. Ты не одолжишь мне до завтра 10 фунтов? *Can you lend me £ 10 until tomorrow?*
- lose/loose*
- 3a. Вот билеты, не потеряй их. *Here are the tickets: don't lose them.*
- 3b. Этот столб шатается, он скоро упадет. *This pole is coming loose; it'll soon fall down.*
- raise/rise*
- 4a. Она приложила палец к губам в знак молчания. *She raised her finger to her lips as a sign for silence.*
- 4b. Солнце восходит на востоке. *The sun rises in the east.*
- suit/fit*
- 5a. Эта одежда совершенно не подходит для тропического климата. *These clothes aren't really suited to a tropical climate.*
- 5b. Это платье не подходит мне по размеру. *This dress doesn't fit me.*
- discover/invent*
- 6a. Ученые обнаружили новый вирус. *Scientists have discovered a new virus.*
- 6b. Александр Белл изобрел в 1876 году телефон. *Alexander Bell invented the telephone in 1876.*
- take/pass/fail an exam*
- 7a. Ты сдал свой экзамен по истории? *Did you pass your history exam?*
- 7b. Она провалилась на экзаменах, и ей придется сдавать их еще раз. *She failed her exams and will have to take them again.*

Морфология чешского языка: программа лекционного курса¹

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 2000

Традиционно выделяемые в богемистике 10 частей речи, их «богемизированные» и «латинизированные» названия. Самостоятельные и служебные части речи, семантические, морфологические и синтаксические критерии их выделения. Используемые в богемистике понятия семантической базы и функционального признака, первичных и вторичных функций морфологических форм, грамматической и словообразовательной частеречной транспозиции.

Имя существительное. Существительные абстрактные и конкретные, собственные и нарицательные. Отнесение в богемистике к именам собственным существительных, обозначающих национальности, народности, этнические группы, жителей тех или иных населенных пунктов и территорий. Морфологические категории имени существительного: словоизменяемые (число, падеж) и несловоизменяемые (род, одушевленности/неодушевленности). Морфологические, синтаксические и словообразовательные признаки принадлежности существительного к мужскому, женскому или среднему роду. Особенности родовой принадлежности некоторых групп заимствованных слов (*muzeum, drama, fakulta, garáž*). Связь грамматического рода и пола живого существа. Более последовательная, нежели в русском, родовая дифференциация в соответствии с полом существительных, обозначающих мужские и женские фамилии (*Gandhi — Gandhiová*), а также лиц по профессии, роду занятий, занимаемой должности (*ředitel — ředitelka, ministr — ministryně*). Родовая дифференциация (в отличие от русского) существительных *pluralia tantum* (*játra — ср. р.; hodiny — ж. р.; tepláky — м. р.*). Грамматическая оппозиция единственного и множественного числа и реальная единичность или множественность объекта. Существительные *singularia tantum* и *pluralia tantum*. Случаи расхождения числовой оформленности соотносительных чешских и русских существительных (*játra — печень, povidla — повидло, kamna — печь*). Семь традиционно выделяемых в богемистике падежей и их инвариантное значение. Особое место в системе падежей звательной формы. Особенности реализации

¹ Настоящий курс читался автором в рамках дисциплины «Теория 1-го иностранного языка» для студентов МГУ им. М. В. Ломоносова специальности «022600 — Лингвистика и межкультурная коммуникация (славянские языки)».

категории одушевленности/неодушевленности в чешском языке в сравнении с русским (род., дат., вин., местный падежи ед. числа и им. п. мн. числа существительных мужского рода). Четырнадцать основных типов склонения имен существительных (*žena, duše, píseň, kost; hrad, stroj, pán, muž, předseda, soudce; město, pole, stavení, kuře*). Непродуктивные и реликтовые типы склонения (*den, týden, kořen, nohy, ruce, oči, uši, kolena, ramena, prsa*). Особенности склонения некоторых типов заимствованных существительных (*muzeum, kosmos, romantismus, idea, drama, Dante, Verdi, Tolstoj, Sokrates, Paris, Cicero*).

Имя прилагательное. Словоизменительные морфологические категории рода, числа, падежа, одушевленности/неодушевленности. Лексико-грамматическая категория степени сравнения. Наиболее существенные системные отличия чешских прилагательных от русских: более ограниченное употребление кратких прилагательных; более широкие возможности употребления притяжательных прилагательных; наличие изменяемых по родам, числам и падежам морфологических форм степеней сравнения; возможность выражения родовых отличий в формах им.-вин. пад. мн. ч.; иное морфологическое выражение категории одушевленности/неодушевленности. Лексико-грамматические разряды прилагательных: прилагательные качественные, относительные, притяжательные. Словоизменение полных, кратких и притяжательных прилагательных.

Местоимение. Традиционно выделяемые в богемистике разряды местоимений: местоимения личные, лично-возвратное, притяжательные, притяжательно-возвратное, указательные, определительные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные. Системные отличия чешских местоимений от русских: наличие полных и кратких форм личных и лично-возвратного местоимений; наличие стяженных и нестяженных форм притяжательных местоимений. Основные чешско-русские различия в сфере функционирования личных, указательных и вопросительных местоимений. Вариант классификации местоимений: местоимения, указывающие на предмет (местоимения-существительные), местоимения, указывающие на признак (местоимения-прилагательные).

Числительное. Выделяемые в богемистике лексико-грамматические разряды числительных: количественные (*jeden, dva, tři*), порядковые (*první, druhý, třetí*), собирательно-видовые (*dvoji, troji, čtyřtý*), кратные (*dvojnásobný, dvakrát*), разделительные (*po jednom, po dvou, po třech*). Входящие в названные разряды числительные определенные (*pět, pátý, pětkrát, paterý...*) и неопределенные (*několik, několikrát, několikrát, několikrát*). Числительные простые (*dva, tři*), сложные (*dvacet, třicet*),

составные (*sto třicet pět*). Неоднородность морфологических и синтаксических свойств числительных и проблема счетных существительных (*dva*), счетных прилагательных (*druhý, dvají, dvojnásobný*), счетных наречий (*dvakrát, po dvou*).

Глагол. Глаголы полнозначительные и неполнозначительные (вспомогательные и глаголы-связки, модальные, фазовые). Глаголы объектные (прямо-переходные и косвенно-переходные) и безобъектные. Возвратные глаголы с компонентами *se* и *si*. Возвратные формы невозвратных глаголов. Личные и неличные формы глагола. Особенности реализации у чешского глагола категорий лица и числа. Более последовательное, нежели в русском, выражение категории лица глагольными формами (синтетическими и аналитическими). Лицо и число и особые этикетные формы общения («выкание», «оникание», «онкание»). Употребительность возвратных конструкций с неопределенно-личным и обобщенно-личным значением (*jde se domů*). Особенности реализации категорий наклонения и времени. Инвариантные значения индикатива, императива и кондиционала. Чешские императив и кондиционал на фоне русских. Особенности реализации категории залога: оппозиция актив-пассив во всех наклонениях. Страдательный пассив и возвратный пассив. Особенности реализации категории вида. Инвариантные значения совершенного и несовершенного вида. Многократные глаголы. Неличные формы глагола. Образование и употребление деепричастий настоящего времени (*nesa, nesouc, nesouce*), прошедшего времени (*přines, přinesši, přinesše*), будущего времени (*přinesa, přinesouc, přinesouce*). Способность чешских деепричастий, в отличие от русских, изменяться по роду и числу. Система чешских причастий на фоне русских и чешско-русские терминологические различия в области партиципальных форм. Краткие партиципальные формы (*při*)*nesen* (příčestí trpné), *přišel* (příčestí minulé). Полные партиципальные формы (*při*)*nesený* (adjektivované příčestí trpné), *přišlý* (adjektivované příčestí minulé), *nesoucí* (adjektivovaný přechodník přítomný), *přinesší* (adjektivovaný přechodník minulé). Чешские причастия и особенности реализации категорий вида, времени и залога. Чешские отглагольные существительные на фоне русских. Возможность выражения чешскими отглагольными существительными видовых отношений: *zvýšení — zvyšování*. Чешский инфинитив на фоне русского.

Наречие. Наречия места, времени, образа действия, причины и цели. Наречия мотивированные и немотивированные. Наличие в чешском языке, в отличие от русского, форм сравнительной степени наречий, не омонимичных формам сравнительной степени прилагательных, и синтетических форм превосходной степени. Более распространенное,

нежели в русском, образование и употребление наречий со значением различного рода отношений (*zajímavé vědecky, šli předpisově*).

Служебные части речи. Чешские предлог, союз, частица, междометие на фоне русских.

ЛИТЕРАТУРА

Широкова А. Г. Чешский язык. М., 1961.

Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А. Чешский язык. М., 1990.

Mluvnice češtiny (1). Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov. Praha, 1986.

Příruční mluvnice češtiny. Brno, 1996.